

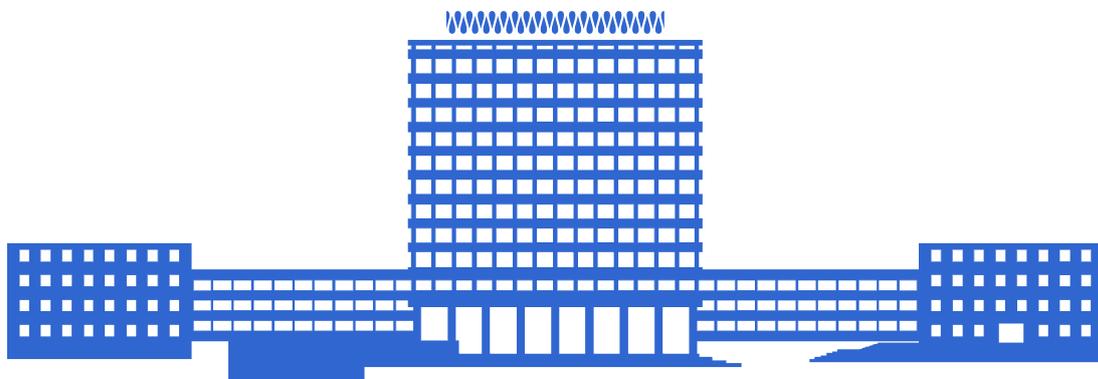
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 17 Выпуск 3 (53) 2021

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Т. 17. – Вып. 3 (53). – 133 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 6 от 27 сентября 2021 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 17 Выпуск 3 (53) 2021

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2021

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 17 Issue 3 (53) 2021

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 17, Вып. 3 (53), 2021

Германские языки

<i>Воркачев С. Г., Воркачева Е. А.</i> Биосимволика в блазонировании национальной геральдики англоязычных стран.....	5
<i>Катамадзе М. О.</i> Ирония как когнитивно-эмотивная тактика парламентских прений (на материале прений в Германском Бундестаге).....	16
<i>Котюрова И. А., Сибирякова Н. Б.</i> Контекстуальные различия эмотивного модуса лексем (на примере немецкоязычных текстов студенческого корпуса ПАКТ).....	25
<i>Усова Н. В.</i> О термине 'культура' в актуальном лингвистическом дискурсе.....	38

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басыров Ш. Р., Алексеева Е. П.</i> Структурно-семантическая характеристика глаголов и фразеологизмов понимания в английском, немецком и русском языках.....	49
<i>Демичева Ю. В.</i> Семантическое единство «любовь – ненависть» в русскоязычном и англоязычном фанфикшн.....	59
<i>Дроздов В. А.</i> Семантические пути развития китайских заимствований-историзмов лексико-семантической группы «наименования карточных игр» в карибских креолях на англоязычной основе.....	70
<i>Калиущенко В. Д.</i> Частотные слова в немецком языке в сопоставлении с русским.....	79
<i>Липанова П. К.</i> Семантические модели предложений с конструкцией «вызывать восторг» в сопоставительном аспекте.....	88
<i>Фатьянова И. В.</i> Методика лингвистического анализа лингвокогнитивных и коммуникативных особенностей американского политического дискурса XX-XXI вв..	107

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 17, Issue 3 (53), 2021

Studies in Germanic Languages

- Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A.* Biosymbols in Blazoning of National Heraldry of English-Speaking Countries..... 5
- Katamadze M. O.* Irony as Cognitive-Emotive Tactics of Parliamentary Debate (Based on the Debates in German Bundestag)..... 16
- Kotiurova I. A., Sibiriakova N. B.* Contextual Differences in Emotional Mode of Lexemes (Based on German Texts from Learner Corpus PACT)..... 38
- Usova N. V.* On the term ‘Culture’ in Topical Linguistic Discourse.....

Typological and Contrastive Studies

- Basyrov Sh. R., Alekseeva E. P.* Structural and Semantic Characteristics of Verbs and Phraseological Units of Understanding in English, German and Russian..... 49
- Demicheva Yu. V.* Semantic Unity ‘Love – Hate’ in Russian and English Fanfiction..... 59
- Drozhdov V. A.* Ways of Semantic Development of Chinese Borrowed Historisms in Lexico-Semantic Group «Names of Card Games» in English-Based Caribbean Creoles..... 70
- Kaliuščenko V. D.* German and Russian Frequency Words Viewed in Comparison..... 79
- Lipanova P. K.* Semantic Models of Sentences with Construction *to Cause Excitement* in Comparative Aspect..... 88
- Fatyanova I. V.* Method of Linguistic Analysis Procedure of Linguo-Cognitive and Communicative Features of American Political Discourse of XX-XXI-st Centuries..... 107

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111

© 2021 С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева

БИОСИМВОЛИКА В БЛАЗОНИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

На материале текстов блазонирования национальной геральдики англоязычных стран через символику зоонимов и фитонимов исследуется воплощение национальной идеи. Устанавливается, что в национальной геральдике отражается идея нации в единстве смысловых блоков власти, территории и населения; территория нации в геральдике англоязычных государств символизируется преимущественно через образы представителей фауны и флоры этих стран; анималистическая символика в национальной геральдике англоязычных стран, помимо обозначения местной фауны, отсылает также к физическим и моральным качествам обитателей этих стран, а образ льва на гербах стран-монархий относится к символике власти.

Ключевые слова: биосимволика, нация, геральдика, герб, блазонирование, национальная идея.

© 2021 S. G. Vorkachev, E. A. Vorkacheva

BIOSYMBOLS IN BLAZONING OF NATIONAL HERALDRY OF ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES

The embodiment of the national idea is studied on the basis of the blazoning texts of the national heraldry of English-speaking countries through the symbolism of zoonyms and phytonyms. It is established that the national heraldry reflects the idea of a nation in the unity of the semantic blocks of power, territory and population; the territory of the nation in the heraldry of English-speaking states is symbolized mainly through the images of fauna and flora representatives of these countries; animalistic symbolism in the national heraldry of English-speaking countries, in addition to designating the local fauna, also refers to the physical and moral qualities of inhabitants of these countries, and the image of a lion on the emblems of monarchy countries refers to the symbolism of power.

Key words: biosymbol, nation, heraldry, coat of arms, blazoning, national idea.

Значение и роль символа в культуре были и остаются предметом интереса таких научных направлений, как семиотика, литературоведение, культурология и симбиоз двух последних – лингвокультурология (антропологическая лингвистика) (см.: [Алефиренко 2000; Маслова 2001; Загидулина 2010; Todorov 1982; Dobrovolskij 1998 и пр.]).

Как установлено (см.: [Бенвенист 1974: 85]), с помощью естественного языка можно истолковать систему любых знаков, невзирая на «материю» их плана выражения, в том числе и язык символов. Будучи вербализованным, символ как образ, отправляющий к какой-либо абстракции, приобретает многоуровневую структуру: план содержания имени,

называющего образ, сам превращается в план выражения того, к чему отправляет этот образ (см.: [Воркачев 2021: 39–40]).

Растения и животные составляют ближайшую природную среду обитания человека, которая совершенно естественным образом преобразуется в его символическую среду, где особое место, конечно, занимают цветы, образующие собственную символическую систему – язык цветов (флюорографику, селям, алфавит Флоры) (см.: [Ознобишин 1830; Шарафадина 2003]). Фитонимы и зоонимы в современной российской лингвистике рассматриваются как лингвокультурные концепты – составляющие национальной концептосферы и единицы этнического менталитета (см.: [Карасик 2009; Ковалевич 2004; Котова 2007; Молоткова 2006; Москаленко 2015 и пр.]).

Символика, представляющая суверенную страну, – это национальная символика: гимн, герб и флаг, из которых, однако, к образным, наглядным символам принадлежат только герб и флаг, относящиеся к предметам, изучаемым государственной геральдикой. Национальные символы, безусловно, культурные артефакты, они функционируют как средство социальной организации этноса и в них выражается самосознание нации, между геральдической символикой и национальным культурным кодом существует вполне определенная связь (см.: [Код]).

Если в национальной гимнодии отражается идея патриотизма (см.: [Воркачев 2020: 38]), то в национальной геральдике, соответственно, будет отражаться идея нации (государства), в которой на основании результатов семантического анализа слова «нация» (nation) в лексикографических источниках можно выделить такие смысловые блоки, как власть – возможность и право национальных элит распоряжаться и править, территория, на которой осуществляется управление, и население (народ), населяющее эту территорию как объект управления. Большая же часть геральдической символики отправляет к стране в целом – и к элите, и к народу (см.: [Воркачев 2021: 194–196]).

Блазонированием (от французского blason – родовой герб) в геральдике называется толкование гербов и изъяснение присутствующих на них символов, заключающееся в расшифровке значения геральдических знаков и в их описании в соответствии с определенными правилами (см.: [Похлебкин 2001: 45–50]). Если задачей блазонирования в геральдике является лаконичное и адекватное вербальное описание символических образов, не требующее дальнейших пояснений, то для лингвокультурологического исследования важно установить, как в геральдической символике выражается идея

государства или нации. И если сопоставить понятия символизации и блазонирования, то можно увидеть, что последнее, по сути, равнозначно упорядоченному описанию символа.

На сегодняшний день английский язык является государственным в 42 странах мира, куда входят, прежде всего, государства Содружества наций, включая Великобританию, и США. Соответственно, в этих странах блазонирование – словесное описание национальной геральдики – осуществляется изначально на английском языке. Становление национальной геральдики в странах-англофонах заняло более трех веков: первый национальный герб был принят в 1661 году на Ямайке, основная масса государств получила свою национальную геральдику в 60-е и 70-е годы прошлого века, а последней в 1990 свой герб получила Намибия.

Материалом описания национальной геральдики послужили тексты на сайте «Гербы стран мира» (<http://www.world-globe.ru/countries/arms/>), описание геральдики в Википедии на английском языке (<https://ru.wikipedia.org/wiki>) и сайты посольств соответствующих государств.

Основной функцией государственного герба является опознавательно-различительная, удостоверительная (см.: [Вилинбахов 2003]), дающая ему возможность идентифицировать государство, символом которого он является. Эта базовая функция национальной геральдики сопровождается информативной – функцией передачи сведений о стране герба, реализуемой символами, относящимися преимущественно к таким смысловым блокам национальной идеи, как территория и население.

Территория нации в геральдике англоязычных государств символизируется преимущественно через образы представителей фауны (35 разновидностей в 104 появлениях) и флоры (35 разновидностей в 85 появлениях) этих стран.

Как и можно было ожидать, в животном мире доминирует со значительным отрывом изображение льва, появляющееся 32 раза на гербах 12 государств, однако образ льва на гербах Великобритании (9 появлений) и Канады (5 появлений) относится к символике монархической власти, с этой же символикой связано его присутствие на гербах Ганы, Гренады и Фиджи. В качестве символа животного мира страны лев выступает на гербах Индии (пять львов) и африканских стран – Кении, Малави, Свазиленда и Сьерра-Леоне, где львы поддерживают щит. Из других крупных теплокровных хищников в национальной геральдике англоязычных стран появляются ягуары (two jaguars as supporters) на гербе Гайаны и леопард (leopard) на гербе Малави. Хищник «хладнокровный», крокодил (crocodile) – «символ хищности, прожорливости и зубастости» [Егазаров 2003: 399] и «символ лицемерия» [Бидерманн 1996: 136]

представлен на гербах Соломоновых Островов, Ямайки и Лесото, причем на гербе последнего государства это тотемный символ самой крупной народности Лесото – Суто, вернее, правящей в стране династии (the symbol of the dynasty of Lesotho's largest ethnicity, the Sotho), хотя крокодилы в Лесото не водятся (there are no crocodiles in Lesotho though).

Самое крупное травоядное животное – слон (elephant), воплощение силы и мудрости (см.: [Егазаров 2003: 599]), представлен на гербе Свазиленда, где он символизирует королеву-мать (queen-mother). Слона на абаке «львиной капители», изображенной на гербе Индии, где он символизирует восток (The Elephant of the East), как и льва, символизирующего север (The Lion of the North), не видно – видны лишь символы юга – бык (The Bull of the South), воплощающий трудолюбие (hard work and steadfastness), и запада – лошадь (The Horse of the West), воплощающая верность и быстроту (loyalty, speed, and energy). Слоновые бивни (elephant tusks) изображены на гербе ЮАР, где они символизируют мудрость и силу их носителя (Elephants symbolise wisdom, strength, moderation and eternity). Герб Австралии поддерживает кенгуру, герб Намибии – две антилопы орикс (oryx), символизируя храбрость, элегантность и гордость обитателей страны, антилопа коб (ugandan kob) поддерживает щит Уганды. Щит Ботсваны поддерживают две зебры, на самом щите изображена голова буйвола, щит Антигуа и Барбуды поддерживают два оленя (deer), еще один олень (sambar deer) изображен на гербе Маврикия. Лошади – «олицетворение силы и жизненности» [Бидерманн 1996: 152], совмещающие в себе все лучшие свойства нескольких животных: «храбрость льва, зоркость орла, силу вола, быстроту оленя, ловкость лисицы» [Похлебкин 2001: 202], поддерживают щит на гербе Лесото; щит Нигерии поддерживают две белые лошади, символизирующие достоинство (two supporting horses ... represent dignity), лошадь изображена на подножии щита Замбии. Щит на гербе Гренады поддерживает армадилл (armadillo).

На гербе Сейшельских Островов изображена гигантская черепаха (giant tortoise) – символ мудрости и долгожительства (см.: [Егазаров 2003: 691]), на гербе Доминики – лягушка (a frog of the native species known as the mountain chicken) – «символ возникающей и постоянно обновляющейся жизни» [Бидерманн 1996: 156].

Не менее представительно в национальной геральдике англоязычных стран и «пернатое царство». Самым популярным здесь является образ орла, который появляется девять раз и символизирует силу, прозорливость, завоевание свободы и надежду на лучшее будущее. Трижды появляется изображение пеликана (pelican), символа самоотверженной родительской любви (см.: [Бидерманн 1996: 201]): на гербе Барбадоса

пеликан обозначает одноименный остров (a small island named Pelican Island), а на гербе Сент-Китса и Невиса пеликаны-щитодержатели выступают в качестве символа нации (Supporters of the shield are Pelicans, the national bird). Также трижды здесь появляется голубь (dove) – воплощение кротости и любви и библейский символ конца всемирного потопа (см.: Бидерманн 1996: 57–58): на гербе Гренады (the Grenada Dove, representative of the fauna on the islands), на гербе Тонга (The dove ... symbolises peace, unity and Christianity) и на гербе Фиджи (a dove that symbolizes peace). Присутствуют здесь также четыре попугая (parrot): двое из них (Sisserou parrot) поддерживают щит герба Доминики, двое других (a Saint Lucia Parrot commonly called Jacquot) поддерживают щит герба Сент-Люсии. Желтый фрегат (yellow frigatebird), символизирующий силу, свободу и национальный танец, изображен на гербе Кирибати; две птицы-фрегата изображены на гербе Соломоновых Островов и еще один стилизованный образ двухголового фрегата (A stylised two-headed Frigate bird) можно видеть под щитом. Изображение двух птиц колибри (hummingbird) можно видеть на гербе Тринидада и Тобаго – государства, которое иногда называют «страною колибри» (Trinidad is sometimes referred to as the «Land of the Hummingbird» because 18 different species of hummingbird have been recorded on the island).

По одному разу в национальной геральдике англоязычных стран появляются: птица эму (emu) – неофициальный австралийский символ, такой же, как кенгуру; фламинго (flamingo) – национальный символ Багамских Островов; национальная птица Гайяны – гоацин (The Canje Pheasant ... represents a rare bird found principally in this part of the world); на гербе Маврикия изображена вымершая (extinct) птица дронг (dodo); на гербе Сейшельских Островов – красноклювый фазан (white tailed tropic bird); на гербе Тринидада и Тобаго – национальные птицы красный ибис (Scarlet Ibis) и краснохвостая чачалака (cocrico). На гербе ЮАР находится птица-секретарь (secretary bird) – символ защиты страны от врагов и посланец небес (symbolising protection of the nation against its enemies, ... a messenger of the heavens and a symbol of divine majesty). Гербовой щит Уганды поддерживает национальная птица этой страны – венценосный журавль (crested crane); на гербе Кении изображен петух (rooster) – символ начала нового дня (the break of a new dawn); райская птица (bird-of-paradise) – национальный символ страны и символ её согласия изображена на гербе Папуа – Новой Гвинеи.

Морская живность в национальной геральдике англоязычных стран представлена достаточно бедно: гербовый щит Соломоновых Островов поддерживает акула (shark), щит герба Багамских Островов поддерживает марлин (marlin), другой дельфин – символ рыболовства (a dolphin ... is symbolic of the fishing industry) поддерживает щит на

гербе Барбадоса. Щит герба Сейшельских Островов поддерживают две белых рыбы-парусника (white sailfish).

И, наконец, гербовый щит Канады поддерживает сказочное животное – шотландский единорог (Scottish unicorn), воплощающий силу и великолепие (см.: [Купер 1995: 85; Бидерманн 1996: 81]), с разорванной золотой цепью на шее – символом сопротивления угнетению (The broken chain on the unicorn symbolizes the unicorn's resistance to oppression).

Анималистическая символика в национальной геральдике англоязычных стран, помимо обозначения местной фауны, отсылает также к физическим и моральным качествам обитателей этих стран: бык воплощает трудолюбие, слон символизирует силу и мудрость, лошадь – достоинство, орел – силу и прозорливость, пеликан – самоотверженную родительскую любовь, голубь – кротость, миролюбие и христианскую любовь, птица фрегат – силу и свободу и т. д.

«Растительное царство» в национальной геральдике англоязычных стран практически так же представительно, как и животное. Пальма – символ триумфа и мира (см.: [Купер 1995: 237, Куклев 1999: 538; Похлебкин 2001: 141]), главным образом кокосовая (cocosnut palm), изображена на гербах Багамских Островов, Маврикия (три дерева), Мальты, Самоа, Сейшельских Островов, Сент-Китса и Невиса, Сьерра-Леоне (два дерева), Доминики и Фиджи. Если сюда добавить еще банановое дерево (banana tree), фигурирующее на гербах Гренады, Доминики, Тувалу и Фиджи, которое также иногда называется пальмой, то пальма окажется самым распространенным растительным символом (16 появлений) в национальной геральдике англоязычных стран. Девять раз в национальной геральдике этих стран появляется ананас (pineapple): на гербе Антигуа и Барбуды – фрукт, которым славятся острова (a fruit for which the islands are famous); Кении и Ямайки, где изображены целых семь этих золотых плодов (golden pineapples). Еще одна экономически важная посевная культура – сахарный тростник (sugar cane) изображен на гербах Антигуа и Барбуды (два стебля), Гайаны, Маврикия (два стебля), Сент-Китса и Невиса и Фиджи (три стебля).

Из других промышленных сельскохозяйственных культур в национальной геральдике англоязычных стран хлопок (cotton plant) изображен на гербах Пакистана, Сент-Винсента и Гренадин, Танзании и Уганды; пшеница (wheat) – на гербах Новой Зеландии (a sheaf of wheat), Пакистана и ЮАР (ears of wheat), где она символизирует плодородие (an emblem of fertility). Кофейное дерево (coffee tree) изображено на гербах Кении и Уганды (a sprig of coffee); чайный куст – на гербе Пакистана; на гербе Ботсваны –

стебель сорго с красным соцветием (green stalk of sorghum and brown sorghum head). Побег риса (a stalk of rice) представлен на гербе Гайаны, початки кукурузы (maize) – на гербе Кении и Замбии, дерево какао (cacao tree) воплощает богатство сельского хозяйства на гербе Ганы (a cacao tree, which embodies the agricultural wealth of Ghana). Юкка (yucca plant) изображена на гербе Антигуа и Барбуды, джут (jute) – на гербе Пакистана, красное дерево (mahogany) – на гербе Белиза, сизаль (sisal) и пиретрум (pyrethrum), далматская ромашка изображены на гербе Кении.

Оливковую ветвь (olive branch) – универсальный символ мира (см.: [Купер 1995: 226]) можно видеть на гербах Мальты, Самоа, Сент-Винсента, её держит в лапе орел на лицевой стороне Большой печати США и голубка в клюве на гербе Тонга. Листья папоротника (fern branches) изображены на гербах Новой Зеландии и Сент-Люсии, бамбук – на гербе той же Сент-Люсии, бородатый фикус (bearded fig tree) – на гербе Барбадоса и кленовые листья (maple leaves) – на гербе Канады.

Также в национальной геральдике англоязычных стран присутствует целая дюжина изображений декоративных культур, главным образом, цветов. Так, красная роза (Tudor rose) – «символ завершенности, полноты и совершенства» [Егазаров 2003: 558] появляется на гербах Великобритании, Гренады, Канады, Сент-Китса и Невиса и Сент-Люсии; королевская лилия (fleur-de-lys) – символ света, чистоты и невинности (см.: [Егазаров 2005: 418]) изображена на гербах Гренады, Сент-Китса и Невиса и Сент-Люсии. Трилистник (shamrock) – символ Ирландии изображен на гербах Великобритании и Канады, на них же изображен чертополох (thistle) – символ Шотландии.

Золотая акация или мимоза (golden wattle) – один из официальных государственных символов страны (the official national floral emblem) изображена на гербе Австралии, герб Барбадоса украшен двумя национальными цветками, известными как «Красная гордость Барбадоса» (red pride of Barbados), герб Гайяны – национальным цветком Виктория регия (Victoria amazonica lily, Guyana's national flower). Гирлянда из цветков бугенвиллеи изображена на гербе Гренады (a garland of bougainvillea branches), на гербе Намибии – вельвичия удивительная (welwitschia mirabilis), венок из жасмина (jasminum officinale) украшает герб Пакистана, два цветка королевской пуансианы (Poinciana flower) – огненного дерева украшают герб Сент-Китса и Невиса. Куст гвоздики (clove bush) изображен на гербе Танзании, стилизованное изображение королевской протеи (king protea), символа красоты и процветания страны (The protea is an emblem of the beauty of our land and the flowering of our potential as a nation in pursuit of the African Renaissance), украшает герб ЮАР. Национальный цветок страны обычно известный как желтая труба

(yellow trumpet) – символ её красоты – изображен на гербе Нигерии, красный гибискус (red hibiscus) изображен на гербе Антигуа и Барбуды.

Растения и животные составляют ближайшую природную среду обитания человека, которая совершенно естественным образом преобразуется в его символическую среду. Национальные символы представляют собой культурные артефакты, они функционируют как средство социальной организации этноса и в них выражается самосознание нации, между геральдической символикой и национальным культурным кодом существует вполне определенная связь.

В национальной геральдике отражается идея нации, в которой выделяются такие смысловые блоки, как власть, территория и население (народ), населяющее эту территорию. В задачи блazonирования как толкования гербов и изъяснения присутствующих на них символов в лингвокультурологии входит установление вербальных способов выражения идеи государства или нации.

Основной функцией государственного герба является опознавательно-различительная, дающая ему возможность идентифицировать государство, символом которого он является, которая сопровождается функцией передачи сведений о стране герба, реализуемой символами, относящимися ко всем трем смысловым блокам национальной идеи.

Территория нации в геральдике англоязычных государств символизируется преимущественно через образы представителей фауны и флоры этих стран. Из представителей животного мира в национальной геральдике англоязычных стран присутствуют лев, леопард, крокодил, слон, кенгуру, антилопа, зебра, буйвол, олень, конь, армадилл, черепаха, лягушка, орёл, пеликан, голубь, попугай, птица-фрегат, птица эму, фламинго, гоацин, вымершая птица дронг (dodo); красноклювый фазон, красный ибис, краснохвостая чачалака, птица-секретарь, венценосный журавль, петух и райская птица. Морская живность в национальной геральдике англоязычных стран представлена акулой, дельфином и рыбой-парусником, а щит Канады поддерживает сказочное животное – шотландский единорог. Из представителей растительного мира здесь присутствуют пальма, банановое дерево, ананас, сахарный тростник, хлопок, пшеница, кофейное дерево, чайный куст, сорго, рис, кукуруза, дерево какао, юкка, красное дерево, далматская ромашка, оливковое дерево, папоротник, бамбук, бородатый фикус и кленовые листья. Также в национальной геральдике англоязычных стран присутствуют изображения декоративных культур, главным образом, цветов: роза, лилия, трилистник, чертополох,

мимоза, цветы «Красная гордость Барбадоса», виктория regia, бугенвиллея, вельвичия удивительная, жасмин, королевская пуансиана, гвоздика, королевская протейя, цветок желтая труба и красный гибискус.

Анималистическая символика в национальной геральдике англоязычных стран, помимо обозначения местной фауны, отсылает также к физическим и моральным качествам обитателей этих стран: бык воплощает трудолюбие, слон символизирует силу и мудрость, лошадь – достоинство, орел – силу и прозорливость, пеликан – самоотверженную родительскую любовь, голубь – кротость, миролюбие и христианскую любовь, птица фрегат – силу и свободу и т. д.

Изображение льва на гербах Великобритании и Канады относится к символике монархической власти, с этой же символикой связано его присутствие на гербах Ганы, Гренады и Фиджи. В качестве символа животного мира страны лев выступает на гербах Индии и африканских стран – Кении, Малави, Свазиленда и Сьерра-Леоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Символизация культурного пространства // Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Москва: Флинта-Наука, 2000. С. 234-250.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Прогресс, 1974. 447 с.
3. Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика в России: теория и практика: дисс. в виде науч. доклада ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Санкт-Петербург, 2003. 105 с.
4. Воркачев С. Г. В чаше символов: образ в языке и культуре. Краснодар: КубГТУ, 2021. 264 с.
5. Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 36-43.
6. Загидуллина А. А. Языковые символы и образы: онтология и функционирование (на материале французского языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Алма-Ата, 2010. 48 с.
7. Карасик В. И. Символические концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 24-28.
8. Ковалевич Е. П. Метонимическая модель концепта «цветок» в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2004. 22 с.
9. Код – Герб как культурный код, или «Роль мифической личности в истории». Доступ: https://web.archive.org/web/20140106154750/http://vrn-id.ru/gerb_kak_kod.htm. (дата обращения: 14.08.2021).
10. Котова Н. С. Лингвокультурологический анализ концептосферы «цветы»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Челябинск, 2007. 21 с.
11. Маслова В. А. Символ как стереотипизированное явление культуры // Лингвокультурология. Москва: Академия, 2001. С. 95-108.
12. Молоткова А. И. Концепт цветок в языке и поэтической речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2006. 21 с.
13. Москаленко А. В. Концепт «птица» в английской фразеологической картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2015. 22 с.
14. Ознобишин Д. П. Селам, или Язык цветов. Санкт-Петербург, 1830. 132 с.

15. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). Санкт-Петербург: Петербургский институт печати, 2003. 309 с.

16. Dobrovolskij D. On symbols. Cognitive and cultural aspects of figurative language // *Lexicology* 4/2. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1998. P. 1-34.

17. Todorov Tz. *Theories of the symbol*. New York: Ithaca, 1982. 302 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. Москва: Изд-во «Республика», 1996. 335 с.
2. Егазаров А. Иллюстрированная энциклопедия символов. Москва: АСТ, Астрель, 2003. 730 с.

3. Куклев В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Москва: Миф, Локид, 1999. 490 с.

4. Купер Дж. Энциклопедия символов. Москва: Золотой Век, 1995. 401 с.

5. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. Москва: Международные отношения, 2001. 560 с.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2000). Simvolizatsiya kulturnogo prostranstva [Symbolization of cultural space]. In *Lingvokulturologiya. Tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka*. Moskva: Flinta-Nauka. Pp. 234-250. (In Russ.).

2. Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

3. Vilinbakhov, G. V. (2003). *Gosudarstvennaya geraldika v Rossii: teoriya i praktika* [State heraldry in Russia: theory and practice]: diss. v vide nauch. doklada ... d-ra ist. nauk: 07.00.09. Sankt-Heterburg. (In Russ.).

4. Vorkachev, S. G. (2021). *V chashche simvolov: obraz v yazyke i kulture* [In the forest of symbols: image in language and culture]. Krasnodar: KubGTU. (In Russ.).

5. Vorkachev, S. G. (2020). Natsionalnyy gimn kak zhanr patrioticheskogo diskursa [National anthem as a genre of patriotic discourse]. In *Zhanry rechi*. No. 1 (25). Pp. 36-43. (In Russ.).

6. Zagidullina, A. A. (2010). *Yazykovye simvolyy i obrazy: ontologiya i funktsionirovanie (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Linguistic symbols and images: ontology and functioning (based on the French language)]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Alma-Ata. (In Russ.).

7. Karasik, V. I. (2009). Simvolicheskie kontsepty [Symbolic concepts]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 11. Pp. 24-28. (In Russ.).

8. Kovalevich, E. P. (2004). *Metonimicheskaya model kontseptya «tsvetok» v sovremennom angliyskom yazyke* [Metonymic model of the concept «Flower» in modern English]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Belgorod. (In Russ.).

9. *Kod – Gerb kak kulturnyy kod, ili «Rol mificheskoy lichnosti v istorii»* [Coat of arms as a cultural code, or «The role of a mythical person in history»]. Available at: https://web.archive.org/web/20140106154750/http://vrn-id.ru/gerb_kak_kod.htm. (accessed: 14.08.2021). (In Russ.).

10. Kotova, N. S. (2007). *Lingvokulturologicheskiy analiz kontseptosfery «tsvety»* [Linguoculturological analysis of the “flowers” concept sphere]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Chelyabinsk. (In Russ.).

11. Maslova, V. A. (2001). Simvol kak stereotipizirovannoye yavlenie kultury [Symbol as a stereotyped phenomenon of culture]. In *Lingvokulturologiya*. Moskva: Akademiya. Pp. 95-108. (In Russ.).

12. Molotkova, A. I. (2006). *Kontsept tsvetok v yazyke i poeticheskoy rechi* [Concept flower in language and poetic speech]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg. (In Russ.).
13. Moskalenko, A. V. (2015) *Kontsept «ptitsa» v angliyskoy frazeologicheskoy kartine mira* [Concept «bird» in the English phraseological picture of the world]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
14. Oznobishin, D. P. (1830). *Selam, ili Yazyk tsvetov* [Selam, or the Language of Flowers]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
15. Sharafadina, K. I. (2003) «*Alfavit Flory*» v obraznom yazyke literatury pushkinskoy epokhi (istochniki, semantika, formy) [«The Alphabet of Flora» in the figurative language of the literature of the Pushkin era (sources, semantics, forms)]. Sankt-Peterburg: Peterburgskiy institut pechati. (In Russ.).
16. Dobrovolskij, D. On symbols. Cognitive and cultural aspects of figurative language. In *Lexcology 4/2*. Berlin and NewYork: Walterde Gruyter, 1998. Pp. 1-34.
17. Todorov, Tz. *Theories of the symbol*. NewYork: Ithaca, 1982.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Bidermann, G. (1996). *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moskva: Izd-vo «Respublika». (In Russ.).
2. Egazarov, A. (2003). *Illyustrirovannaya entsiklopediya simvolov* [Illustrated Encyclopedia of Symbols]. Moskva: AST, Astrel. (In Russ.).
3. Kuklev, V. (1999). *Enciklopediya simvolov, znakov, yemblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moskva: Mif, Lokid. (In Russ.).
4. Kuper, Dzh. (1995). *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of Symbols]. Moskva: Zolotoy Vek. (In Russ.).
5. Pokhlebin, V. V. (2001). *Slovar mezhdunarodnoy simboliki i yemblematiki* [Dictionary of international symbols and emblems]. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков (e-mail: svork@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» 350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2

Vorkachev Sergey G. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Languages Department (e-mail: svork@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University» 2, Moskovskaya str., Krasnodar, 350072, Russian Federation

Воркачева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (e-mail: velen_1957@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» 350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2

Vorkacheva Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: velen_1957@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University» 2, Moskovskaya str., Krasnodar, 350072, Russian Federation

Поступила в редакцию 24 августа 2021 г.

ИРОНИЯ КАК КОГНИТИВНО-ЭМОТИВНАЯ ТАКТИКА ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕНИЙ В ГЕРМАНСКОМ БУНДЕСТАГЕ)

Статья посвящена анализу прагматических механизмов интерпретации иронии на материале парламентских прений в Германском Бундестаге. В ходе исследования доказываем, что в реконструкции смысла иронических высказываний задействованы не только когнитивные, но и эмотивные импликатуры. При этом соотношение когнитивной и метакогнитивной информации в структуре иронии может быть разным.

Ключевые слова: ирония, парламентские прения, полилогичность, множественная адресация, когнитивная импликатура, эмотивная импликатура, коммуникативный смысл, стратегия дискредитации, когнитивно-эмотивная тактика.

© 2021 M. O. Katamadze

IRONY AS COGNITIVE-EMOTIVE TACTICS OF PARLIAMENTARY DEBATE (BASED ON THE DEBATES IN GERMAN BUNDESTAG)

The article addresses the analysis of pragmatic mechanisms for the interpretation of irony based on parliamentary debates in the German Bundestag. The study proves that not only cognitive, but also emotive implicatures are involved in the reconstruction of ironic statements meaning. At the same time, the ratio of cognitive and metacognitive information in the structure of irony can be different.

Key words: irony, parliamentary debate, polylogicality, multiple addressing, cognitive implicature, emotive implicature, communicative meaning, discrediting strategy, cognitive-emotive tactics

В настоящем исследовании рассматриваются прагматические механизмы интерпретации иронии на материале парламентских прений в Германском Бундестаге. Анализируется роль иронии в рамках стратегии дискредитации [Катамадзе, 2021: 798]. **Актуальность** исследования обусловлена интересом лингвистов к функционированию иронии в общественно-политическом дискурсе в целом и в парламентских дебатах в частности [Горностаева, 2018; Котюрова, 2019; Volek, 2017; Gruber, 2015; Moor, 2020; Musolff, Wong, 2020; Tsakona, 2011]. Однако ряд современных концепций не учитывают прагматические аспекты интеракции, упуская из виду факторы коммуникативного намерения адресата, а также эмотивную составляющую иронии [Burgers, Steen, 2017; Giora, Givoni, Fein, 2015]. В настоящем исследовании процесс интерпретации иронии анализируется сквозь призму дискурсивных феноменов множественной адресации и полилогичности [Roth, Wengeler, Ziem, 2017: 16, 144], которые в высокой степени

проявляются в парламентских прениях. Это позволяет учесть перлокутивный компонент иронии, а следовательно, более точно реконструировать её коммуникативный смысл.

Под парламентскими прениями / дебатами понимается «одна из форм деятельности парламента, представляющая собой обсуждение депутатами законопроектов и проектов» [Юридическая энциклопедия, 2015]. В формате выступлений и спонтанных комментариев представители парламентских партий транслируют разные точки зрения, а также оспаривают, поддерживают и высмеивают позицию друг друга, что свидетельствует о полилогичности дебатов. Феномен множественной адресации (*Mehrfachadressierung*) [Kühn, 1995; Spieß, 2020] проявляется в направленности высказываний парламентариев на разные группы реципиентов: коллег по партии и коалиции, оппозицию, зрителей на трибунах и телезрителей.

Материалом для анализа послужили протоколы пленарных заседаний Бундестага по принятию Закона о прозрачности заработной платы (*Entgelttransparenzgesetz*) в 2017 г., обсуждению поправок в закон, предложенных Левой партией (*die Linke*) и Союзом 90 / Зелёными (*Bündnis 90 / die Grünen*) в 2018, 2019 гг., а также протокол дебатов по проблеме равноправия полов в период пандемии Covid 19 и протокол дебатов по проблеме насилия в отношении женщин в 2020 г.

По базовому определению, ирония представляет собой косвенный речевой акт, в котором говорящий подразумевает противоположное тому, что он говорит. При наличии достаточной коммуникативной компетенции подобное несоответствие без труда распознается реципиентом [Schwarz-Friesel, 2009: 223]. Таким образом коммуникативный смысл высказывания отрицает пропозицию, является её противоположностью и должен быть сконструирован реципиентом самостоятельно через извлечение когнитивной импликатуры [Ehrhardt, Heringen, 2011: 77-78]. Однако более детальный анализ иронических высказываний в рамках современных исследований позволяет говорить не об одной, а о двух когнитивных импликатурах, необходимых для реконструкции коммуникативного смысла, первая из которых связана с фактом небуквальной интерпретации высказывания, вторая указывает на призыв или критику в адрес реципиента [Schwarz-Friesel, 2009: 226-227; Schwarz-Friesel, Marx, Damisch, 2012: 238]. Кроме того, важной составляющей иронического высказывания является метакогнитивная, оценочная информация, которая содержится в основанной на эмоциональном опыте эмотивной импликатуре (*emotionsbasierte Implikatur*) [Schwarz-Friesel, 2009: 226-227; Schwarz-Friesel, Marx, Damisch, 2012: 236-237].

В приведённом ниже примере представитель партии Зелёных комментирует высказывания депутата от Альтернативы для Германии (АдГ / *AfD*) Томаса Эрхорна.

1. Steffi Lemke (BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN): Ganz toller Hecht! Sie machen sich hier komplett lächerlich! [Plenarprotokoll 19/90: 10796].

Первая часть фразы представляет собой ироническое высказывание. Так, в системе языка фразеологизм *toller Hecht* выражает высокую положительную оценку, что зафиксировано в словаре «Duden Redewendungen»: *ein toller Hecht [sein] (ugs.): ein Mann [sein], der [wegen besonderen Mutes, einer gewissen Unverfrorenheit, Cleverneß o. d.] bewundert, anerkannt wird* [Duden Redewendungen, 2013].

Его речевая реализация, напротив, используется для отрицательной характеристики, которая подкрепляется эксплицитной частью высказывания: *Sie machen sich hier komplett lächerlich*.

Очевиден контраст между озвученной и реальной позицией автора. В соответствии с этим Штеффи Лемке нарушает максиму качества, согласно которой коммуниканты не должны говорить того, что считают ложным [Ehrhardt, Heringer, 2011: 73]. Однако ложность иронического высказывания понятна реципиентам и легко снимается ситуативным контекстом. Тот факт, что выражение *ein toller Hecht* из уст представителя партии Зелёных в адрес депутата АдГ не является одобрением, не вызывает сомнений даже без последующего пояснения, так как взгляды этих партий, в том числе и в вопросах гендерного равноправия, радикальным образом различаются. Тем не менее простое отрицание семантики высказывания не является достаточным для реконструкции его коммуникативного смысла. Замена *ein toller Hecht* на *kein toller Hecht* не вносит большей ясности, а значит, первая когнитивная импликатура, указывающая на небуквальность сказанного, должна повлечь за собой вторую когнитивную импликатуру, связанную с имплицитным призывом, который в данном случае можно было бы сформулировать как *Schweigen Sie lieber/ Reden Sie keinen Stuss!* Для адекватной интерпретации истинной позиции говорящего необходимо расширить информационный компонент второй когнитивной импликации за счёт эмоциональной оценки, раскрываемой через эмотивную импликатуру. Например: *Ich finde das absurd! Das ist ja lächerlich!* Таким образом, коммуникативный смысл реплики *ein toller Hecht!* в данном контексте состоит в высмеивании оппонента, дискредитации его позиции, что подтверждается эксплицитной частью высказывания.

Описанный выше случай является примером того, что при интерпретации ироничных высказываний важную, а часто и первостепенную роль играют эмотивные импликации, так как коммуникативный смысл иронии прежде всего состоит в

манифестации отношения говорящего к реципиенту, содержанию его речи или самой ситуации общения. Анализ эмпирического материала показал, что соотношение когнитивной и метакогнитивной, эмоциональной информации в иронических высказываниях может быть разным.

Рассмотрим взаимодействие когнитивных и эмотивных импликатур в парламентских выступлениях и спонтанных комментариях членов Германского Бундестага.

Отправной точкой в интерпретации иронических высказываний является понимание того, что их коммуникативный смысл нельзя свести к содержанию, обратному исходной пропозиции, хотя отрицание эксплицитного значения слов и можно считать первым шагом в реконструкции коммуникативной интенции говорящего.

Так, в примере 2 член ХДС / ХСС Михаэль Кислинг утверждает, что прежде чем принимать решение об изменении закона, нужно дождаться первых оценок его эффективности, назначенных на 2019 год. Депутат от партии Союз 90 / Зелёные Улле Шаувс реагирует побудительной репликой *Ja, ja! Schieben Sie es ruhig auf die lange Bank!* Имитируя одобрение и как бы побуждая законодателей «отложить улучшение закона в долгий ящик», она выражает несогласие с высказанной позицией Кислинга.

2. Michael Kießling (CDU / CSU): Das Entgelttransparenzgesetz beginnt gerade erst zu wirken. Da bin ich bei Ihnen, dass wir erst einmal die Evolution bis 2019 abwarten sollten, um uns dann zu entscheiden, ob und wie wir handeln müssen.

Ulle Schauws [BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN]: Ja, ja! **Schieben Sie es ruhig auf die lange Bank!** [Plenarprotokoll, 19/21: 1777].

Комментарий Шаувс является ироническим и не может восприниматься дословно. Простая замена пропозиции *Schieben Sie es ruhig auf die lange Bank* на *Schieben Sie es nicht auf die lange Bank* не приведёт к его адекватному пониманию. Коммуникативный смысл высказывания содержит два информационных компонента: когнитивный, передающийся через импликатуру *Warten Sie nicht ab! Machen Sie sich sofort an die Arbeit*, и метакогнитивный, отражающий субъективно-оценочное отношение говорящего, а также его эмоциональное состояние. Эта метакогнитивная составляющая может быть извлечена через эмотивные импликатуры, передающие печаль, разочарование, злость, подавленность от невозможности повлиять на ситуацию, а также попытку дистанцироваться: *Ihre Einstellung macht mich richtig traurig/Ich bin enttäuscht, wütend/Ich habe mein Bestes getan, um Sie zu überreden. Ich kann nichts mehr dagegen tun*. Принимая во внимание тот факт, что Шаувс выступала раньше Кислинга и уже изложила все логические аргументы за немедленную доработку закона, можно предположить, что

иронический комментарий служит в первую очередь для выражения эмоциональной оценки, подчёркивающей неспособность представителей ХДС / ХСС к конструктивному диалогу. Таким образом, в этом случае можно говорить о первостепенном значении эмотивных импликатур для понимания коммуникативного смысла иронии.

В следующем примере коммуникативные интенции критиков депутата от АдГ Томаса Эрхорна состоят исключительно в выражении эмоциональных оценок, на когнитивном уровне информация не передаётся. Так, Эрхорн заявляет, что проблеме экономической дискриминации женщин можно поставить под вопрос, если принять во внимание факт, что женщины в среднем живут на пять лет дольше мужчин, а значит дольше получают пенсию из отчислений налогоплательщиков, в том числе и мужского пола. В ответ сыплются иронические реплики со стороны Зелёных.

3. Thomas Ehrhorn (AfD): ... Reden wir mal darüber, dass Frauen durchschnittlich fünf Jahre länger leben. [...] Das heißt, Frauen profitieren im Durchschnitt fünf Jahre länger von einer Rente, die im Übrigen auch durch männliche Beitragszahler gezahlt wird ...

Steffi Lemke [BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN]: **Nehmen Sie denen alles weg! Schreiben Sie dazu einen Antrag! Schreiben Sie das unbedingt in Ihr Wahlprogramm!**

Sven Lehmann [BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN]: **Ich dachte, Karneval ist vorbei!** [Plenarprotokoll, 19/90: 10796].

Коммуникативный смысл иронических призывов Штеффи Лемке отобразить у женщин все «лишнее», инициировать соответствующую поправку в закон, сделать это заявление пунктом своей предвыборной программы, раскрывается на уровне эмотивных импликатур и состоит в признании всего сказанного абсурдным и маргинальным, несоответствующим реальности, нарушающим здравый смысл. А реплика Свена Леманна *Ich dachte, Karneval ist vorbei*, сравнивающая выступление члена АдГ с карнавалом, полностью дискредитирует аргументы Эрхорна, как бы выводя их за рамки того, что может серьёзно обсуждаться в Бундестаге.

Говоря об эмотивных компонентах в смысловой структуре иронических высказываний, нужно учесть также и то, что ирония часто связана с симуляцией определённых эмоциональных состояний и оценок на уровне пропозиции, когнитивным механизмом которой является смещение перспективы. В контексте 4 Эрхорн будто бы встаёт на позицию СМИ, гротескно оценивая материнские и семейные обязанности женщины как регресс и что-то ужасное – *Wie furchtbar! / hoffnungslos rückwärtsgerandt*.

4. Thomas Ehrhorn (AfD): Nach der Vereinnahmung der Medien hat man den Frauen

erfolgreich eingeredet, dass es **hoffnungslos rückwärtsgewandt** sei, Kinder nicht nur zu erzeugen, sondern sie am Ende auch noch zu erziehen. **Wie furchtbar!** [Plenarprotokoll, 19/21: 1773].

Фразой, симулирующей удивленную реакцию оппонентов *Und nun kommen die von der AfD und thematisieren das*, Эрхорн объясняет негодование остальных парламентских партий, воспринимающих как личную угрозу готовность АдГ поставить под вопрос существующий консенсус. Дискредитирующий смех со стороны СДПГ, Левых, Зелёных в ответ на утверждение о том, что под равноправием Левые понимают классовую борьбу, Эрхорн интерпретирует как страх перед альтернативной точкой зрения и распространяющимся влиянием АдГ – *Immer mehr Menschen verstehen das/ Ja, das ist frustrierend*.

5. Thomas Ehrhorn (AfD): **Und nun kommen die von der AfD und thematisieren das**. Ja, wir tun das, weil wir wissen, dass Linke, wenn sie von Gleichberechtigung reden, in Wirklichkeit Klassenkampf meinen – auf dem Weg in ein sozialistisches Europa, meine Damen und Herren. **Immer mehr Menschen verstehen das**.

Beifall bei der AfD – Lachen bei Abgeordneten der SPD, der LINKEN und des BÜNDNISSES 90 / DIE GRÜNEN – **Ja, das ist frustrierend; das kann ich mir vorstellen** [Plenarprotokoll, 19/21: 1773].

Итак, в своей риторике депутат от АдГ симулирует эмоциональное состояние оппонентов. При этом в структуре смысла таких иронических симуляций, на наш взгляд, преобладают когнитивные импликатуры. Так, в реплике *Wie furchtbar!* он не просто высмеивает доминирующие в обществе представления о структурной дискриминации женщин, но сообщает широкой аудитории, что большинство парламентских партий считают одиозными традиционные и совершенно естественные для современного общества семейные ценности. А фразой *Ja, das ist frustrierend; das kann ich mir vorstellen*, которой он реагирует на уничижительный смех в зале, Эрхорн сигнализирует электорату, что такая реакция «старых» партий обусловлена непрочностью их позиций в актуальной общественно-политической ситуации.

Проведённый анализ позволяет говорить о когнитивно-эмотивной смысловой структуре иронических высказываний, которая ярко проявляется в полилогичных, адресованных разным группам реципиентов парламентских прениях. В зависимости от соотношения когнитивной и метакогнитивной информации в реконструкции коммуникативного смысла могут доминировать как когнитивные, так и эмотивные импликатуры. Стоит, однако, отметить, что даже если (как в примере 3) коммуникация происходит только на уровне передачи эмоциональных смыслов, реципиент сможет понять это, только представив себе эмоциональное состояние и связанные с ним мотивы

говорящего, построив модель его психического состояния (Theory of mind) [Hagoort, 2016: 346], что требует участия рациональных, аналитических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горностаева А. А. Прагматика иронии в современном политическом дискурсе (на примере русского и английского языков) // *Филология и культура*. 2018. № 2 (52). С. 24-29.
2. Катамадзе М. О. Ирония и юмор как инструмент реализации персуазивных стратегий в парламентских прениях (на материале прений в Германском Бундестаге) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 3. С. 796-803.
3. Котюрова И. А. Особенности использования иронии в немецкой публицистике политической направленности // *Русская германистика*. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. Т. XVI. С. 257-266.
4. Bolek B. Verbale Aggression in parlamentarischen Debatten // *Verbale Aggression: Multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. S. 401-423.
5. Burgers C., Steen G. J. Introducing a three-dimensional model of verbal irony: Irony in language, in thought, and in communication. // *Irony in Language Use and Communication*. Amsterdam: Benjamins, 2017. P. 87-108.
6. Ehrhardt C., Heringen H. J. Pragmatik. Paderborn: W. Fink Verlag, 2011. 156 S.
7. Giora R., Givoni Sh., Fein O. Defaultness Reigns: The Case of Sarcasm // *Metaphor and Symbol*, 2015. Vol. 30. № 4. P. 290-313.
8. Gruber H. Policy-oriented argumentation or ironic evaluation: A study of verbal quoting and positioning in Austrian politicians' parliamentary debate contributions // *Discourse studies*. 2015. Vol. 17. № 6. P. 682-702.
9. Hagoort P. MUC (Memory, Unification, Control): A model on the neurobiology of language beyond single word processing // *Neurobiology of language*. Amsterdam et al.: Academic Press, 2016. P. 339-347.
10. Kühn P. Mehrfachadressierung: Untersuchungen zur adressatenspezifischen Polyvalenz sprachlichen Handelns. Tübingen: Max Niemeyer, 1995. 273 S.
11. Moore H. Stop Me If You've Heard This One Before. Laughter in the German Bundestag. Masterarbeit, 2020. 82 p. Доступ: <https://core.ac.uk/reader/304114780>. (дата обращения: 29.09.2021).
12. Musolff A., Wong S. T. D. England is an appendix; Corrupt officials are like hairs on a nation's arm: Sarcasm, irony and self-irony in figurative political discourse // *The Diversity of Irony*. 2020. Vol. 65. P. 162-182.
13. Roth K. S., Wengeler M., Ziem A. Handbuch Sprache in Politik und Gesellschaft. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. 600 S.
14. Schwarz-Friesel M. Ironie als indirekter expressiver Sprechakt: Zur Funktion emotionsbasierter Implikaturen bei kognitiver Simulation // *Perspektiven auf Wort, Satz und Text. Semantisierungsprozesse auf unterschiedlichen Ebenen des Sprachsystems*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2009. S. 223-232. (Koblenz-Landauer Studien zu Geistes-, Kultur- und Bildungswissenschaften; Bd. 3).
15. Schwarz-Friesel M., Marx K., Damisch S. Persuasive Strategien der affektiven Verunsicherung im aktuellen Diskurs: Ironisieren, kritisieren und beleidigen in öffentlichen Streitgesprächen // *Sprache und Emotion in öffentlicher Kommunikation*. Bern: Peter Lang Verlag, 2012. S. 227-254.
16. Spieß C. Politiksprache und politische Kommunikation // *Handbuch Sprachkritik*. Stuttgart: JB Metzler, 2020. S. 302-309.

17. Tsakona V. Irony beyond criticism: Evidence from Greek parliamentary discourse // *Pragmatics and Society*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 57-86.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Юридическая энциклопедия. Доступ: https://yuridicheskaya_encyclopedia.academic.ru/7547. (дата обращения: 29.09.2021).
2. Duden. Mannheim et al.: Dudenverlag, 2013. Bd. 11. Redewendungen. 928 s.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Plenarprotokoll 19/21. Доступ: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19021.pdf>. (дата обращения: 29.09.2021).
2. Plenarprotokoll 19/90. Доступ: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19090.pdf>. (дата обращения: 29.09.2021).

REFERENCES

1. Gornostaeva, A. A. (2018). Pragmatika ironii v sovremennom politicheskom diskurse (na primere russkogo i angliyskogo yazykov) [Pragmatics of irony in modern political discourse (based on Russian and English)]. In *Filologiya i kultura*. No. 2 (52). Pp. 24-29. (In Russ.).
2. Katamadze, M. O. (2021) Ironiya i yumor kak instrument realizatsii persuazivnykh strategiy v parlamentskikh preniyakh (na materiale preniy v Germanskom Bundestage) [Irony and Humour as a Tool of Realising Persuasive Strategies in Parliamentary Debates (based on the Debates in the German Bundestag)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 14. No. 3. Pp. 796-803. (In Russ.).
3. Kotyurova, I. A. (2019). Osobennosti ispolzovaniya ironii v nemetskoy publitsistike politicheskoyj napravlenosti [Features of the use of irony in German political journalism]. In *Russkaya germanistika*. Nizhniy Novgorod: DEKO. Vol. XVI. Pp. 257-266. (In Russ.).
4. Bolek, B. (2017). Verbale Aggression in parlamentarischen Debatten In *Verbale Aggression: Multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache*. Berlin, Boston: De Gruyter, S. 401-423.
5. Burgers, C., Steen, G. J. (2017). Introducing a three-dimensional model of verbal irony: Irony in language, in thought, and in communication. In *Irony in Language Use and Communication*. Amsterdam: Benjamins. Pp. 87-108.
6. Ehrhardt, C., Heringen, H. J. (2011). *Pragmatik*. Paderborn: W. Fink Verlag.
7. Giora, R., Givoni, Sh., Fein, O. (2015). Defaultness Reigns: The Case of Sarcasm. In *Metaphor and Symbol*. Vol. 30. No. 4. Pp. 290-313.
8. Gruber, H. (2015). Policy-oriented argumentation or ironic evaluation: A study of verbal quoting and positioning in Austrian politicians' parliamentary debate contributions. In *Discourse studies*. Vol. 17. No. 6. Pp. 682-702.
9. Hagoort, P (2016). MUC (Memory, Unification, Control): A model on the neurobiology of language beyond single word processing. In *Neurobiology of language*. Amsterdam et al.: Academic Press, Pp. 339-347.
10. Kühn, P. (1995). *Mehrfachadressierung: Untersuchungen zur adressatenspezifischen Polyvalenz sprachlichen Handelns*. Tübingen: Max Niemeyer.
11. Moore, H. (2020). *Stop Me If You've Heard This One Before. Laughter in the German Bundestag*. Masterarbeit. Available at <https://core.ac.uk/reader/304114780>. (accessed: 29.09.2021).
12. Musolff, A., Wong, S. T. D. (2020). England is an appendix; Corrupt officials are like hairs on a nation's arm: Sarcasm, irony and self-irony in figurative political discourse. In *The Diversity of Irony*. Vol. 65. Pp. 162-182.
13. Roth, K. S., Wengeler, M., Ziem, A. (2017). *Handbuch Sprache in Politik und Gesellschaft*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG.

14. Schwarz-Friesel, M. (2009). Ironie als indirekter expressiver Sprechakt: Zur Funktion emotionsbasierter Implikaturen bei kognitiver Simulation. In *Perspektiven auf Wort, Satz und Text. Semantisierungsprozesse auf unterschiedlichen Ebenen des Sprachsystems*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag. S. 223-232. (Koblenz-Landauer Studien zu Geistes-, Kultur- und Bildungswissenschaften; Bd. 3).

15. Schwarz-Friesel, M., Marx, K., Damisch, S. (2012). Persuasive Strategien der affektiven Verunsicherung im aktuellen Diskurs: Ironisieren, kritisieren und beleidigen in öffentlichen Streitgesprächen. In *Sprache und Emotion in öffentlicher Kommunikation*. Bern: Peter Lang Verlag, S. 227-254.

16. Spieß, C. (2020). Politiksprache und politische Kommunikation. In *Handbuch Sprachkritik*. Stuttgart: JB Metzler, 2020. S. 302-309.

17. Tsakona, V. (2011). Irony beyond criticism: Evidence from Greek parliamentary discourse In *Pragmatics and Society*. Vol. 2. No. 1. Pp. 57-86.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Available at: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/7547 (accessed: 29.09.2021).

2. *Duden*. Mannheim et al.: Dudenverlag, 2013. Bd. 11. Redewendungen.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Plenarprotokoll 19/21*. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19021.pdf>. (accessed: 29.09.2021).

2. *Plenarprotokoll 19/90*. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19090.pdf>. (accessed: 29.09.2021).

Катамадзе Мария Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка (m.katamadze18@gmail.com), Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет» 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, строение 1

Katamadze Mariya O. – Candidate of Philology, Associate Professor of German Language Department (m.katamadze18@gmail.com), State-Funded Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University» 1, Malaya Pirogovskaya st., building 1, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 01 сентября 2021 г.

УДК 81-139

И. А. Котюрова, Н. Б. Сибирякова

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЭМОТИВНОГО МОДУСА ЛЕКСЕМ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ СТУДЕНЧЕСКОГО КОРПУСА ПАКТ)

Исследование затрагивает тему эмотивности в области лингвистики, подробно освещает лексические способы репрезентации эмоций в немецкоязычном тексте, а именно: использование фразеологизмов, многозначных слов, аффективов, коннотативов, употребление сленгизмов и вульгаризмов, – и дает пояснение к каждому из этих средств.

Ключевые слова: эмотивность, эмоциональный модус, немецкий язык, семантика, репрезентация эмоций.

I. A. Kotiurova, N. B. Sibiriakova

CONTEXTUAL DIFFERENCES IN EMOTIONAL MODE OF LEXEMES (BASED ON GERMAN TEXTS FROM LEARNER CORPUS PACT)

The study deals with emotiveness in the field of linguistics, gives a detailed description of the lexical ways of emotions representation in the German text. The use of phraseological units, ambiguous words, affectives, connotatives, slangisms and vulgarisms has been analysed and explained in the article.

Key words: emotiveness, emotional mode, German language, semantics, representation of emotions.

1. Введение

С течением времени и развитием систем коммуникации между людьми все более насущной становится проблема определения взаимосвязи человеческих переживаний и их выражения при помощи языка. Эмоции возникают у человека бессознательно и представляют собой некую форму субъективного отражения и познания реальности, которая отображается на каждом языковом уровне [Трушкова, 2012; Agarwal, Xie, Vovsha, Rambow, Passonneau, 2011]. Любое высказывание имеет определенный эмотивный модус [Арутюнова, 1998], т. е. эмоционально-экспрессивные оттенки смыслов, верная интерпретация которых является очень важной составляющей коммуникации. При этом одна и та же языковая единица в разных контекстах может сильно менять эмотивный модус высказывания. Выявить какие-то поддающиеся формальному описанию закономерности в интерпретации эмотивного модуса может помочь корпусное исследование. Несмотря на быстро растущее количество лингвистических корпусов, на сегодняшний день очень мало таких, которые содержали бы эмотивную разметку. В Петрозаводском государственном университете в настоящее время ведется активная работа по созданию аннотированного корпуса студенческих текстов на немецком и

французском языках, часть данного корпуса имеет ручную эмотивную разметку. Объем проанализированной немецкоязычной части данного корпуса на сентябрь 2021 г. составлял 232559 токенов. В настоящем исследовании решаются следующие задачи:

1. Осветить лексические способы анализа с помощью текстов из Петрозаводского аннотированного корпуса текстов (ПАКТ);

2. Рассмотреть изменение эмотивного плана лексики в зависимости от контекста;

3. Определить различия эмотивных модусов в приведенных примерах.

2. Эмотивный модус и его виды

Оценить какую-либо эмоцию абсолютно объективно представляется практически невозможным: любое ее определение человеком как «положительной» или «отрицательной» происходит исходя из его личных ощущений от контекста фразы на сентенциональном уровне. Несмотря на это обстоятельство, но принимая его во внимание, ученые предпринимают попытки установить тип отношений между графическим / звуковым образом текстового знака и его эмотивным модусом – значением эмоции, которое реализуется лишь в контексте речи или в письменном тексте. Данной проблемой занимается эмотиология [Городникова, 1985; Ионова, 2019; Кобрин, 2006; Пиотровская, 1994; Ульянова, 2011]. Субъектом этой науки выступает эмотивность – лингвистическая категория, а также компонент лексического модуса слова (т. е. его словарного значения). В. И. Шаховский дает такое определение эмотивности: «это языковая категория, представляющая собой имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 2015]. Данное явление вызывает интерес у исследователей в области языкознания и нуждается в дальнейшем анализе [Ионова, 1998; Копытов, 2012; Коростова, 2009; Шаховский, 2009; Weigl, 2008].

Помимо эмотивной (выражающей собственно эмоции типа *froh* ‘радостный’, *böse* ‘злой’, *glücklich* ‘счастливый’) и эмоциональной (помогающей психологически воздействовать на читателя и вызывать у него определенные чувства типа *interessant* ‘интересный’, *großartig* ‘великий’, *sauber* ‘чистый’) лексики можно говорить о нейтральной лексике и выражениях, которые не обладают ярко выраженным тоном, к примеру, *es versteht sich von selbst* ‘само собой разумеется’, *soweit wir wissen* ‘как нам известно’, *es ist bekannt* ‘известно’ и т. п.

Логично предположить, что для определения общего эмотивного модуса того или иного текста ключевую роль играет эмотивная и эмоциональная лексика.

В лингвистических корпусах, имеющих эмотивную разметку (в них некоторым языковым единицам приписывается тег (метка) с тем или иным обозначением эмотивного модуса), классификация может быть разной. Так, например, русскоязычный корпус коротких текстов RuTweetCorp размечает тексты целиком, относя их к одной из двух категорий: «заведомо положительные» и «заведомо отрицательные» [Корпус RuTweetCorp]. А англоязычный проект [Sentiment Analysis: Emotion in Text] использует подробную классификацию тегов, описывающих эмоциональное значение словосочетаний и предложений, например, *sadness, happiness, enthusiasm, anger, neutral* и т. д. Некоторые проекты ограничиваются разметкой отдельных слов и морфем только по трем классам эмотивного модуса: положительный, отрицательный, нейтральный.

Наше исследование базируется на немецкоязычных работах, выполненных в Петрозаводском государственном университете студентами I-V курсов и распределенных по типам текста (эссе, письмо, описание, пересказ, аннотация, резюме и т. д.). Каждый текст сопровождается метаинформацией, отражающей условия его написания, а также имеет автоматическую частеречную разметку. Аннотирование ошибок студентов, а также разметка эмотивного модуса проводится пока вручную.

При эмотивной разметке в корпусе ПАКТ использовались 4 типа тегов, определяющих 4 соответствующих типа лексических единиц: «положительные», «нейтральные», «отрицательные» и «ненормативные» (бранная лексика, которая составляет особую группу слов при разметке).

Во время работы с вербализацией эмоций в тексте возникли некоторые трудности, связанные с отнесенностью одного и того же слова к разным типам эмотивного модуса, что зачастую объясняется различиями эмоционального оттенка в его разных значениях. Так, в предложении *Ich war in einer anderen Stadt, als er entlassen wurde* ‘Я был в другом городе, когда его уволили’ [ПАКТ] глагол *entlassen* ‘уволить’ отражает негативные переживания, поскольку в общем представлении увольнение связано с сокращением дохода, нестабильностью, подавленностью, разочарованием и т. п. Но этот же глагол в другом контексте может быть употреблен в другом значении и описывать положительные чувства, например: *Dana wurde in ein paar Stunden entlassen* ‘Дану отпустили через пару часов’ [ПАКТ]. Здесь значение слова *entlassen* меняется на ‘отпустить, освободить’, и в этом значении оно имеет уже положительный эмоционально-экспрессивный оттенок.

Рассмотрим еще один пример: *Die dritte Welle begann nach der Konferenz für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa und dann kam in vielen Ostblockstaaten die Dissidenten- und Bürgerrechtsbewegung auf* ‘Третья волна началась после конференции по

безопасности и сотрудничеству в Европе, а позднее во многих государствах восточного блока возникло диссидентское движение за гражданские права' [ПАКТ]. В этом предложении слово *die Welle* 'волна' означает не морскую волну, как, например, в предложении *Die Wissenschaftler begannen, die Form von Wellen zu erforschen* 'Ученые начали исследовать форму волн' [ПАКТ], а употребляется в метафорическом значении – массовый поток мигрантов из СССР в Германию. Таким образом, в первом случае данное слово маркируется как «отрицательное», связанное с тревогами, опасностями, страданиями людей, а во втором – как «нейтральное».

Слова, чей эмотивный модус может меняться в зависимости от контекста, встречаются довольно часто. Причем эмоциональный оттенок значения слова может меняться не только с нейтрального на ярко выраженный, но и полярно, т.е. на противоположный. Так, прилагательное *schwer* 'тяжелый' вне контекста имеет в большинстве значений отрицательную окраску. Так, словарь Дуден дает следующие толкования его значений:

- *von großem Gewicht; nicht leicht* 'большой по весу, нелегкий';
- *große körperliche Anstrengung, großen Einsatz erfordernd; hart, mühselig* 'большое физическое напряжение, требующее больших усилий, трудозатратный';
- *(von Speisen u. Ä.) sehr gehaltvoll [und dadurch nicht leicht bekömmlich]; nicht gut verträglich* '(о блюдах и т. п.) очень плотный [и, следовательно, трудно перевариваемый]; плохо переносимый';
- *einen hohen Schwierigkeitsgrad aufweisend; schwierig, nicht leicht zu bewältigen* 'с высокой степенью сложности; трудный, с таким нелегко справиться'.

При этом для последнего значения в словаре приводятся примеры его употребления, в которых преобладает негативный модус:

- *eine schwere Aufgabe* 'тяжелая задача';
- *hinter ihnen lagen schwere Jahre* 'за плечами у них были непростые годы';
- *ein schweres (verantwortungsvolles) Amt übernehmen* 'занимать тяжелую (ответственную) должность';
- *die Klassenarbeit war sehr schwer* 'классная работа была очень тяжелой';
- *es war schwer für ihn, sie zu überzeugen* 'ему было тяжело ее (их) переубедить'.

Однако в корпусе ПАКТ слово в этом значении в сочетании с существительным *Antwort* реализует положительный смысл: *Dieser Student hat eine volle und schwere Antwort gegeben* 'Этот студент дал полный и сложный по структуре ответ' [ПАКТ]. В этом

предложении *schwer* подразумевает комплексность, структурированность и научность ответа студента, т. е. характеризует его как достойного похвалы.

Тем не менее, слово *schwer* встречается в корпусе ПАКТ и в негативном модусе:

Es war sehr schwer für uns, diese Aufgabe zu erledigen ‘Для нас было очень тяжело выполнить эту задачу’ [ПАКТ].

Еще одним примером может послужить слово *Kampf* ‘борьба’: изначально оно ассоциируется с негативными переживаниями, так как вызывает в сознании людей определенные отрицательные по эмоциональной нагруженности представления, поскольку предполагает определенные действия человека, направленные на преодоление или уничтожение кого-либо или чего-либо. Однако, в предложении *In diesem Text geht es um die Kinderarmut und um effektive Kampfmittel dagegen* ‘В этом тексте речь идет о детской бедности и об эффективных средствах борьбы с ней’ [ПАКТ], это слово приобретает положительный модус, так как подразумевает борьбу против чего-то плохого, а именно детской бедности.

Количество таких примеров невелико – гораздо больше в текстах различных типов и стилей можно найти отрицательные и положительные модусы слов, которые без контекста являются нейтральными: существительное *Schwein* ‘свинья’ обозначает животное в нейтральном смысле, но в предложении типа *Du isst wie ein Schwein!* ‘Ты ешь, как свинья!’ [ПАКТ] оно имеет резко отрицательную окраску, а во фразеологизме *Schwein haben* ‘иметь удачу’ – ярко положительную. Так, возникает вопрос: под влиянием каких факторов слово в контексте может менять свой эмотивный модус?

3. Лексические способы репрезентации эмоций в тексте

Любые эмоции на письме выражаются через определенные знаки. Существует множество способов репрезентации внутреннего состояния человека и отношения в тексте, в частности: прямая номинация, непосредственное выражение (с помощью индикаторов, инвективной лексики и т. п.), описание и другие [Романов, 2004]. Использование тех или иных средств скорее зависит от контекста, чем урегулировано какими-либо правилами. С одной стороны, это вызывает трудности при проведении подробного анализа текста, с другой стороны, является преимуществом, поскольку допускает вариативность их использования. Все способы репрезентации эмоций в тексте можно разделить на три основные группы: лексические, словообразовательные и синтаксические [Кобрина, 2006]. Следует отметить, что для маркированного выражения модуса высказывания могут использоваться одновременно несколько средств.

К наиболее распространенной группе – лексическим способам – относят [Ионова, 2019]:

- 1) использование фразеологизмов;
- 2) использование метафор и многозначных слов с целью языковой игры;
- 3) употребление аффективов;
- 4) использование коннотативов (слов с сопутствующим значением);
- 5) употребление сленгизмов;
- 6) употребление вульгаризмов.

Фразеологизмы (*die Hand ins Feuer legen* ‘ручаться, доверять’, *im siebten Himmel sein* ‘быть на седьмом небе от счастья’, *Schwein haben* ‘иметь удачу’ и т. п.) используются для обогащения речи, придают высказыванию образность и помогают усилить эмотивный модус, что играет ключевую роль в контексте исследования. Рассмотрим эту функцию фразеологизмов на примере. Из предложения *Heute treten wir in unterschiedlicher Masse in die Fußstapfen von Alexander von Humboldt* ‘Сегодня мы в той или иной степени идем по стопам Александра фон Гумбольдта’ [ПАКТ] можно вычленить устойчивое словосочетание *in j-s Fußstapfen treten* ‘идти по стопам’, которое определяет положительный эмотивный дейксис предложения [Иванова, Исхакова 2011] и передает мысль о том, что человечество до сих пор продолжает «идти по стопам Александра фон Гумбольдта», что подразумевает положительную авторскую оценку вклада этого исследователя в науку и чувство уважения к нему.

Приведем другой пример: *Eine neue Migrationsbewegung setzte in Gang, die zur Erneuerung der russischen Diaspora führte* ‘Началось новое миграционное движение, которое привело к обновлению русской диаспоры’ [ПАКТ]. В этом предложении фразеологизм *etwas in Gang setzen* ‘запускать, приводить в движение’ маркирует «положительную коннотацию», так как он представлен в значении ‘дать ход, привести в движение’. Кроме того, такое словосочетание придает предложению образность. Этот тезис можно отнести и к фразеологизмам, содержащимся в следующих предложениях: *Die Globalisierung ist ein neuer Schritt (положит.) in der Entwicklung* ‘Глобализация – новый шаг в развитии’; *Du musst ihr schönes Gesicht mit eigenen Augen sehen (положит.)* ‘Ты должен увидеть ее прекрасное лицо собственными глазами’ [ПАКТ].

Разный эмотивный модус одна и та же языковая единица может иметь в случаях ее многозначности.

Яркую эмоциональную окрашенность имеют метафоры и многозначные лексемы, на базе которых строится игра слов. Подобные лексические единицы могут также раскрывать эмотивный код слова не напрямую, а в переносном значении, что усиливает код не только одной лексемы, но и целой фразы. В этих случаях слова, которые в тексте используются в прямом смысле, при первом прочтении текста понимаются в переносном значении – при этом эмотивность текста повышается так же, как и его оценочность: *Ein junger Anwalt trifft einen ebenfalls noch jungen Arzt. «Wie geht es Ihnen?» «Gut», sagt der Arzt, «ich kann nicht klagen. Und Ihnen?» «Schlecht. Ich kann nicht klagen»* ‘Молодой адвокат встречается такого же молодого врача. «Как у Вас дела?» «Хорошо», – говорит врач, – «не могу пожаловаться. А у Вас?» «Плохо. Не могу пожаловаться»’ (немецкий анекдот). В первом случае глагол *klagen* имеет значение ‘сетовать, выражать негодование’, а во втором употребляется в смысле ‘подать в суд’.

Обратимся к текстам из ПАКТ и приведем еще примеры употребления полисемантических слов, получивших новые значения на основе метафорического переноса и содержащих благодаря этому оценочный компонент значения: *Dies macht das Bild süßer (положит.) und freundlicher* ‘Это делает фотографию более милой и дружелюбной’; *Die Farben im Gemälde sind nicht sauber (положит.) und rein (положит.), sondern gemischt (отрицат.), dunkel (отрицат.) und grell (отрицат.)* ‘Краски на картине не чистые и отчетливые, а перемешанные, темные и мрачные’; *Diese Gemälde sind leicht (положит.) und luftig (положит.), bestimmt vom Spiel des Lichts auf der Natur* ‘Эти картины невесомы и воздушны, определенно благодаря игре света в природе’ [ПАКТ].

Еще одним репрезентантом эмотивности текста служит использование аффективов – слов, которые содержат семы чувств, а именно: междометия, междометные слова, лексика обзывания, ласкательные и бранные слова. Такие лексические средства ярко и в большинстве случаев однозначно отражают переживания автора, не называя их напрямую. Междометия и междометные полисемантические слова можно разделить на три группы: позитивные (*hurra!* ‘ура!’, *hoppla!* ‘опля!’, *topp!* ‘класс!’ и др.), негативные (*pfui!* ‘фу!’, *oops!* ‘упс!’, *tja!* ‘мда!’ и др.) и амбивалентные (*ah!* ‘ах!’, *oh!* ‘ох!’, *hei!* ‘эй!’ и др.). Обратимся к ПАКТ: *Achtung! Im Publikum Nummer 238 wird heute ein Gastdozent auftreten!* ‘Внимание! В аудитории 238 сегодня выступает приглашенный профессор!’ [ПАКТ]. Амбивалентное междометие *Achtung!* ‘Внимание!’ в данном предложении будет отмечено как «положительное», так как по контексту оно выражает призыв к участию в лекции доцента. Здесь оно передает экспрессию и призывает обратить внимание на объявление. Еще несколько примеров предложений с использованием эмотивных междометий: *Das*

wirkliche Problem ist ja (отрицат.), dass der Postträger meine Beschwerde ignoriert hat ‘Реальная же проблема состоит в том, что почтальон игнорировал мои жалобы’; *Im Studentenwohnheim wohnt man doch (отрицат.) allein, aber das heißt, niemand kontrolliert ihn* ‘В общежитии ведь живут самостоятельно, но это значит, что никто не может контролировать студентов’; *Im Grunde haben sie so kommentiert: «Oh (отрицат.), das ist dein russisches Essen»* ‘В принципе, они прокомментировали это так: «Ох уж эта твоя русская еда!»’; *Weiß Gott (положит.), woher das Mädchen diese Stimme hatte, diese etwas tiefe, gute Stimme, eine mütterliche Stimme* ‘Бог знает, откуда у этой девочки такой голос, такой глубокий, хороший голос, как будто голос матери’; *Ach (отрицат.), es ist schwer, diese Gottesspur zu finden inmitten dieses Lebens, ...* ‘Ах, трудно увидеть Божьи проявления при такой жизни, ...’ [ПАКТ]. Необходимо отметить, что во всех этих примерах междометие совпадает и усиливает тот модус, который характеризует высказывание в целом: *Das ist ja (положит.) eine tolle Idee, ich denke* ‘Это же прекрасная идея, я думаю’ [ПАКТ].

Также к аффективам относится бранная лексика и слова-обзывания, которые передают негативно окрашенную эмоцию, например: *Arsch* ‘задница’, *Scheiße* ‘дерьмо’, *Mistkerl* ‘сволочь’. Ласкательная лексика (*meine Liebe* ‘моя любовь’, *Schatz* ‘золотце’, *Süße* ‘сладкая’ и т.п.) выражает позитивные чувства говорящего и располагает собеседника к себе: *Mein Lieber (положит.), entschuldige, dass ich lange nicht geschrieben habe* ‘Мой дорогой, извини, что я долго не писала’ [ПАКТ], – если не используется в ироничном смысле: *Mein Süßer (отрицат.), wie schwer du dich irrst! Wir sind keine Freunde!* ‘Мой сладкий, как же ты ошибаешься! Мы не друзья!’ [ПАКТ].

Также определителями эмотивности модусов служат коннотативы – слова, в которых помимо основного понятийного значения ярко выражен оценочный компонент, актуализирующий социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений (*Recke* ‘великан, герой’, *verbrecherisch* ‘криминальный’, *Ticktack* ‘часы’ и др.). Данные лексемы ярко передают метафоричность и образность в высказывании. Часто в качестве коннотативов выступает зоолексика в функции метафор или сравнений. Оценочность проявляется через ассоциацию с признаком, который приписывается тому или иному животному, например: *dumm wie ein Hirsch* ‘глупый, как олень’, *stur wie ein Esel* ‘упрямый, как осел’, *groß wie ein Bär* ‘большой, как медведь’. Такие лексемы отражают оценочную характеристику человека и эмоциональное отношение говорящего к объекту высказывания. Помимо зоолексем к коннотативам относят архаизмы (*Harnisch* ‘доспехи’), поэтизмы (*Lebensabend* ‘закат жизни’), диминутивы (*Mütterlein* ‘мамочка’),

цветообозначения (*rot* ‘огненный’) и др. [Шаховский, 2009]. Рассмотрим несколько примеров коннотативов в текстах из ПАКТ: *Die Landschaftsmalerei umfasst die Darstellung von Ausschnitten aus dem von der Natur als auch von Menschenhand (положит.) bestimmten Raum* ‘Пейзажная живопись представляет собой изображение мотивов определенного пространства, созданного как природой, так и рукой человека’. В приведенном примере слово *Menschenhand* ‘рука человека’ употребляется метафорически, что помогает передать образность выражения, поэтому его можно отнести к коннотативам. Аналогичным примером служит предложение: *Er wollte die Natur der Erde (положит.) erfassen – mit Verstand und Gemüt* ‘Он хотел познать природу земли – сознанием и душой’ [ПАКТ].

Отдельно нужно сказать о сленгизмах, которые также могут маркировать эмоцию в тексте: *er sieht wie ein Looser aus* ‘он выглядит, как лузер’, *das ist ja mein Alder* ‘это же мой приятель’, *ein geiler Film* ‘клёвый фильм’. Целью употребления сленгизмов выступает желание автора оценить окружающие объекты или людей. Такой выбор слов носит спонтанный характер, обусловленный живой речью людей, воздействием сиюминутных переживаний, поэтому данные слова ярко и экспрессивно репрезентируют как положительные, так и отрицательные переживания говорящего. Обратимся к примерам и рассмотрим предложения, содержащие сленгизмы: *Ich habe eine coole (положит.) Idee* ‘У меня крутая идея’; *Nach der Wohnung und den Klamotten (отрицат.) am Jungen kann man schließen, dass die Familie nicht reich ist* ‘По жилищу мальчика и его лохмотьям можно понять, что его семья не богата’ [ПАКТ].

В отдельную группу входят вульгаризмы, которые имеют связь со сленгом, но выражают исключительно негативную оценку (*Mistwetter* ‘дерьмовая погода’, *bleuen* ‘избивать’, *fressen* ‘жрать’ и др.). Подобные лексемы относятся к сниженной разговорной речи и призваны наиболее ярко и остро презентовать эмотивность текста, поскольку вульгаризмы особенно экспрессивны. Такой способ выражения чувств является неприемлемым для большинства текстов письменной речи публицистического стиля, так как обладает близким к просторечному и особо грубым значением, однако именно по этой причине может использоваться в художественной литературе. Так, в студенческих работах, посвященных роману Г. Гессе «Степной волк», приводится цитата, в которой эмоциональный накал поддерживается вульгаризмами: *Denn kein möglicher Mensch, auch nicht der primitivste Neger (отрицат.), auch nicht der Idiot (отрицат.), ist so einfach, daß sein Wesen sich als die Summe von nur zweien oder dreien Einteilung von Wolf und Mensch zu gehören, ist ein hoffnungslos kindlicher Versuch* ‘Потому что никто, даже самый примитивный негр или идиот, не так прост, чтобы определять его существование как сумму

только двух или трех личностей человека и волка – безнадежная детская попытка’; *Als Harry das Bild absolut nicht mochte, drückte er alles aus und rannte weg, er brauchte Unterstützung, weil er sich mies (отрицат.) und schrecklich fühlte* ‘Когда Гарри совершенно не нравилась картина, он стирал ее и убегал прочь, он нуждался в поддержке, потому что отвратительно и ужасно себя чувствовал’ [ПАКТ].

4. Выводы

1. Представленное исследование является лишь одной из попыток анализа эмоциональности студенческого текста на иностранном языке. Современные лингвисты и методисты интересуются проблемами эмотивности по разным причинам. С одной стороны, одна из важных компетенций овладения иностранным языком – это компетенция грамотно выражать свою субъективную точку зрения, в которой оценочный компонент неразрывно связан с эмотивным модусом. С другой стороны, определение эмотивного модуса студенческих сочинений по той или иной теме или того или иного жанра могут служить ориентиром для преподавателя при формулировке заданий.

2. Анализ текстов, составленных студентами и внесенных в корпус ПАКТ, свидетельствуют о том, что в разных жанрах письменной речи студентов встречаются разные типы эмотивного модуса: положительный, нейтральный, отрицательный, ненормативный. Выявлены следующие способы репрезентации эмоционального модуса в текстах: использование фразеологизмов, метафор и многозначных слов (для создания языковой игры), употребление аффективов, коннотативов, сленгизмов и вульгаризмов.

3. Эмотивный модус слова меняется в зависимости от контекста. Выявлены примеры, когда одна и та же лексема изменяет свой эмоциональный модус с нейтрального на ярко выраженный либо меняет его на противоположный – с отрицательного на положительный и наоборот. Отрицательные и положительные модусы слов, которые в словарных значениях являются нейтральными, актуализируются в контексте.

К перспективе исследования относится описание формальных признаков того или иного эмотивного модуса высказывания различной протяженности с целью автоматизации оценки эмоциональной окрашенности текстов в корпусе ПАКТ и использования данного опыта в других текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Городникова М. Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. Москва: МГПИИЯ им. М. Тареза, 1985. 70 с.

3. Иванова С. В., Исхакова З. З. Эмотивный дейксис как неконвенциональный тип дейксиса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2011. Т. 7. № 1. С. 174-186.
4. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 1998. 19 с.
5. Ионова С. В. Лингвистика эмоций // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 124-131.
6. Кобринина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 90-100.
7. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Москва: Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.
8. Коростова С. В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 85-93.
9. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). Санкт-Петербург: СПбГУ, 1994. 145 с.
10. Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: на материале русского языка: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Тула, 2004. 496 с.
11. Трушкова Л. О. Модусы репрезентации эмоционального состояния *disappointment* в художественном дискурсе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2012. № 4 (10). С. 101-106.
12. Ульянова М. А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 18. С. 237-248.
13. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
14. Шаховский В. И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка. Лингвистические заметки // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 5-11.
15. Agarwal A., Xie B., Vovsha I., Rambow O., & Passonneau R. Sentiment Analysis of Twitter Data // Proceedings of the Workshop on Language in Social Media. 2011. P. 30-38.
16. Weigl E. Emotionen in deutschen Texten: Ein quantitativer Ansatz mit GATE // Technische Universität Wien Institut für Softwaretechnik und Interaktive Systeme. 2008. P. 21-62.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Корпус RuTweetCorp. Доступ: <http://study.mokoron.com>. (дата обращения: 24.05.2021).
2. Петрозаводский аннотированный корпус текстов. Доступ: <http://lingo.smartsensing.petrso.ru>. (дата обращения: 18.09.2021). [ПАКТ].
3. Sentiment Analysis: Emotion in Text. Доступ: <https://data.world/crowdflower/sentiment-analysis-in-text>. (дата обращения: 24.05.2021).

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1998). *Yazik i mir cheloveka* [Language and World of People]. Moskva: Yaziki russkoy kultury. (In Russ.).
2. Gorodnikova, M. D. (1985). *Emotivnye yavleniya v rechevoy kommunikatsii* [Emotive phenomena in speech communication]. Moskva: MGPIYa im. M. Toreza. (In Russ.).
3. Ivanova, S. V., Iskhakova, Z. Z. (2011). Emotivnyy deyksis kak nekonventsionalnyy tip deyksisa [Emotive deixis as an unconventional type of deixis]. In *Vestnik Leningradskogo*

gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Т. 7. No. 1. Pp. 174-186. (In Russ.).

4. Ionova, S. V. (1998). *Emotivnost teksta kak lingvisticheskaya problema* [Text emotiveness as a linguistic problem]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russ.).

5. Ionova, S. V. (2019). *Lingvistika emotsiy* [Linguistics of emotions]. In *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1(134). Pp. 124-131. (In Russ.).

6. Kobrina, O. A. (2006). *Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya subyektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu* [Modus categories as ways of expressing a person's subjective attitude to a statement]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 2 (008). Pp. 90-100. (In Russ.).

7. Kopytov, O. N. (2012). *Modus na prostranstve teksta* [Modus in the space of text]. Moskva: Izd-vo KhGIIK. (In Russ.).

8. Korostova, S. V. (2009). *Emotivnost kak funktsionalno-semanticheskaya kategoriya: k voprosu o terminologii* [Emotiveness as a functional-semantic category: on the question of terminology]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 103. Pp. 85-93. (In Russ.).

9. Piotrovskaya, L. A. (1994). *Emotivniye viskazivaniya kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale russkogo i cheshskogo yazikov)* [Emotive utterances as an object of linguistic research (based on the Russian and Czech languages)]. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).

10. Romanov, D. A. (2004). *Yazykovaya reprezentatsiya emotsii: urovni, funktsionirovaniye i sistemy issledovaniy: na materiale russkogo yazyka* [Linguistic Representation of Emotions: Levels, Functioning and Research Systems: Based on the Russian Language]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Tula. (In Russ.).

11. Trushkova, L. O. (2012). *Modusy reprezentatsii emotsionalnogo sostoyaniya disappointment v khudozhestvennom diskurse* [Mode of representation of disappointment emotional state in artistic discourse]. In *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 4 (10). Pp. 101-106. (In Russ.).

12. Ulyanova, M. A. (2011). *Kategoriya emotivnosti kak lingvisticheskoe ponyatiye i osnovniye podkhody k eye izucheniyu* [The category of emotivity as a linguistic concept and the main approaches to its study]. In *Aktualniye voprosy sovremennoy nauki*. No. 18. Pp. 237-248. (In Russ.).

13. Shakhovskiy, V. I. (2009). *Yazik i emotsii v aspekte lingvokulturologii* [Language and emotions in the cultural linguistics aspect]. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena». (In Russ.).

14. Shakhovskiy, V. I. (2015). *Sinergetika slova v semasiologicheskoy semiotike yazika. Lingvisticheskiye zametki* [Synergetics of the word in the semasiological semiotics of language. Linguistic notes]. In *Mir russkogo slova*. No. 2. Pp. 5-11. (In Russ.).

15. Agarwal, A., Xie, B., Vovsha, I., Rambow, O., & Passonneau, R. (2011). *Sentiment Analysis of Twitter Data*. In *Proceedings of the Workshop on Language in Social Media*. Pp. 30-38.

16. Weigl, E. (2008). *Emotionen in deutschen Texten: Ein quantitativer Ansatz mit GATE*. In *Technische Universität Wien Institut für Softwaretechnik und Interaktive Systeme*. S. 21-62.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Korpus RuTweetCorp* [Corpus RuTweetCorp]. Available at: <http://study.mokoron.com>. (accessed: 24.05.2021). (In Russ.).

2. *Petrozavodskiy annotirovanny korpus tekstov* [Petrozavodsk annotated corpus of texts]. Available at: <http://lingo.smartsensing.petrso.ru>. (accessed: 18.05.2021). (In Russ.).

3. *Sentiment Analysis: Emotion in Text*. Available at: <https://data.world/crowdflower/sentiment-analysis-in-text>. (accessed: 24.05.2021).

Котюрова Ирина Аврамовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Института иностранных языков (e-mail: koturova@petsu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Сибирякова Наталья Борисовна – студентка Института иностранных языков (e-mail: Sibir.nat@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Kotiurova Irina A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of German and French Languages Department (e-mail: koturova@gmail.com), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Petrozavodsk State University» 33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia, 185910

Sibiriakova Natalia B. – Student of Institute of Foreign languages (e-mail: Sibir.nat@yandex.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Petrozavodsk State University» 33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia, 185910

Поступила в редакцию 06 сентября 2021 г.

О ТЕРМИНЕ 'КУЛЬТУРА' В АКТУАЛЬНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению содержания понятия и термина 'культура' в современной лингвистической парадигме. Прослеживается историческая перспектива изучения отношений язык-культура, выясняются предпосылки использования термина применительно к области лингвистики. Представлен обзор актуальных научных взглядов по рассматриваемой проблеме в отечественной и зарубежной, прежде всего немецкоязычной, лингвистике, раскрываются сходства и различия в понимании содержания и применении этого термина, обсуждаются существующие интерпретации. Выводится заключение о целесообразности употребления его в лингвистическом дискурсе в широком смысле. При этом культура мыслится как мегадискурс, которому априори принадлежит язык со всеми имманентными ему категориями, единицами и отношениями.

Ключевые слова: язык, культура, дискурс, лингвистика, дефиниция, 'культуранавращенные' исследования.

© 2021 N. V. Usova

ON THE TERM 'CULTURE' IN TOPICAL LINGUISTIC DISCOURSE

The article considers the content of the concept and term «culture» in modern linguistic paradigm. The historical perspective of studying the relations between language and culture has been traced. The prerequisites for using the term in relation to the field of linguistics have been clarified. An overview of current scientific views on the problem under consideration in domestic and foreign, primarily German-speaking, linguistics has been presented. The similarities and differences in understanding the content and application of this term have been revealed, existing interpretations have been considered. A conclusion is drawn about the relevance of using it in linguistic discourse in a broad sense. At the same time, culture is thought of as a megadiscourse, to which a priori language with all its immanent categories, units and relations belongs.

Key words: language, culture, discourse, linguistics, definition, «culture-oriented» research

1. Введение

Выяснение лингвистикой сущности языковых феноменов предполагает определение основополагающих моментов во взаимоотношении языка и культуры, которые могут быть установлены на основе обобщения опыта как общегуманитарного знания в целом, так и положений, артикулируемых в научном дискурсе языкознания. Культура – одно из фундаментальных понятий социально-гуманитарного познания, без которого не может быть определено место человека и значение любой его деятельности. Суть взаимоотношений науки и культуры сформулирована А. Вержбицкой и заключается в том, что ничего нет на свете, что человек мог бы изучать с точки зрения, вынесенной за пределы культуры, а исследователи, в силу рода своей деятельности, «постоянно

пребывают в некоторой культуре, неизбежно ведомые теми или иными принципами и идеями» [Wierzbicka, 1992: 6]. Статья имеет целью рассмотреть термин 'культура' в современной лингвистической парадигме. Принимается во внимание, что положение языка по отношению к культуре, взаимодействие культуры и языка, который является не только инструментом научного познания, но и объектом исследования для лингвистики, составляют круг вопросов, постоянно занимающих учёных.

2. Основная часть

2.1. Язык – конституирующий 'субъект' культуры. Для установления взаимоотношений языка и культуры центральным является понимание языка как конституирующего 'субъекта' культуры. Такое видение восходит к идеям Э. Сепира (1928 г.) о том, что система культурных стереотипов всякой цивилизации в определённом смысле строится и упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. Э. Сепир сформулировал мысль о языке как путеводителе по социальной действительности и как важнейшем факторе в научном изучении культуры, выступающем в этом процессе руководящим началом. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык – лишь случайное средство решения специфических задач мышления и коммуникации, – это иллюзия, а в действительности «реальный мир», в значительной степени неосознанно, строится на основе языковых привычек той или иной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством одной и той же социальной действительности [Сепир, 1993: 261]. Позже эти идеи получили известность как гипотеза языкового релятивизма Сепира-Уорфа, которая станет одной из наиболее влиятельных лингвистических концепций.

Доминировавшее в лингвистике довольно длительное время отношение к языку как к средству коммуникации в наши дни обнаружило свою недостаточность, поскольку предназначение и сущность языка, как оказалось, не сводятся к тому, чтобы служить лишь каналом передачи информации. Более приемлемым представляется взгляд на язык А. А. Леонтьева, который назвал три основные функции, в которых язык выступает: 1) как средство закрепления и передачи достижений человеческого мышления, человеческого знания; 2) как средство коммуникации; 3) как средство выражения отношения [говорящего] к содержанию речи «и вообще средство выражения эмоций и воли» [Леонтьев, 1963: 124]. С этой позиции, конституирующей функцией человеческого языка является функция его как формы существования человеческого мышления, поскольку лишь она одна характерна исключительно для человеческого языка [Там же].

В отечественном языкознании вопрос о взаимоотношении языка и культуры

обсуждался начиная с 70-80-х годов XX в. В это же время на Западе получил распространение термин 'культурный поворот' (англ. 'cultural turn'), которым назвали изменения, произошедшие в гуманитарных и социальных науках, в ходе которых культура оказалась в центре современных дискуссий. В стремлении обозначить взаимосвязи языка и культуры отмечалось, что язык выполняет ряд функций, важных для культуры в целом, а именно, кумулятивную функцию, поскольку является хранителем (а также выразителем) культуры, средством накопления, сохранения и передачи культурно значимой информации [Верещагин, Костомаров, 1980]. Но уже тогда В. Н. Топоров предостерегал от упрощенного понимания роли языка в культуре, которое воспринимает её как постоянную величину, не учитывая динамичность языка, культуры и их отношений. Учёный обращал внимание на то, что «отношение языка и культуры должно определяться не в статике некоего среднего состояния, когда язык и культура (точнее, цивилизация) оказываются во власти публичности (Öffentlichkeit) и связанных с этим автоматизмов, в сфере, где действует овеществляющая сила *man*, а в динамике, «задаваемой максимумами творческих потенций языка и культуры, т. е. их высшими и экстремальными состояниями» [Топоров, 1985: 5]. Идея перманентного развития культуры и языка, их синергетического взаимодействия была несомненно революционной на фоне устоявшихся системно-структурных взглядов.

Со временем определение языка в культуре дополнилось другими его функциями: он составляет часть социальной памяти [Красных, 2002: 12]; функционирует как «средство передачи аккумулированного коллективного опыта и семиотического освоения реальности» [Карасик, 2012: 7]. Отчётливо отношение языка и культуры сформулировано в определении В. М. Шаклеина, по которому язык является «системообразующей ее [культуры] частью, то есть, эволюционируя под воздействием определенных требований эпохи и в чем-то отставая, язык сам формирует определенное культурологическое поле, заставляющее определенным образом разворачиваться и другие элементы культуры, как то: искусство, науку, религию и т. д.» [Шаклеин, 2012]. Культура «включена» в язык, поскольку он вбирает в значения «всё, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [Красных, 2002: 12]. В этой связи стоит принимать во внимание замечание В. Н. Топорова о том, что недопустимо рассматривать язык «только как план выражения культуры, мыслимой как содержание, реализующееся в языке», то есть отношение к языку исключительно как к средству трансляции неких культурных смыслов [Топоров, 1985: 6]. Согласно концепциям, основанным на лингвосемиотическом подходе, сегодня принято считать, что культурный компонент входит в состав семантической структуры языкового знака. Однако следует

согласиться с Н. Ф. Алефиренко, что «пока в науке нет единого мнения о том, как в знаковых единицах языка проявляется культура» [Алефиренко, 2005: 43-46].

В современных работах западноевропейских лингвистов, в том числе германистов, вопросы о роли языка в культуре также активно дискутируются. Согласно концепции Ф. Энгера, язык как центральный феномен культуры рассматривается в двух измерениях: (а) как средство образования человека, формирования риторических навыков, как язык культуры и конструкт родного языка и (b) язык как уникальное врожденное человеческое свойство, средство коммуникации и культурного обобществления, а также как средство хранения и передачи культурного знания [Engerer, 2007: 37].

Рассмотрение языка как конститутивного фактора культуры включает и вопрос культурной идентичности и самоидентификации личности. Как известно, языковые традиции и нормы (фонотактические, структурно-системные, функционально-стилистические, этикетные и др.) опираются на культурные традиции народа, которые складываются на протяжении веков, вместе с формированием национального характера и менталитета. Это находит отражение в особенностях национально-этнического языкового сознания. На личностном уровне культурная самоидентификация происходит прежде всего через родной язык. Отсюда вполне логично следует, что в отношении индивидуума идентичность как познание самого себя связана не столько с отношениями с другими, сколько с владением определённым языком, с определёнными традициями, своеобразием материальной культуры, с нормами и ценностями [Bausinger, 1986: 84-85].

2.2. Проблема дефиниции. Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит британскому этнологу Э. Тайлору, который понимал культуру как комплекс, включающий знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества¹, то есть по сути всю совокупность достижений человеческой цивилизации. С тех пор научное определение культуры постоянно дискутируется, создано множество интерпретаций. Однако на сегодняшний день не существует единой, общей для всех научных сфер дефиниции этого понятия, как нет и единого межнационального и международного понимания сущности культуры. В лингвистике большинство мнений следует за Тайлором и сходится в определении культуры как сложного, неоднозначного понятия [Красных, 2002; Лотман, 2000; Bausinger, 1986; Engerer, 2007; Földes, 2007, 2003; Gardt, 2003; Hermanns, 1999; Kalverkämper, 2008]. Единственного общелингвистического

¹ Culture is that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom, and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society [Tylor, 1871: 2].

определения, однако, также не выработано. Культура понимается как совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности человека, противопоставляемая природе [Комарова, 2016: 23]; как достояние общественное, создаваемое, сохраняемое и «трансформируемое» обществом; но «вместе с тем явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества, транслируемое от поколения к поколению» [Красных, 2002: 18]; как «совокупный социально-духовный опыт человечества» [Стернин, 2011: 8]; как социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни [Шаклеин, 2012]. В этом смысле показательно утверждение Ю. М. Лотмана, несмотря на кажущуюся его парадоксальность: «с момента возникновения культуры система совмещения в ней противоположно организованных структур (многоканальности общественных коммуникаций), видимо, является непреложным законом» [Лотман, 2000: 542-543].

Проблема дефиниции существует и в зарубежной науке. Это связано, по мнению германиста Ч. Фёлдеша, с трудностями разграничения понятий 'культура' и 'цивилизация' даже в понимании европейцев. Немецкое слово *Kultur*, английское *culture* и французское *culture* и соответственно *Zivilisation*, *civilization* и *civilisation* означают вовсе не одно и то же, а в немецком языке значения этих двух слов скорее противопоставляются [Földes, 2003: 11; 2007: 47]. Само содержание понятия 'культура' интерпретируется по-разному в разных культурах. Семиотик и лингвист У. Эко определял его, опираясь на смысл, вкладываемый в это слово антропологией: «культура – это любое природное явление, преображённое человеческим вмешательством и в силу этого могущее быть включенным в социальный контекст» [Эко, 2006: 45]. По свидетельству европейских учёных, в Европе и Северной Америке в последнее время все больше утверждается конструктивистское восприятие культуры, состоящее в том, что она воплощает многослойные, динамические процессы пересечения, наслаивания, передачи, обсуждения, в то время как в Китае, например, более общей является скорее идея гомогенной (китайской) национальной культуры [Földes, 2007: 47]. Как известно, славянской ментальности и ментальности 'русского мира' свойственно понимание культуры в более возвышенном, духовном (и в то же время в более узком) смысле, тогда как в западном мире привычнее трактование этого термина в значении более материальном и социальном, как совокупность продуктов или результатов материальной и духовной деятельности людей, привычек, стереотипов поведения и т. п. Отсюда включение культуры в объект социологии и новой научной дисциплины – культурсоциологии.

Приверженцы теории 'культурного поворота' ('cultural turn') основываются на постулате относительности научного познания и видят свою задачу в реконструкции

значений действий, выполняемых людьми как существами, оперирующими смыслами. Исходя из этого, социокультурный научный анализ состоит в понимании субъективного смысла определенного действия в контексте его смысловых взаимосвязей. Критикуя это «новое» направление за «микросоциологические» подходы, немецкий ученый Ю. Герхардс противопоставляет им социокультурное направление с «макросоциологическим исследовательским интересом», с которым связывает перспективы [Gerhards, 2010: 16-17]. Оригинальность предложенного им подхода состоит в том, что для социокультурного исследования привлекался языковой материал, которым послужили личные антропонимы Германии в разные исторические периоды. Результаты исследования убеждают в том, что онимикон (как важнейшая часть языкового состава) определенным образом (качественными и количественными изменениями) реагирует на различные значительные явления и события в жизни социума [Gerhards, 2010]. В современных трудах немецких германистов понятие 'культура' фигурирует также в связи с обсуждением 'взаимодействия культур' или 'интеркультурной коммуникации'. Применительно к коммуникативной теории языкознания ключевым является высказывание «культура определяет коммуникацию» [Hansen, 2005: 42]. В системно-научном изложении проблемы взаимоотношений языка и культуры показателен тезис: «Культура влияет на язык как систему» [Földes, 2007: 46].

2.3. 'Культуронаправленные' исследования в лингвистике. Под культурологическим изучением языка в последние десятилетия стали понимать «анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной (этно- и социокультурной) специфики» [Карасик, 2002: 73]. Толкование этого понятия с точки зрения лингвокультурологии включает также компонент общественно значимой деятельности.

Лингвокультурология как аспект языкознания присуща только русскоязычному лингвистическому сообществу, пространству 'русского мира'. Тем не менее, 'культуронаправленные' исследования находят все больше сторонников среди языковедов Германии. К примеру, А. Гардт в работе, смело озаглавленной «Языкознание как наука о культуре» («Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft»), утверждает, что расширение предметной области языкознания предполагает серьезное отношение к понятию *культура*, которое видит «человека и продукты его духовной деятельности (в том числе тексты) находящимися в сложном переплетении различных воздействий и отношений» [Gardt, 2003: 288]. Выступая в защиту научно-культурологического подхода в языкознании (нем. *kulturwissenschaftlich orientierte Sprachwissenschaft*), Гардт

подчеркивает принципиальное² отличие вкладываемого им в это понятие смысла от принятого сегодня, прежде всего в «англосаксонском пространстве», термина 'cultural studies', основанного на термине 'cultural turn' [Hall, 1984; Williams, 1960]. Это отличие состоит в настойчивом и последовательном обращении к идеям учёных прошлого. Внимание фокусируется на существовании давней традиции 'культуронаправленных' исследований в языкознании, в рамках которых, начиная со времен античности, культура входила в сферу интересов тех ученых, которые занимались культурным феноменом *язык* [Földes, 2003:12; Gardt, 2003: 271].

Действительно, давно известные теории универсализма (В. Гумбольдт), релятивизма (Э. Сепир, Б. Уорф), философии культуры (Э. Кассирер) сегодня оказываются вновь актуальными в рамках подходов, базирующихся на принципах восприятия языка и культуры в единстве. Теоретические взгляды Э. Кассирера, относящиеся к 1944 году, эксплицируют идеи, согласно которым человек живет не только в физическом, материальном мире, но в мире символическом, и он уже не может противопоставлять себя действительности, ибо неотъемлемой частью его жизни, его «универсума» являются язык, мифы, искусство, религия, – эти нити, которые все прочнее сплетаются в единую сеть [Cassirer, 1996: 50]. Проецируя эти положения на современную действительность, находим множество подтверждений им в непосредственном наблюдении. Мы являемся свидетелями тому, на что пророчески указывал в своё время этот ученый: как деятельность самого человека всё больше символизируется, оказывается всё более связанной не с предметами реальности, а с человеком как таковым и с виртуальной областью его деятельности.

В соответствии с изменениями реальности изменяется и содержательное наполнение термина 'культура'. В части определения (вслед за Тайлором) это понятие распространяется не только на такие духовные ценности как музыка, литература, живопись, но и на все пространство человеческой деятельности. А. Гардт, к примеру, придерживаясь мнения большинства своих коллег и предшественников, причисляет к культуре общественные институты или правовые формы, но, более того, ещё и планы / проекты, которые лежат в основе этих феноменов (т. е. их идейно-ментальную составляющую) [Gardt, 2003: 271]. Словом, термин 'культура' подразумевает сегодня «обширное комплексное понятие» (Э. Тайлор), нем. «Totalitätsbegriff» [Hermanns, 1999].

В современном мире возрастает научное и общественно-политическое значение и 'культуры', и 'интеркультурности', эти понятия «воплощают кодовые слова духа времени» [Földes, 2003: 7]. Фёлдеш формулирует пять направлений научных

² Выделено подчёркиванием в исходном авторском тексте оригинала.

исследований, в которых эти понятия приобрели первостепенное значение: 1) «культурологический поворот» в исторической науке и в других общественных науках; 2) обращение германистики к постановке вопросов, связанных с культурой (напр., при включении проблемы идентификации); 3) идентификация различий межкультурных сложностей (переплетений); 4) исследовательские тенденции в области взаимодействия языка и культуры; 5) в аспекте языка и коммуникации [Földes, 2003: 7]. Как видим, минимум три направления из пяти названных (2); 4); 5)) входят в предметное поле лингвистики. Исследователь определяет культуру с точки зрения современной лингвистической науки, опираясь на антропологические и отчасти культурно-семиотические подходы, «как взаимодействие сообщества с окружающей средой и приспособление к ней, и тем самым как систему когнитивных и социальных ориентиров, одновременно как вид семиотической и ритуальной моделированной сети». При этом язык фигурирует «в качестве посредника этой сети, т. е. как конститутивный элемент культуры» [Földes, 2007: 46]. Несмотря на некоторые противоречия, позиция, согласно которой культура видится как нечто «исторически ‘выросшее’, сформированное разнообразными влияниями», но вместе с тем и то, что «постоянно находится в состоянии изменения» [Földes, 2007: 46], представляется убедительной.

Помимо обозначенных выше аспектов, вопросы взаимодействия языка и культуры рассматриваются немецкими лингвистами в связи с проблемой идентичности [Bausinger, 1986; Földes, 2007; Kalverkämper, 2008]. Здесь, при всём разбросе мнений, учёные единодушны в том, что язык является важнейшей составляющей культурной идентичности и (само)идентификации.

3. Выводы

Сложившаяся практика употребления термина ‘культура’ подразумевает, помимо лингвокультуры, и другие формы её существования. Обращение к разнообразным фактам и категориям культуры неизбежно в силу объективной необходимости, возникающей в ходе комплексного изучения категорий и явлений языка.

Лингвистические науки, оперируя понятием ‘культура’, оказываются в сложной ситуации, с одной стороны, в силу размытости базовых понятий, а с другой, из-за невозможности игнорировать культурные феномены, абстрагироваться от них по причине их ‘спаянности’ с феноменами языковыми.

Изучение культуры путем анализа языковых фактов, несомненно, даёт ценный практический и теоретический материал, расширяющий наши знания об окружающей действительности.

Принимая во внимание множество имеющихся сегодня интерпретаций термина 'культура', можно заключить, что целесообразно употребление его в лингвистическом дискурсе в широком смысле. Культура мыслится при этом как мегадискурс, которому априори принадлежит язык со всеми входящими в него единицами, формами и способами их взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Москва: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. Москва: Русский язык, 1980. 320 с.
3. Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей. 2012. Доступ: http://journals.uspu.ru/attachments/article/105/PL_2012_1_5.pdf. (дата обращения: 15.05.2019).
4. Комарова З. И. Термины-эпонимы в лингвокультурологическом освещении // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 200-204.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
6. Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. Москва: Наука, 1963. 140 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
8. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993. С. 259-265.
9. Стернин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 6-19.
10. Топоров В. Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. Москва: Наука, 1985. С. 5-29.
11. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации. Москва: Флинта, 2012. 301 с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 544 с.
13. Bausinger H. Kulturelle Identität – Schlagwort und Wirklichkeit // Ausländer – Inländer. Arbeitsmigration und kulturelle Identität. Tübingen, 1986. S. 83-99. (Untersuchungen des Ludwig-Uhland-Instituts der Universität Tübingen im Auftr. der Tübinger Vereinigung für Volkskunde; Bd. 67).
14. Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur. Hamburg, 1996. 382 S.
15. Engerer V. Konzept ‚Kultur‘ – Kulturkonzepte. Zum Interkulturellen in der Sprachwissenschaft // Interkulturalität: Methodenprobleme der Forschung; Földes Csaba & Gerd Antos (Hg.). München: Iudicium-Verlag, 2007. S. 33-43.
16. Földes Cs. Interkulturalität als Forschungsgegenstand der Linguistik // Wechselbeziehungen in der Germanistik: kontrastiv und interkulturell; József Tóth (Hg.). Veszprém: Universitätsverlag, Wien: Praesens Verlag, 2007. S. 43-67. (Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis. Supplement; 9).
17. Földes Cs. Interkulturelle Linguistik. Vorüberlegungen zu Konzepten, Problemen und Desiderata. Veszprém: Universitätsverlag, Wien: Edition Praesens, 2003 (1). 78 S. (Supplement-Reihe der Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis).
18. Gardt A. Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft // Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute; Hg. U. Haß-Zumkehr, C. König. Göttingen, 2003. S. 271-288. (Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 4).

19. Gerhards J. Die Moderne und ihre Vornamen. Eine Einladung in die Kultursoziologie. 2. Aufl. Wiesbaden: VS Verlag, 2010. 206 S.
20. Hall S. Cultural Studies and the Centre: Some Problematics // Culture, Media, and Language. S. Hall et al. (eds.). London: Hutchinson, 1984. S. 117-121.
21. Hansen K. P. Kritische Überlegungen zum interkulturellen Paradigma // Interdisziplinarität und Interkulturalität. Beiträge zum zweiten Internationalen Tag; Hg. B. Zimmermann. München: Mering, 2005. S. 33-66. (Texte des Fachbereichs Allgemeinwissenschaften; 2).
22. Hermanns F. Sprache, Kultur und Identität. Reflexionen über drei Totalitätsbegriffe // Sprachgeschichte als Kulturgeschichte; Hg. A. Gardt, U. Haß-Zumkehr u. T. Roelcke. Berlin / New York: de Gruyter, 1999. S. 351-391. (Studia Linguistica Germanica; 54).
23. Kalverkämper H. «Kampf der Kulturen» als Konkurrenz der Sprachkulturen. Anglophonie im globalen Spannungsfeld von Protest, Prestige und Gleichgültigkeit // Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation. Bd. 1[2]. Hg. L. van Vaerenbergh u. K. Schubert: trans-kom. Berlin: Frank & Timme, 2008. S. 123-163.
24. Tylor E. B. Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom. London: John Murray, 1871. 453 p.
25. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition // Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Univer. Press, 1992. 487 p.
26. Williams R. Culture and Society. New York: Anchor Books. Doubleday & Company, Inc. Garden City, 1960. 412 p.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2005). *Spornye problemy semantiki* [The disputable problems of semantics]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
2. Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and cultural theory of a word]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
3. Karasik, V. I. (2012). *Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennostey* [Semiotic linguistic modeling of values]. Available at: http://journals.uspu.ru/attachments/article/105/PL_2012_1_5.pdf. (accessed: 15.05.2019). (In Russ.).
4. Komarova, Z. I. (2016). Terminy-eponimy v lingvokulturologicheskom osveshchenii [Eponym terms in linguistic and cultural coverage]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (55). Pp. 200-204. (In Russ.).
5. Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
6. Leontev, A. A. (1963). *Vozniknovenie i pervonachalnoe razvitie yazyka* [The origin and initial development of the language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
7. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.).
8. Sepir, E. (1993). Status lingvistiki kak nauki [The Status of Linguistics as a Science]. In *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii*. Moskva: Progress. Pp. 259-265. (In Russ.).
9. Sternin, I. A. (2011). O ponyatii lingvokulturnoy spetsifiki yazykovykh yavleniy [On the concept of linguocultural specificity of linguistic phenomena]. In *Yazyk. Slovesnost. Kultura*. No. 1. Pp. 6-19. (In Russ.).
10. Toporov, V. N. (1985). Sanskrit i ego uroki [Sanskrit and its lessons]. In *Drevnyaya Indiya. Yazyk. Kultura. Tekst*. Moskva: Nauka. Pp. 5-29. (In Russ.).
11. Shaklein, V. M. (2012). *Lingvokulturologiya: traditsii i innovatsii* [Cultural linguistics: traditions and innovations]. Moskva: Flinta. (In Russ.).
12. Eko, U. (2006). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Lost structure. Introduction to semiology]. Sankt-Peterburg: Simpozium. (In Russ.).

13. Bausinger, H. (1986). Kulturelle Identität – Schlagwort und Wirklichkeit. In *Ausländer – Inländer. Arbeitsmigration und kulturelle Identität*. Tübingen. S. 83-99. (Untersuchungen des Ludwig-Uhland-Instituts der Universität Tübingen im Auftr. der Tübinger Vereinigung für Volkskunde; Bd. 67).
14. Cassirer, E. (1996). *Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur*. Hamburg.
15. Engerer, V. (2007). Konzept ‚Kultur‘ – Kulturkonzepte. Zum Interkulturellen in der Sprachwissenschaft. In Földes Csaba & Gerd Antos (Hg.) *Interkulturalität: Methodenprobleme der Forschung*. München: Iudicium-Verlag. S. 33-43.
16. Földes, Cs. (2007). Interkulturalität als Forschungsgegenstand der Linguistik. In József Tóth (Hg.) *Wechselbeziehungen in der Germanistik: kontrastiv und interkulturell*. Veszprém: Universitätsverlag, Wien: Praesens Verlag. S. 43-67. (Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis. Supplement; 9).
17. Földes, Cs. (2003). *Interkulturelle Linguistik. Vorüberlegungen zu Konzepten, Problemen und Desiderata*. Veszprém: Universitätsverlag, Wien: Edition Praesens. (Supplement-Reihe der Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis).
18. Gardt, A. (2003). Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft. In *Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute* Haß-Zumkehr, C. König (Hg. U). Göttingen. S. 271-288. (Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 4).
19. Gerhards, J. (2010). *Die Moderne und ihre Vornamen. Eine Einladung in die Kultursoziologie*. 2. Aufl. Wiesbaden: VS Verlag.
20. Hall S. (1984). Cultural Studies and the Centre: Some Problematics. In S. Hall et al. (eds.) *Culture, Media, and Language*. London: Hutchinson. Pp. 117-121.
21. Hansen, K. P. (2005). Kritische Überlegungen zum interkulturellen Paradigma. In B. Zimmermann (Hg.) *Interdisziplinarität und Interkulturalität*. Beiträge zum zweiten Internationalen Tag. München: Mering. S. 33-66. (Texte des Fachbereichs Allgemeinwissenschaften; 2).
22. Hermanns, F. (1999). Sprache, Kultur und Identität. Reflexionen über drei Totalitätsbegriffe. In A. Gardt, U. Haß-Zumkehr u. T. Roelcke (Hg.) *Sprachgeschichte als Kulturgeschichte*. Berlin / New York: de Gruyter. S. 351-391. (Studia Linguistica Germanica; 54).
23. Kalverkämper, H. (2008). «Kampf der Kulturen» als Konkurrenz der Sprachkulturen. Anglophonie im globalen Spannungsfeld von Protest, Prestige und Gleichgültigkeit. In L. van Vaerenbergh u. K. Schubert (Hg) (trans-kom): *Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation*. Bd. 1 [2]. Berlin: Frank & Timme, S. 123-163.
24. Tylor, E. B. (1871). *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom*. London: John Murray.
25. Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture and Cognition*. Oxford: Univer. Press. (Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations).
26. Williams, R. (1960). *Culture and Society*. New York: Anchor Books. Doubleday & Company, Inc. Garden City.

Усова Нина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: n.usova@donpu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Usova Nina V. – Doctor of Philology, Associate Professor of Germanic Philology Department (e-mail: n_v_usova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 августа 2021 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373/81'374

© 2021 Ш. Р. Басыров, Е. П. Алексеева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПОНИМАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье исследуются структура и семантика глаголов и фразеологизмов понимания английского, немецкого и русского языков. В работе выделяются структурные типы глаголов и фразеологизмов понимания, а также строятся обобщенные формулы толкования для описания семантики анализируемых лексических единиц. В статье устанавливаются метафорические типы данных языковых единиц в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: глагол понимания, фразеологизм понимания, семантика, формула толкования, структура, способ образования, метафорический перенос.

© 2021 Sh. R. Basyrov, E. P. Alekseeva

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF VERBS AND PHRASEOLOGICAL UNITS OF UNDERSTANDING IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN

The article deals with the structure and semantics of verbs and phraseological units of understanding in the English, German and Russian languages. The structural types of verbs and phraseological units of understanding have been distinguished in the article. The generalized interpretation formulae for describing semantics of the lexical units under analysis have been built. The metaphorical types of the lexical units in the languages compared have been specified.

Key words: verb of understanding, phraseological unit of understanding, semantics, interpretation formula, structure, manner of production, metaphorical transfer.

1. Вступление

Настоящая работа посвящена исследованию структуры и семантики глаголов понимания (ГП) и фразеологизмов понимания (ФП) в разноструктурных языках. Проблемы понимания всегда привлекали ученых различных школ, в том числе и лингвистов. В современной лингвистике проблемы *понимания* изучались как на материале одного языка, в частности английского [Голубцов, 2008; Зайцева, 2020; Каныгина, 2012], русского [Васильева, 2017; Иомдин, 1999; Падучева, 2011], так и на материале двух языков – английского и русского [Дебердеева, 2014; Каныгина, 2012]. Однако, системное сопоставительное исследование структуры и семантики глаголов и фразеологизмов понимания в лингвистике не проводилось.

Актуальность настоящего исследования обусловлена общей направленностью современных лингвистических работ на описание и систематизацию ГП и ФП в современном английском, немецком и русском языках, т.к. данные языковые единицы являются важной частью языковой картины мира каждого народа. Обращение к данным языковым единицам продиктовано также необходимостью изучения формального и семантического аспектов структуры ГП и ФП в разноструктурных языках, что позволит выявить особенности их организации в сопоставляемых языках.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать и систематизировать ГП и ФП в названных языках, полученные из одноязычных [Фразеологический словарь русского языка, 1968; Толковый словарь русских глаголов, 1999; Collins COBUILD Idioms Dictionary, 2002; Dictionary of Contemporary English, 2021] и двуязычных словарей [Бинович, 1995], а также из национальных корпусов сопоставляемых языков [Британский национальный корпус; Мангеймский корпус немецкого языка; Национальный корпус русского языка]. Общий объем словарной выборки составил 491 ед. (англ. – 93 ГП и 65 ФП, нем. – 99 ГП и 60 ФП, рус. – 99 ГП и 75 ФП).

2. Структура глаголов и фразеологизмов понимания

В структурном плане ГП и ФП английского, немецкого и русского языков обнаруживают сходные и отличительные черты. Что касается ГП сопоставляемых языков, то они, в целом, образуются 11 способами (не считая непроизводных глаголов).

2.1. Во всех исследуемых языках отмечены ГП, образованные путем заимствования, хотя активность их проникновения в каждый из трех языков заметно отличается. Наибольшее количество заимствований зафиксировано в английском языке (13 ед.), главным образом из романских языков – французского (см. (1)), латинского (см. (2)), итальянского (см. (3)) – что обусловлено историческими, культурными и другими связями этих языков, ср.:

(1) англ. *decipher* ‘расшифровывать’, ‘понимать значение чего-л. написанного’ (произошел от среднефранцузского глагола *déchiffrer*);

(2) англ. *absorb* ‘полностью понимать что-л.’ (букв. ‘вбирать в себя’ (← лат. *absorbēre*); англ. *deduce* ‘понимать и принимать решение’ (← лат. *dēdūcere* ‘извлекать’);

(3) англ. *capesh* (разг.) ‘смеяться’ (← итал. *capisce* – III лицо ед. ч. настоящего времени от глагола *capire* ‘понимать’).

Кроме того, для английского языка характерно образование фразовых ГП, что обусловлено аналитическим строем данного языка. Различаются три типа фразовых ГП:

1) непосредственные фразовые глаголы, образованные путем добавления наречия (см. (4)); 2) предложные фразовые глаголы, которые образуются путем присоединения к глаголу предлога (см. (5)); 3) фразово-предложные ГП, которые содержат в своей структуре одновременно предлог и наречие (см. (6)), например:

(4) англ. *clear up* ‘прояснять что-л.’ (← англ. *clear* ‘ясный’ + *up* ‘вверх’); англ. *find out* ‘понимать найденную информацию’ (← англ. *find* ‘находить’ + *out* ‘снаружи’);

(5) англ. *catch on* (разг.) ‘уловить’ (← англ. *catch* ‘ловить’ + *on* ‘на’); англ. *come to* (перен.) ‘доходить до кого-л.’ (← англ. *come* ‘приходить’ + *to* ‘к’);

(6) англ. *wake up to sth* ‘начинать понимать что-л.’ (← англ. *wake* ‘просыпаться’ + *up* ‘вверх’ + *to* ‘к’).

Сравнительно высокая степень флективности и синтетичности, в большей мере русского языка, в меньшей степени – немецкого, обусловили продуктивность в данных языках морфологического способа образования, а именно: суффиксальных (см. (8)) и префиксальных ГП (см. (7)), ср.:

(7) нем. *ergrübeln* ‘додумываться’ (← *grübeln* ‘раздумывать’); *auffassen* (разг.) ‘уловить’ (← *fassen* ‘схватить’); *durchblicken* ‘понимать’ (← *blicken* ‘смотреть’);

(8) рус. *осознавать* (← осознать), *улавливать* (← уловить), *обнаруживать* (← обнаружить).

Кроме того, для немецкого языка характерно образование ГП путем одновременного присоединения к мотивирующей основе рефлексивного элемента *sich* и префикса, а для русского – добавление постфикса *-ся* к мотивирующей основе, ср.:

(9) нем. *sich bereitfinden* ‘постигать’ (← *finden* ‘находить’); нем. *sich einfühlen* ‘вникать’ (← *fühlen* ‘чувствовать’);

(10) рус. *додумываться* (← додумывать); *умещаться* (← умещать); *разбираться* (← разбирать).

2.2. Фразеологизмы понимания в сопоставляемых языках образуются также несколькими способами. Так, среди фразеологизмов понимания во всех сопоставляемых языках выявлены устойчивые выражения со структурой предложения и словосочетания. При этом среди ФП со структурой предложения количественно преобладают во всех языках простые предложения (см. (11)) над сложными (см. (12)), ср.:

(11) англ. *the penny drops* ‘неожиданно понять’; нем. *Da hakt es bei mir aus!* ‘ничего не понимать’; рус. *пелена с глаз спала*;

(12) нем. *Wer den Feind will verstehen, muss in Feindes Land gehen* (букв.) ‘Кто хочет понять врага, должен поехать в страну врага’; рус. *Дело ясное, что дело тёмное*.

Большим структурным разнообразием в сопоставляемых языках характеризуются ФП, возникшие на базе словосочетания. Общими для немецких, английских и русских ФП являются 4 структурных типа: 1) V + Prep + N (см. (13)); 2) V + N (см. 14)); 3) V + [Part / Conj] + Adj + N (см. (15)); 4) V + Prep + Adj / Pron+ N (см. (16)), ср:

(13) англ. *come to the point* ‘понять суть’; нем. *an den Tag / ans Licht bringen* ‘пролить свет на что-л.’; рус. *читать между строк*.

(14) англ. *get the picture* ‘понимать’; нем. (разг.) *einen Quark verstehen* ‘совсем ничего не понимать’; рус. *навести тень*;

(15) англ. *find common ground* ‘найти общий язык’; нем. *eine gleiche / dieselbe Sprache sprechen* ‘найти общий язык’; рус. *найти общий язык*;

(16) англ. *be on the same page* ‘быть на одной волне’; нем. *auf der gleichen Wellenlänge sein* ‘быть на одной волне’; рус. *быть на одной волне*.

Характерными только для английского и русского языков являются адъективно-субстантивные конструкции «Adj + N» (см. (17)), а для немецкого и русского – глагольно-наречные модели «V + Adv» (см. (18)), ср.:

(17) англ. *mental block* ‘ступор’; рус. *высшая математика*;

(18) нем. *sich blind verstehen* ‘понимать друг друга без слов’; рус. *видеть насквозь*.

3. Семантика глаголов и фразеологизмов понимания в английском, немецком и русском языках

Для описания семантики ГП и ФП в сопоставляемых языках строятся обобщенные формулы толкования (ФТ), которые представляют собой перевод лексемы на особый семантический язык. ФТ опираются на словарные дефиниции ГП и ФП, но не тождественны им, а отражают характер действия в обобщенном виде, отвлекаясь от индивидуальных особенностей данных языковых единиц.

В сопоставляемых языках выявлено в целом 4 семантические группы и 15 семантических подгрупп ГП и ФП, обладающих разной продуктивностью.

3.1. Наиболее продуктивными во всех исследуемых языках являются ГП и ФП с семантикой «X понимает Y», которая в общем виде описывает процесс понимания субъектом объекта, например:

(19) англ. *dig* <understand something> ‘понимать что-л.’: *You dig my meaning?* ‘Ты понял, что я имею в виду?’;

(20) нем. *blicken* (salopp) <begreifen, verstehen> (фам.) ‘понимать’: *ich blick das nicht* (разг.) ‘Я этого не понимаю’;

(21) рус. *входить в суть дела* <понимать, получать представление о чем-л.>: *У вас есть две недели, чтобы войти в суть дела.*

Данная ФТ может модифицироваться и приобретать вид «X понимает Y определенным образом», обозначая способ протекания процесса понимания (быстро / медленно / с определенными трудностями и т. п.), ср.:

(22) англ. *catch on* (informal) <to understand, especially after a long time> ‘понимать что-л., особенно спустя долгое время’: *He doesn't take hints very easily, but he'll catch on (to what you're saying) eventually* ‘Он не понимает намеки легко, но до него дойдет (о чем ты говоришь) в конце концов’;

(23) нем. *eine lange Leitung haben* <viel Zeit brauchen, um etwas zu verstehen> ‘нужно много времени, чтобы что-то понять’: *Tom hat eine lange Leitung* ‘Том медленно всё схватывает’;

(24) рус. *схватывать налету* <понимать, усваивать очень быстро>: *Опалин все схватывал на лету, с губ учителя, и дома никогда не сидел за уроками.*

3.2. Высокую продуктивность в сопоставляемых языках, в особенности в немецком и русском, обнаруживают ГП и ФП с ФТ «X совсем (абсолютно) не понимает / не может понять Y». ГП и ФП с данной семантикой являются антонимичными к семантической группе «X понимает Y», так как они описывают семантику отсутствия понимания или неспособности субъекта понять объект, ср.:

(25) англ. *concept* <to not understand about something> ‘не понимать чего-л.’ *I don't think you concept of the pain you have caused her* ‘Не думаю, что ты понял боль, которую ей причинил’;

(26) нем. *(wie) Chinesisch für jemanden sein* (gespr.) <etwas nicht verstehen> (разг.) ‘не понимать чего-л.’: *Da ich kein Fachmann bin, ist das wie Chinesisch für mich* ‘Так как я не специалист, для меня это как китайский’;

(27) рус. *быть чайником* <ничего не смыслить в компьютере>: *Я в этом смысле чайник.*

3.3. Некоторые ГП и ФП развивают в сопоставляемых языках метафорические значения [Lakoff, Johnson, 1980]. Так, в сфере интеллектуальной деятельности отмечены концептуальные метафоры, обнаруживающие определенные сходства во многих языках мира, которые обусловлены, прежде всего, культурно-историческим опытом того или иного народа. Примером таких универсальных метафор служат ГП и ФП типа «Понимание – это ощущение», поскольку во всех сопоставляемых языках понимание, в первую очередь, ассоциируется с неосознанным ощущением чего-либо, ср.:

(28) англ. *He sensed something was about to happen* ‘Он чувствовал что-то должно произойти’;

(29) нем. *Ich föhle, dass du lügst* ‘Я чувствую, что ты лжешь’;

(30) рус. *Я чую, что ему нужна помощь, что он в беде.*

Среди метафор интеллектуальной деятельности обнаружены также «стертые» метафоры, образность которых уже не ощущается, так как они являются узуальными, а их переносное значение воспринимается как основное, ср.:

(31) англ. *He came to the knowledge of the sense of her offer* ‘Он пришел к пониманию смысла ее предложения’;

(32) нем. *Er kam zur Einsicht von der Situation* ‘Он пришел к пониманию ситуации’;

(33) рус. *До него дошла суть сказанного.*

Стертые метафоры являются внеконтекстуальными, для их понимания не нужна дополнительная информация. Вместе с тем, в сопоставляемых языках зафиксированы метафоры, которые невозможно понять без контекста (т. н. контекстуальные метафоры понимания). Так, согласно словарному толкованию, у английского глагола *settle* отсутствует значение понимания:

(34) англ. *settle* <to reach a decision or an agreement about something, or to end a disagreement> ‘принимать решение или приходить к соглашению в отношении чего-л., или прекратить спор’.

Однако, в определенном контексте данный глагол функционирует как ГП, например:

(35) англ. *The matter is settled and the decision is accepted* ‘Понимание достигнуто и решение принято’ (досл. ‘Дело улажено’).

Среди метафор понимания в сопоставляемых языках наиболее продуктивной является метафора движения, так как понимание обычно связано с движением мысли человека от незнания к знанию, а процесс осознания представляет собой путь, по которому движется субъект, преодолевая определенные препятствия. При этом субъект либо достигает понимания, либо заблуждается на пути к нему. Ср.:

(36) англ. *He came to the conclusion suddenly that she must have told him the truth* ‘Он неожиданно пришел к выводу, что она, должно быть, сказала ему правду’;

(37) нем. *Endlich kam sie dahinter, was er vorhatte* ‘Наконец она догадалась, что он хотел’;

(38) рус. *На него снизошла идея, что они могут организовать вечеринку на неделю позже, когда родители уже уедут.*

Продуктивным типом метафоры, отмеченным только в английском языке, является метафора обучения, которая понимание представляет как процесс обучения, в ходе которого человек получает новые знания и осознает их, например:

(39) англ. *She'll have to learn that she can't have everything she wants* 'Она должна будет понять (досл. выучить), что у нее не может быть всего, что она пожелает'.

Лишь в немецком и русском языках обнаружена метафора управления, в которой понимание сравнивается с управлением человека каким-либо прибором и/или с его функционированием, ср.:

(40) нем. *Bis er geschaltet hatte, war es zu spät* 'Когда он врубился, было уже слишком поздно';

(41) рус. (разг.) *Ты врубился, наконец?*

4. Выводы

4.1. Проблемы понимания привлекают внимание исследователей различных отраслей знания и получают разнообразную трактовку.

4.2. В структурном плане глаголы и фразеологизмы понимания английского, немецкого и русского языков обнаруживают сходные и отличительные черты.

4.2.1. Во всех исследуемых языках отмечены ГП, образованные путем заимствования, хотя активность их проникновения в каждый из трех языков заметно отличается. Наиболее продуктивны заимствования в английском языке, т.к. Англия в разное время имела тесные контакты с другими государствами.

4.2.2. В немецком и русском языках, где развиты флективные черты, ГП наиболее продуктивно образуются префиксальным и суффиксальным способами.

4.2.3. Среди фразеологизмов понимания во всех сопоставляемых языках выявлены устойчивые выражения со структурой предложения и словосочетания. При этом среди ФП со структурой предложения количественно преобладают во всех языках простые предложения над сложными.

4.3. В сопоставляемых языках выявлены 4 семантические группы и 15 семантических подгрупп ГП и ФП, обладающие разной степенью продуктивности. Наиболее продуктивными во всех исследуемых языках являются ГП и ФП с семантикой «X понимает Y».

4.4. В сопоставляемых языках у ГП и ФП выявлено 8 типов метафорических переносов, обладающих различной продуктивностью: 1) движение; 2) свет; 3) зрение; 4) слух; 5) обоняние; 6) управление инструментами; 7) пищеварение и 8) обучение.

4.4.1. Самой продуктивной во всех сопоставляемых языках является метафора движения, так как понимание обычно связано с движением мысли человека от незнания к знанию.

4.4.2. Метафора обучения является продуктивным типом только в английском языке, а метафора управления приборами выявлена лишь в немецком и русском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева М. А. Моделирование функциональной семантики глаголов иррационального понимания // Когнитивные исследования языка. Санкт-Петербург, 2017. Вып. 13. С. 174-180.
2. Ветюгова Л. А. Семантические классы объектов глаголов понимания // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Пятигорск, 2014. С. 85-87.
3. Голубцов С. А., Писаренко О. А. Семантико-синтаксические и прагматические свойства глагола see / видеть в значении понимания // Инновационные процессы в высшей школе. Краснодар, 2008. С. 123-124.
4. Дебердеева Е. Е. Концептуальная метафора как средство раскрытия механизмов мышления (на примере глаголов понимания в русском и английском языках) // Язык и речь в синхронии и диахронии. Таганрог, 2014. С. 251-256.
5. Зайцева О. Л., Правикова Л. В., Локтионова В. Г. Концептуальная основа контекстуальной синонимии глаголов понимания в английском языке // Вестник Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 2020. С. 14-18.
6. Иомдин Б. Л. Семантика глаголов иррационального понимания // Вопросы языкознания. 1999. № 9 4. С. 71-90.
7. Каныгина Н. В. Семантическая структура глаголов понимания в русском и английском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград, 2012. Вып. 2. С. 185-190.
8. Каныгина Н. В. Семантическое ядро и периферия лексико-семантической группы глаголов понимания в английском языке // Мир науки, культуры, образования. Волгоград, 2012. С. 250-253.
9. Лазарев А. В. Когнитивно-фреймовый анализ глагола «понимать» // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2007. Вып. 51. С. 195-200.
10. Падучева Е. В. Ментальные глаголы совершенного вида и их стивные корреляты // Slavic Research Center and the Commission on the grammatical structure of Slavic languages. Joint international symposium. Sapporo, 2011. С. 28-39.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press. 1980. 237 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. Москва: Аквариум, 1995. 768 с.
2. Британский национальный корпус. Доступ: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (дата обращения: 10.07.2021).
3. Мангеймский корпус немецкого языка. Доступ: <https://www1.idsmannheim.de/kl/projekte/korpora>. (дата обращения: 03.07.2021).
4. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

5. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (дата обращения: 05.07.2021).
6. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы /научн. ред. Л. Г. Бабенко и др. Москва, 1999. 693 с.
7. Collins COBUILD Idioms Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2002. 498 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. Доступ: <https://www.ldoceonline.com/>. (дата обращения: 11.06.2021).
9. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Доступ: <https://www.dwds.de/d/wb-wdg>. (дата обращения: 09.06.2021).

REFERENCES

1. Vasileva, M. A. (2017). Modelirovanie funktsionalnoy semantiki glagolov irratsionalnogo ponimaniya [Modeling of functional semantics of irrational understanding verbs]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Sankt-Peterburg. Vyp. 13. Pp. 174-180. (In Russ.).
2. Vetyugova, L. A. (2014). Semanticheskie klassy obektov glagolov ponimaniya [Semantic classes of objects of understanding verbs]. In *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. Pyatigorsk. Pp. 85-87. (In Russ.).
3. Golubtsov, S. A., Pisarenko, O. A. (2008). Semantiko-sintaksicheskie i pragmaticheskie svoystva glagola see / videt v znachenii ponimaniya [Semantico-syntax and pragmatic features of the verbs to see / videt in the meaning of understanding]. In *Innovatsionnye protsessy v vysshei shkole*. Krasnodar. Pp. 123-124. (In Russ.).
4. Deberdeeva, E. E. (2014). Kontseptualnaya metafora kak sredstvo raskrytiya mekhanizmov myshleniya (na primere glagolov ponimaniya v russkom i angliyskom yazykakh) [Conceptual metaphor as a tool of unveiling of thinking mechanisms (based on understanding verbs in Russian and English)]. In *Yazyk i rech v sinkhronii i diakhronii*. Taganrog. Pp. 251-256. (In Russ.).
5. Zaytseva, O. L., Pravikova, L. V., Loktionova, V. G. (2020). Kontseptualnaya osnova kontekstualnoy sinonimii glagolov ponimaniya v angliyskom yazyke [Conceptual base of the context synonyms of understanding verbs in English]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. Pyatigorsk. Pp. 14-18. (In Russ.).
6. Iomdin, B. L. (1999). Semantika glagolov irratsionalnogo ponimaniya [Semantics of verbs of irrational understanding]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 9 4. Pp. 71-90. (In Russ.).
7. Kanygina, N. V. (2012). Semanticheskaya struktura glagolov ponimaniya v russkom i angliyskom yazykakh [Semantic structure of understanding verbs in Russian and English]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Volgograd. Vyp. 2. Pp. 185-190. (In Russ.).
8. Kanygina, N. V. (2012). Semanticheskoe yadro i periferiya leksiko-semanticheskoy gruppy glagolov ponimaniya v angliyskom yazyke [Semantic core and semantic periphery of lexico-semantic group of understanding verbs in English]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. Volgograd. Pp. 250-253. (In Russ.).
9. Lazarev, A. V. (2007). Kognitivno-freymovyy analiz glagola «ponimat» [Cognitive and frame analysis of the verb “ponimat”]. In *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*. Stavropol. Vyp. 51. Pp. 195-200. (In Russ.).
10. Paducheva, E. V. (2011). Mentalnye glagoly sovershennogo vida i ikh stativnye korrelyaty [Mental verbs of the modern type and their stative correlates]. In *Slavic Research Center and the Commission on the grammatical structure of Slavic languages. Joint international symposium*. Sapporo. Pp. 28-39.
11. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Binovich, L. E. (1995). *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [German-Russian Phraseological Dictionary]. Moskva: Akvarium. (In Russ.).
2. *Britanskiy natsionalnyy korpus* [British National Corpus]. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (accessed: 10.07.2021).
3. *Mangeymskiy korpus nemetskogo yazyka* [German Reference Corpus]. Available at: <https://www1.idsmanheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 03.07.2021).
4. Molotkov, A. I. (1968). *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Russian Phraseological Dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
5. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Russian Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (accessed: 05.07.2021). (In Russ.).
6. *Tolkovyy slovar russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Russian Verbs Thesaurus. Ideographic description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms] / nauchn. red. L. G. Babenko i dr. Moskva, 1999. (In Russ.).
7. *Collins COBUILD Idioms Dictionary*. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2002.
8. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <https://www.ldoceonline.com/>. (accessed: 11.06.2021).
9. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Available at: <https://www.dwds.de/d/wb-wdg>. (accessed: 09.06.2021).

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schambar@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schambar@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Алексеева Екатерина Павловна – студентка второго курса магистратуры (e-mail: e.alekseeva@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Alekseeva Ekaterina P. – Master Degree Student of the Second Year (e-mail: e.alekseeva@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 июня 2021 г.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО «ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФАНФИКШН

В статье рассматривается семантическое единство «любовь – ненависть» на материале русскоязычных и англоязычных текстов фанфикшн по фэндомам «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Сумерки» как одних из наиболее популярных. Выявляются аспекты внутриязыковой оппозиции «любовь – ненависть» в русском и английском языках. Анализируются межъязыковые сходства и различия реализации семантического единства «любовь – ненависть».

***Ключевые слова:** лингвокультурный концепт, антиконцепт, семантическое единство, любовь, ненависть, фанфикшн.*

© 2021 Yu. V. Demicheva

SEMANTIC UNITY 'LOVE – HATE' IN RUSSIAN AND ENGLISH FANFICTION

The article focuses on the semantic unity 'love – hate' in the most popular Russian and English fanfiction texts: Harry Potter, The Lord of the Rings and Twilight. The aspects of the intralingual opposition 'love – hate' in the Russian and English languages have been described. The interlanguage similarities and differences of the semantic unity 'love – hate' have been analyzed.

***Key words:** linguocultural concept, anticoncept, semantic unity, love, hate, fanfiction.*

За последние десятилетия в российской лингвистике популярным стало понятие «лингвокультура», понимаемое весьма широко: в различных источниках в содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена, ценности, традиции, арсенал языковых средств и символов [Федоров, 2014: 83]. На наш взгляд, удачное осмысление данный термин получил в исследованиях В. В. Красных: лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах; это культура, явленная в языке и через язык, а ее словарь лингвокультуры составят оязыковленные культурные смыслы и образы [Красных, 2013: 10–11].

В контексте взаимосвязей языка и культуры одной из центральных единиц изучения признается лингвокультурный концепт: под этим термином понимается многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Несмотря на существенный разброс во мнениях о сущности лингвокультурного концепта, в понимании его отличительных признаков уже существует некоторый консенсус. Основными и обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются

многомерность – наличие семантически разнородных составляющих; иерархичность, системная зависимость признаков; этноспецифичность [Воркачев, 2014: 63].

Лингвоконцептология как ответвление лингвокультурологии за более чем двадцать лет своего существования прошла различные этапы своего развития. За это время были исследованы сотни лингвокультурных концептов: соответствующие им понятия как включают в себя абстракции самого высокого уровня, так и отправляют к разнообразным объектам материального мира. В последнее время закономерно происходит выделение укрупненных, гиперонимических единиц, в границах которых изучаются как сами концепты, так и их семантические противочлены – «антиконцепты». Так объектами исследования стали «концептуальная область», «концептуальное поле», «концептуальная диада», «концептуальная оппозиция», «сверхконцепт», «гиперконцепт», «макроконцепт», «градиент-концепт», «бинарные концепты», «лингвокультурная идея» [Воркачев, 2010]. Уже высказывались мнения, что все эти новообразования являются, по сути, более узкими вариациями одного и того же понятия – семантического единства, которое оказывается очередной иерархической ступенью в системе категориального аппарата лингвокультурологии и еще одной единицей лингвокультурного исследования.

В случае бинарного способа организации семантическое единство (далее СЕ) состоит из пары концепт-антиконцепт. Феномен антиконцепта является одной из реализаций универсального принципа бинарности, релевантного как для мышления, так и для языка [Хейгетян, 2014]. А. Н. Приходько рассматривает антиконцепт как образование, отражающее определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского порядка. Если антиценность противопоставлена ценности, то обе они могут быть репрезентантами некоторой вышестоящей идеи [Приходько, 2012].

В данной работе нами проанализировано СЕ «любовь – ненависть» на материале русского и английского фанфикшн. За последние несколько десятков лет появилось немало исследований этого ранее относительно неизвестного феномена. Фанфикшн – от англ. *fan fiction* – это литература, созданная фанатами по мотивам оригинального произведения, с теми же героями и, возможно, местом действия; соответственно, произведения этой литературы получили обозначение «фанфики». Фанфики приобрели особую популярность с активным распространением интернета, поскольку публикуются в среде фанатского сообщества (фэндом) в глобальной сети. Особенность сочинений, созданных фикрайтерами, состоит в том, что в них меняется баланс между развитием сюжета и описанием, акцентируется внимание на эпизодах, определяющих

взаимоотношения героев, развитие событий может стать менее живым, личности действующих лиц выходят на первый план. Герои могут оказаться в близких отношениях, либо их характеры раскрываются в ситуациях, которых не могло быть в оригинальном произведении (т. н. каноне). Помимо этого, очень распространены так называемые фанфики-сиквелы, фанфики-приквелы и то, что называют «заполнители пробелов», когда автор додумывает какие-либо подробности описанных в оригинальном произведении событий. Большое количество работ о феномене фанатской литературы написано зарубежными авторами, среди которых выделяют Генри Дженкинса [Jenkins, 2012] и Франческу Коппа [Coppa, 2017]. Исследование русскоязычного фанатского творчества только набирает обороты (ему посвящены, например, работы В. Б. Шавлюк [Шавлюк, 2017] и Л. В. Пейгиной [Пейгина, 2018], см. также обзорную работу Н. Ю. Костюриной [Костюрина, 2016]). Однако, насколько нам известно, ни в одном исследовании подобного рода не анализировались базовые концепты фанфикшн.

Для анализа нами были выбраны фанфикшн по фэндомам «Гарри Поттер» (Дж. Роулинг), «Властелин колец» (Дж. Р. Р. Толкин) и «Сумерки» (С. Майер) как принадлежащие к числу самых популярных. В качестве корпуса примеров для исследования выступила выборка из 75 произведений фанфикшн для каждого языка (по 25 из каждого фэндома), случайным образом выбранных из тысяч произведений, присутствующих на сайте «Книга фанфиков» (<https://www.fanfiction.net/>) для русскоязычного фанфикшн и сайте «FanFiction» (<https://www.fanfiction.net/>) для англоязычного фанфикшн (всего 150 произведений). Все они не являются переводами, были помечены авторами как законченные и были опубликованы за последние несколько лет.

В русском языке можно выделить множество лексем, при помощи которых выражается понятие «любовь»: это лексемы с морфемой *-люб-* и их синонимы. В выборке примеров из фанфиков нами были обнаружены 2626 лексем с морфемой *-люб-* и 272 лексем из числа их синонимов. При общем частотном анализе выборки большая часть примеров представлена тремя лексемами: это *любить*, *любовь* и *любимый*. Их суммарный процент составляет 70,1.

У лексемы *любовь* выделяются два семантических варианта и, соответственно, два варианта глагола *любить*: *любить 1* указывает на чувство, испытываемое субъектом любви по отношению к объекту; *любить 2* – на свойство субъекта, состоящее в том, что он обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации [Шмелев, 2012: 457-458].

В рамках любви первого типа можно различать «чувственную любовь», *любовь 1.1*, в которой на первом месте находится желание быть вместе с объектом любви, и «альтруистическую» любовь, в которой на первый план выходит желание делать объекту любви добро, *любовь 1.2*. Однако всегда возможны и диффузные употребления.

При этом можно выделить три дополнительных варианта: 1) *любовь 1.3* и *любить 1.3*, соответствующие семантическому переносу имени любви на физиологический процесс (ср. *заниматься любовью*); 2) *любовь 1.4*, соответствующий семантическому переносу имени любви на ее объект; 3) *любовь 1.5*, соответствующий семантическому переносу имени любви на романтические отношения.

В корпусе выборки русскоязычных текстов фанфикшн наиболее частотны варианты лексем *любовь* и *любить*, описывающие *любовь 1.1*. На втором месте находится *любовь 1.2* и *любить 1.2*, на третьем – *любовь 2* и *любить 2*. Прочие варианты достаточно редки. Что касается прилагательного *любимый*, то наиболее распространен вариант *любимый 1.1* (58%), прочие же варианты встречаются значительно реже. Наибольшая лексическая плотность тоже обнаруживается у *любви 1.1*: этот смысл выражается наибольшим количеством разнообразных лексем. Таким образом, лидером во всех отношениях является чувственная, романтическая любовь.

Переходя ко второй составляющей СЕ – ненависти, можно отметить, что у существительного *ненависть* меньше однокоренных слов по сравнению с существительным *любовь*. В русском языке можно выделить следующие лексемы, при помощи которых выражается понятие «ненависть»: существительные *ненависть*, *ненавистничество*, *ненавистность*, *ненавистник*, *ненавистница*, прилагательные *ненавистный* и *ненавистнический*, глаголы *ненавидеть* и *ненавистничать*, наречие *ненавистно* и производные от них, а также синонимы глагола *ненавидеть* – либо формы других глаголов с отрицательной частицей *не*, либо полноценные словосочетания.

В корпусе выборки было обнаружено 377 примеров употребления вышеописанных лексем и их сочетаний. Подавляющую часть примеров составляют формы двух лексем – глагола *ненавидеть* и существительного *ненависть*: в сумме 74,5%.

Можно отметить параллелизм первой по частоте тройки лексем: и для любви, и для ненависти их порядок остается одинаков – на первом месте глагол, на втором – существительное, на третьем – прилагательное.

По аналогии с семантическими вариантами любви представляется обоснованным говорить о семантических вариантах ненависти. *Ненависть 1* можно определить как

интенсивное чувство враждебности, направленное главным образом на другого человека или группу лиц. Трудно согласиться с Я. А. Волковой, полагающей, что ненависть предполагает планирование агрессивных действий против объекта ненависти [Волкова, 2011: 30]. Во-первых, далеко не всегда у субъекта ненависти имеется возможность хоть чем-то навредить ненавидимому объекту, особенно если этот объект является в той или иной мере абстракцией (например, «Америка» или «коммунизм»); во-вторых, даже при наличии таковой возможности агрессия может сдерживаться внешними факторами и планирование не имеет смысла. Даже простое стремление к каузации зла объекту ненависти нам не представляется обязательным: скорее речь идет о позиции «X не должен существовать» или «X заслужил, чтобы с ним случилось что-то плохое».

Ненависть 2 – это чувство меньшей по сравнению с *ненавистью 1* интенсивности, направленное главным образом на объекты неживой природы. В его основе лежит переживаемое субъектом неудовольствие при реализации ситуации, связанной с объектом. Как и *любовь 2*, она связана со стандартным способом действия с объектом ненависти. Это чувство основано скорее на отвращении, чем на враждебности. Как в случае с любовью, между вариантами ненависти лежит «серая зона» диффузных смыслов.

Лексема *ненависть* крайне редко используется в смысле *ненависти 2*, что, очевидно, и обусловило отсутствие этого значения в словарях. В выборке из 125 случаев употребления этой лексемы она встретилась только один раз: «*Ненависть* к будильнику отступила на второй план, освобождая место для приподнятого настроения» (crazy-mum. Сжигая мосты). Семантические варианты ненависти более очевидны при рассмотрении глагола *ненавидеть*, который используется преимущественно в значении *ненавидеть 1* (75,6% употреблений).

Таким образом, можно говорить о сходстве двух составляющих семантического единства «любовь – ненависть»: у обоих из них можно выделить по два главных семантических варианта. Первый из них указывает на чувство, испытываемое субъектом по отношению к объекту; второй – на свойство субъекта, состоящее в том, что он обычно испытывает удовольствие или неудовольствие от реализации некоторой ситуации.

Однако можно констатировать и асимметрию семантического единства «любовь – ненависть» в русском языке: 1) лексическая плотность любви по сравнению с ненавистью гораздо выше; 2) у любви значительно больше дополнительных семантических вариантов: помимо выделения двух подвидов у *любви 1*, в результате семантического переноса на свет появились еще 4 значения любви; 3) частота встречаемости в выборке совокупности

лексем, номинирующих любовь, намного выше по сравнению с частотой совокупности лексем, номинирующих ненависть (соотношение составляет примерно 9 : 1).

При рассмотрении лексической реализации СЕ «любовь – ненависть» в английском языке мы пришли к следующим выводам. Исследование толковых словарей, а также словарей синонимов английского языка позволяет утверждать, что, помимо однокоренных слов *love, to love, lover, lovable, loveable, lovesick, lovelorn, lovey-dovey* и *loving*, на лексическом уровне любовь как член СЕ «любовь – ненависть» в английском языке представлена существительными *attachment, affection*, глаголами *like, enjoy, dote, relish, fancy*, прилагательными *affectionate, devoted, fond, doting*.

В корпусе англоязычной выборки был обнаружен 2031 пример употребления данных лексем. Можно отметить, что подавляющую часть примеров составляют формы трех лексем – глагола *to love*, существительного *love* (включая словосочетания, в которых эта лексема выступает в роли определения – *love affair, love life* и т. п.), и глагола *to like* – в сумме 84,17%. Менее частотен глагол *to enjoy* – 8,37%.

Учитывая большую схожесть спектров значений лексем *love* и *to love* со спектром значений русских лексем *любовь* и *любить*, представляется оправданным различать семантические варианты *love 1* и *love 2*, где первый вариант указывает на чувство, испытываемое субъектом любви по отношению к объекту, а второй – на свойство субъекта, состоящее в том, что он обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации. Именно о втором варианте говорит С. Йоханссон как о слабом (weakened) смысле глагола *to love*: чаще всего он применим к объектам, не являющимся людьми, в то время как первый используется с преимущественно одушевленными объектами [Johansson, 2007: 102]. Как и в ситуации с русскими лексемами, эти два варианта могут быть выделены и у существительного *love*, и у глагола *to love*. При этом правила употребления глаголов в разных языках не идентичны.

Таким же образом в рамках любви первого типа можно различать «чувственную любовь», *love 1.1*, в которой на первом месте находится желание быть вместе с объектом любви, и «альтруистическую» любовь, в которой на первый план выходит желание делать объекту любви добро, *love 1.2*. При этом всегда возможны диффузные употребления.

Как и в случае с русским языком, можно выделить и дополнительные варианты: 1) *love 1.3* и *to love 1.3*, соответствующие семантическому переносу имени любви на физиологический процесс; 2) *love 1.4*, соответствующий семантическому переносу имени

любви на ее объект; 3) *love 1.5*, соответствующий семантическому переносу имени любви на романтические отношения.

При анализе корпуса примеров обнаруживается, что больше половины (62,59%) примеров употребления существительного *love* приходится на вариант *love 1.1*. На втором месте находится *love 1.4* с 23,13 %, на третьем – *love 1.2* (7,03%). Прочие варианты еще более редки.

По результатам исследования корпуса примеров можно сделать вывод, что по сравнению с существительным *love* глагол *to love* гораздо чаще используется для выражения семантического варианта *love 2*. Тем не менее, чаще всего и существительное, и глагол используются для выражения чувственной любви – *love 1.1*.

Ненависть как член СЕ «любовь – ненависть», помимо однокоренных слов *hate*, *to hate* и *hateful* в английском языке представлена существительными *hatred*, *abhorrence*, *detestation*, *abomination* и *loathing*, глаголами *to detest*, *to abhor*, *to abominate* и *to loathe*, а также прилагательными *odious*, *abhorrent*, *detestable* и *abominable*.

В корпусе выборки было обнаружено 338 примеров употребления данных лексем. Можно отметить, что подавляющую часть примеров составляют формы одной лексем – глагола *to hate* – 76,92%. Значительно ниже частоты существительных *hatred* и *hate* (по 6,21%); в корпусе их частоты тождественны, что не позволяет говорить об их различном статусе по отношению друг к другу.

Бросается в глаза частотная лексическая асимметрия значимостного компонента СЕ «любовь – ненависть»: сами лексемы *hate* и *hatred* встречаются в выборке примеров гораздо реже, чем *love* (42 vs. 437, соотношение 1 к 10), и то же касается всей совокупности проанализированных лексем (338 vs. 2031, соотношение 1 к 6).

Представляется обоснованным по аналогии с семантическими вариантами любви говорить о семантических вариантах ненависти в английском языке: *hate 1*, эквивалентном *ненависти 1*, и *hate 2* – эквивалентном *ненависти 2*; это ненависть в «слабом» (weakened) смысле [Johansson, 2007: 102]. Как и русская *ненависть 2*, *hate 2* связана со стандартным способом взаимодействия с объектом ненависти. То же касается глаголов *to hate* и *ненавидеть*.

Как в случае с любовью, между этими вариантами лежит «серая зона» диффузных смыслов. И. В. Бойчук отмечает, что при анализе художественных текстов иногда затруднительно определить истинное значение, выражаемое глаголом *to hate*: «нелюбовь или неприязнь ли это или уже ненависть?» [Бойчук, 2014: 31].

Лексема *hate* крайне редко используется в смысле *hate 2*, что, очевидно, и обусловило отсутствие этого значения в словарях. В выборке из 21 случая употребления этой лексемы в этом значении она встретилась только один раз: «I liked shopping okay until Renee started going on day long shopping excursions dragging me with her and her current boyfriend. That too turned into *hate* when they shoved me in Victoria's Secret and wanted me to model it for both of them» (storyteller41. The Protector).

Семантические варианты ненависти в английском языке, как и в русском, более наглядны при рассмотрении глагола *to hate*. В отличие от его русского аналога *ненавидеть*, он используется в обоих значениях примерно с равной частотой.

Любопытны случаи использования глагола *to hate* и существительного *hatred* в контексте одного предложения либо двух соседних предложений. Такие случаи всегда поразумевают *hate 1*: «It was probably childish, but at the moment, I *hated* him for making all the wrong choices that would make his life difficult for a long time. I would do anything to make that *hatred* disappear» (J1998. Loyalty); «I *hated* her now more than ever before. My *hatred* before was nothing» (J1998. Loyalty); «Alice looked at Rosalie and questioned the *hatred* shared by both races. «Why do they *hate* us?»» (Rayne101. Blood Singer).

Таким образом, любовь и ненависть как члены семантического единства в английском языке оказываются противопоставленными в следующих отношениях:

- 1) у ненависти в английском языке существует лексическая дублетизация *hate – hatred*;
- 2) лексическая плотность любви по сравнению с ненавистью гораздо выше;
- 3) у любви значительно больше дополнительных семантических вариантов: помимо выделения двух подвидов у *love 1*, в результате семантического переноса на свет появились еще 4 значения;
- 4) у существительного *love* вариант *love 2* заметно более частотен, чем вариант *hate 2* у существительного *hate*;
- 5) если у глагола *to love* существует «главный» по частотности семантический вариант *to love 1.1*, то семантические варианты глагола *to hate* практически равноправны в частотном отношении;
- 6) частота совокупности лексем, номинирующих любовь, намного выше по сравнению с частотой совокупности лексем, номинирующих ненависть (соотношение составляет примерно 6 : 1).

Переходя к межъязыковому сопоставлению, можно отметить, что семантические единства «любовь – ненависть» в русском и английском языке схожи в следующих

отношениях: 1) лексическая плотность любви по сравнению с ненавистью гораздо выше; 2) у любви значительно больше дополнительных семантических вариантов; 3) частота совокупности лексем, номинирующих любовь, намного выше по сравнению с частотой совокупности лексем, номинирующих ненависть; 4) у обоих составляющих единства в обоих языках на первом месте по частоте употребления находятся глаголы, на втором – существительные; 5) наиболее частотное употребление лексем в варианте *любви 1.1* и *ненависти 1*.

Семантическое единство «любовь – ненависть» в русском и английском языке отличается главным образом в своей «отрицательной» составляющей, ненависти: 1) в отличие от русского языка, у имени ненависти в английском языке существует лексическая дублетизация; 2) семантические варианты глагола *to hate* почти равноправны по частоте встречаемости в отличие от отчетливого частотного лидерства *ненавидеть 1* в русском языке; 3) в русской выборке примеров отношение частот лексических единиц, номинирующих любовь, и лексических единиц, номинирующих ненависть, примерно в полтора раза выше, чем в английской – то есть обращение к ненависти в англоязычных текстах фанфикшн оказывается более частотным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойчук И. В. Вербализация концепта ненависть в английской, русской и французской лингвокультурах (на материале художественной литературы) // Перспективы развития науки и образования. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. Ч. 3. С. 30-32.
2. Волкова Я. А. Концептуализация ненависти в русском языковом сознании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4 (16). С. 24-31.
3. Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. Вып. 8. С. 5-27.
4. Воркачев С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2014. Вып. 12. С. 50-69.
5. Костюрина Н. Ю. Фанфикшн как предмет научного исследования в российском гуманитарном знании // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. Т. 2. № 1 (25). С. 63-67.
6. Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 2. С. 17-18.
7. Пейгина Л. В. Идентичность субъекта фандомной культуры как автопроект в условиях общества постмодерна: диалектика вызова и безопасности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 102-110.
8. Приходько А. Н. Антиконтраст как лингвокультурный феномен: партономическое, стигматическое, эссенциальное // Когниция, коммуникация, дискурс. 2012. № 5. С. 37-51.

9. Федоров М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6-2. С. 83-86.

10. Хейгетян Т. В. Бинарная оппозитивность как принцип организации картины мира и ее отражение в языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2. 2014. С. 121-128.

11. Шавлюк В. Б. «Фанфикшн»: от жаргонизма к термину // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. Филология. № 1. С. 245-249.

12. Шмелев А. Д. Язык любви // Константы и переменные русской языковой картины мира. Москва: Языки славянских культур, 2012. С. 457-461.

13. Coppa F. *The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age*. University of Michigan Press, 2017. 304 p.

14. Jenkins H. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. 2nd ed. New York: Routledge, 2012. 424 p.

15. Johansson S. *Seeing Through Multilingual Corpora: On the Use of Corpora in Contrastive Studies*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2007. xxii + 355 pp.

REFERENCES

1. Boychuk, I. V. (2014). Verbalizatsiya kontsepta nenavist v angliyskoy, russkoy i frantsuzskoy lingvokulturakh (na materiale khudozhestvennoy literatury) [Verbalization of the concept of hate in the English, Russian, and French linguistic cultures (based on fiction)]. In *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya*. Tambov: OOO «Konsaltingovaya kompaniya Yukom». Ch 3. Pp. 30-32. (In Russ.).

2. Volkova, Ya. A. (2011). Kontseptualizatsiya nenavisti v russkom yazykovom soznanii [Conceptualization of hatred in the Russian language-navigated mentality]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 4 (16). Pp. 24-31. (In Russ.).

3. Vorkachev, S. G. (2010). «Kuda zh nam plyt?» – lingvokulturnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya [‘Where should we sail to?’ – linguocultural conceptology: modern state, problems, vector of development]. In *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda*. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS. Vyp. 8. Pp. 5-27. (In Russ.).

4. Vorkachev, S. G. (2014). Semiotika lingvokulturnogo kontsepta i terminosistema lingvokulturnoy kontseptologii [The semiotics of linguocultural concept and term system of linguocultural conceptology]. In *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda*. Vyp. 12. Pp. 50-69. (In Russ.).

5. Kostyurina, N. Yu. (2016). Fanfikshn kak predmet nauchnogo issledovaniya v rossiyskom gumanitarnom znanii [Fan-fiction as a subject of scientific research in russian humanities]. In *Uchenye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. T. 2. No. 1 (25). Pp. 63-67. (In Russ.).

6. Krasnykh, V. V. (2013). Lingvokultura kak obekt kognitivnykh issledovaniy [Linguoculture as an object of cognitive research]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. No. 2. Pp. 17-18. (In Russ.).

7. Peygina, L. V. (2018). Identichnost subekta fandomno kultury kak avtoproekt v usloviyakh obshchestva postmoderna: dialektika vyzova i bezopasnosti [Identity of the subject of fandom culture as an autoproject in the conditions of a postmodern society: the dialectics of challenge and security]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvedenie*. No. 30. Pp. 102-110. (In Russ.).

8. Prikhodko, A. N. (2012). Antikontsept kak lingvokulturnyy fenomen: partonimicheskoe, stigmaticheskoe, essentsialnoe [Anticoncept as a linguocultural phenomena: the partonimic, the stigmatic, the essential]. In *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs*. No. 5. Pp. 37-51. (In Russ.).

9. Fedorov, M. A. (2014). Termin «Lingvokultura» v aspekte teorii kultury [The term 'linguoculture' in the aspect of culture theory]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 6-2. Pp. 83-86. (In Russ.).

10. Kheygetyan, T. V. (2014). Binarnaya oppozitivnost kak printsip organizatsii kartiny mira i eye otrazhenie v yazyke [The role of binary oppositions in the picture of the world and their representation in the language]. In *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 2. Pp. 121-128. (In Russ.).

11. Shavlyuk, V. B. (2017). «Fanfikshn»: ot zhargonizma k terminu [Fanfiction: from a slang word to the term]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya*. No. 1. Pp. 245-249. (In Russ.).

12. Shmelev, A. D. (2012). Yazyk lyubvi [The Language of love]. In *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. Pp. 457-461. (In Russ.).

13. Coppa, F. (2017). *The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age*. University of Michigan Press.

14. Jenkins, H. (2012). *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. 2nd ed. New York: Routledge.

15. Johansson, S. (2007). *Seeing Through Multilingual Corpora: On the Use of Corpora in Contrastive Studies*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins.

Демичева Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 (e-mail: yulchen77@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» 350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2

Demicheva Yulia V. – Senior Lecturer of Foreign Languages Department No. 1 (e-mail: yulchen77@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University» 2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation 350072

Поступила в редакцию 30 августа 2021 г.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ-ИСТОРИЗМОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НАИМЕНОВАНИЯ КАРТОЧНЫХ ИГР» В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

В статье рассматриваются семантические пути развития китайских заимствований в лексико-семантической группе «Наименования карточных игр» в ямайском и тринидадо-тобагском креолях. Установлены следующие системные семантические пути развития лексических заимствований-историзмов: специализация и генерализация значения, метафора и метонимия.

Ключевые слова: заимствования, развитие, креоли, метафора, метонимия.

WAYS OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF CHINESE BORROWED HISTORISMS IN LEXICO-SEMANTIC GROUP «NAMES OF CARD GAMES» IN ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES

The article considers semantic development ways of Chinese lexical borrowings of the lexico-semantic group «Names of card games» in the English-based Jamaican and Trinidado-Tobagonian Caribbean creoles. The following loan-words' semantic development ways were established: specialization and generalization of meaning, metaphor and metonymy.

Key words: borrowing, development, creoles, metaphor, metonymy.

1. Введение. На современном этапе развития лингвистики наблюдается рост интереса к таким проблемам, как диглоссия и двуязычие, языковые контакты и смешение языков. **Актуальность темы исследования** определяется, во-первых, ростом интереса лингвистов к проблемам пространственной вариативности языка, недостаточным изучением территориального варьирования английского языка в странах Карибского бассейна и механизмов формирования вариантных языковых систем, во-вторых, необходимостью теоретического обобщения системных изменений в лексической системе карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО) под влиянием лексических заимствований. **Объектом** исследования являются заимствованные имена существительные – наименования карточных игр (далее НКИ) в ямайском и тринидадо-тобагском ККАО конца XX – начала XXI века. **Предметом** исследования являются семантические пути развития лексических заимствований-историзмов, представленных наименованиями НКИ, в ККАО. Для работы отбирались и рассматривались заимствования-историзмы, наименования НКИ в ККАО, созданные в соответствии с

семантическими способами вторичной номинации. **Цель** исследования – выявить специфические черты ККАО, опираясь на лексические историзмы, представленные наименованиями НКИ, заимствованными из западноафриканских, европейских, азиатских языков. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) выявить семантические и лексические особенности иностранных заимствований-историзмов, представленных наименованиями НКИ в двух ККАО; 2) рассмотреть семантические пути развития лексических заимствований-историзмов, наименований НКИ в двух ККАО; 3) выявить алломорфные и изоморфные признаки заимствований-историзмов, наименований НКИ в двух исследуемых ККАО. В качестве **материала исследования** были отобраны лексемы, обозначающие НКИ, из различных словарей карибских креолов на англоязычной основе. Общий объем выборки по историзмам составил: 548 лексических единиц в ямайском креоле и 722 лексических единицы в тринидадо-тобагском креоле. Количество проанализированных языковых явлений, заимствованных НКИ из китайского языка, составляет 235 историзмов-НКИ в ККАО (из них 159 историзмов-НКИ в ямайском креоле и 76 историзмов-НКИ в тринидадо-тобагском креоле), отобранных методом сплошной выборки из словарей ККАО. Историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением понятий, которые ими обозначались [Филин, 1979: 360]. По проблеме историзмов и заимствований имеются следующие **новейшие публикации**: Л. С. Алпеева [Алпеева, 2019: 188], Х. Лэй [Лэй, 2018:387], А. Д. Осипова [Осипова, 2020: 280-281], А. М. Николаева [Николаева, 2019: 393], Д. Н. Шмелёв [Шмелёв, 2002: 608], Тичи Ондрей [Tichý, 2018: 3], М. А. Коломбет [Colombet, 2019: 150-152], Вине Мари-Терез [Vinet, 1996: 177], Чиру Костин Габриэл [Chiru, Rebedea, 2018: 4], Fouad Seridj [Fouad, 2019: 199].

Заметим, что карточные игры являются любимым развлечением как среди молодых, так и старых вот уже чуть более чем на протяжении 500 лет.

2. В ямайском креоле НКИ *Wapi* ЛСВ-1. A game of cards (quot 1958) ‘карточная игра’. ЛСВ-2.also in that game, a certain card (quot 1955) ‘некая карта в этой игре’. Например:

1955 */Wapi/ in gambling with cards: the same number card (for example, 5 thrown by a second person. ‘Вапи/ в карточной игре: карта с тем же самым числом, например: «пятерка», подброшенная вторым лицом’*. 1958 */Wapi/ a game of cards in which each player is dealt six cards and one card is turned up; players alternately discard, the object being to go out first; players must either follow suit or follow number [Cassidy, 1967: 462]*. 1958 г. ‘Вапи – карточная игра, в которой каждому игроку сдают по 6 карт и одну карту открывают. Игроки по очереди сбрасывают карты. Цель – выйти из игры первым. Игроки должны или

ходить в масть или разыгрывать ставки’.

Семантическое развитие ямайского производного заимствования-историзма НКИ *wapi* от исходной китайской лексической единицы *wapi* происходит путём синекдохи: кит. *wapi* → ЯмКр НКИ *wapi* ‘карточная игра’ → синекдоха → ЯмКр *wapi* ‘некая карта в этой игре’.

В основе модели синекдохическая формула «целое вместо части».

В ямайском креоле имеется наименование китайской карточной игры НКИ *drop-pan* [Cassidy, 1967: 160]. НКИ ‘*drop-pan* – это азартная игра типа лотереи, для которой покупают билеты, кладут их в лоток, затем лоток «роняют» как средство жеребьевки выигрышных билетов’. Например: 1952. /*drapan/ a gambling game: a book of tickets /tai shiin/ with numbers from 1 to 36, each representing something. Buy a ticket; later there’s a drawing to see which ticket wins* [Cassidy, 1967: 160]. ‘Дроп-пэн – азартная игра: (в ней используется) блокнот билетов /тай шин/ с числами от 1 до 36, при этом каждый билет что-то означает. Купите билет, позже состоится жеребьевка, чтобы узнать, какой билет выиграл’.

Семантическое развитие ямайского производного значения НКИ *drop-pan* от исходной английской единицы *drop-pan* ‘падающий поддон’ происходит путём метонимии: англ. *drop-pan* ‘падающий поддон’ → метонимия → ЯмКр НКИ *drop-pan* ‘азартная игра типа лотереи, для которой покупают билеты, кладут их в поддон (*pan*), затем поддон роняют, чтобы вытянуть выигрышные билеты’.

Tai-shiin происходит из хаккайского диалекта китайского языка и обозначает: ‘Великий Дух, прекрасно одаренный дух человека’. *Tai-shiin* – это книжечка пронумерованных билетов, при этом на каждом билете что-то изображено, например, часть тела. Она используется в азартной игре *drop-pan*. Например: 1943 *Tyshin, drop pan term* [Cassidy, 1967: 434] ‘Тайшин – термин НКИ *drop-pan*’.

Семантическое развитие ямайского заимствования *tai-shiin* от исходного ЛСВ *tai-shiin* из хаккайского диалекта китайского языка происходит путём сужения значения и может быть представлено при помощи следующей записи:

хаккайский диалект китайского языка *tai-shiin* ‘Великий Дух, прекрасно одаренный дух человека’ → сужение значения → ЯмКр *tai-shiin* ‘книжечка пронумерованных билетов с рисунком на каждом билете, используемая в карточной игре тай шин’.

В ямайском креоле используется наименование азартной карточной игры (и ее участников) как НКИ *tai-shiin, tyshin*. НКИ *tai-shiin* происходит из хаккайского диалекта китайского языка и обозначает ‘Великий Дух’, прекрасно одаренный дух человека’.

Семантическое развитие производного ямайского значения заимствования НКИ *tai-*

shiin от исходного ЛСВ *tai-shiin* хаккайского диалекта китайского языка происходит путём сужения значения и может быть представлено при помощи следующей записи: хаккайский диалект китайского языка *tai-shiin* ‘Великий Дух’, прекрасно одаренный дух человека’ → сужение значения → ЯМКр НКИ *tai-shiin* ‘азартная карточная игра тай шин’.

В ямайском креоле представлено НКИ *peaka peow* ‘китайская азартная игра, в которой игроки держат пари на особое более крупное число из тайно отобранных чисел’ [Cassidy, 1967: 343].

НКИ *peaka-peow /piika-puow/* происходит из хаккайского диалекта китайского языка. Китайцы познакомили ямайцев с этой азартной игрой, и они же нелегально руководили этим подпольным карточным бизнесом. Из написанных 120 чисел на листе бумаги 30 чисел выбирали, разбрасывая кости. Каждый игрок отмечал 8 чисел. Если у игрока любое число из отмеченных соответствовало любому из тридцати чисел, то этот игрок выигрывал’ (перевод наш).

Например: 1934 *the Police were making a raid on a Peaka-peow bank premises, and while they were holding those occupied in gambling there, in walked a Chinese holding a sheet of paper with Chinese characters all over it. It turned out that this sheet of paper was of vast number of Peaka-peow tickets* [Cassidy, 1967: 343] ‘Полиция совершила рейд в помещение банка, где играли в пика-пиов, и пока они удерживали игроков, в помещение вошел китаец с листочком бумаги, на котором были китайские иероглифы. Оказалось, что этот листок бумаги содержал громадное количество билетов игры пика-пиов’.

3.В тринидадо-тобагском креоле имеется китайское заимствование-историзм *fi chee* (obs.). *Fi chee* (уст.) – это ‘указка, используемая в китайской азартной игре *sanchee* или *fantong*’ (1919 г.) [Winer, 2009: 782]. НКИ *Fantong obs.* (историзм); A Chinese gambling game in which a handful of coins are placed under a bowl, and players then bet on the number of coins that will remain when the pile has been divided by four [Winer, 2009: 336] ‘НКИ *Fantong*, в которой пригоршнь монет кладут под чашу. Игроки держат пари по поводу числа монет, которые останутся после того, как столбик монет будет разделен между четырьмя (игроками)’ (< кит. *fan t’an* ‘повторное деление’) = *sanchee* [Op. Cit: 782]. Например: *The every day game was known as «Sanchee» or «Fantong». When a player won, 8 percent was taken from his profit and deposited in the long tin produced, which was always locked* (1919) [Winer, 2009:782] ‘Каждодневную игру знали под названием «санчи» или «фантонг». Когда игрок выигрывал, из его выигрыша вычитывали 8 процентов. Их клали в длинную металлическую коробку, которая всегда запиралась на замок’.

Семантическое развитие производного тринидадо-тобагского НКИ *fantong*

‘китайская азартная игра, в которой столбик монет делят между четырьмя игроками’ от исходного китайского значения *fan t'an* ‘повторное деление’ происходит путём специализации значения:

кит. *fantong* ‘повторное деление’ → специализация значения → ТрТКр НКИ *fantong* ‘китайская азартная игра, в которой столбик монет делят между четырьмя игроками’.

ЛСВ-2. *Sanchee*. A gambling tip to a punter or bettor ‘намек профессиональному игроку или держащему пари’.

Например: *I get a real good sanchee* [Winer, 2009: 782] ‘Я получил очень хороший намек’.

Семантическое развитие производного тринидадо-тобагского значения *sanchee*, *sanchi* ‘намек по поводу азартной игры профессиональному игроку или держащему пари’ от исходного китайского значения происходит путём метонимии и может быть представлено при помощи следующей метонимической записи:

кит. НКИ *sanchee*, *sanchi* n obs ‘традиционная китайская азартная игра’ → метонимия → ТрТКр *sanchee*, *sanchi* ‘намек по поводу азартной игры профессиональному игроку или держащему пари (в игре *sanchee*)’.

В основе данного семантического развития метонимическая формула «действие → средство действия».

В тринидадо-тобагском креоле большим количеством вариантов представлено НКИ *peaka peow*. В словарной статье, посвященной НКИ, *paikow*, *pack-a-peu*, *pai-qiaow*, *pai-qiw*, *piekow*, *pekow*, *peaka peow* [Winer, 2009:660] ‘Китайская азартная игра, напоминающая игру *whe-whe*, в которой игроки держат пари на особое более крупное число из тайно отобранных чисел’. Данное НКИ произносится /pakApa/, /pikArau/. «Не исключено, что это заимствование пришло их хаккайского диалекта китайского языка и обозначает ‘азартная игра, напоминающая лотерею, в которой используются листы бумаги, помеченные знаками тайной системы’» [Winer, 2009: 660] (перевод наш). Например:

2004. *It was in 1894 that three men of Chinese origin came to Trinidad from then British Guiana. They used the upstairs to introduce a game called “Peaka Peow”. Creole-patois-speaking interlopers around the Nelson / Duncan Streets area locally adapted Peaka Peow to their own notion and named it «Dit qui ligne» (Say which line). At what time and how Whe-Whe superseded «Dit qui ligne» is not clear* [Winer, 2009: 660] ‘В 1894 году три мужчины китайского происхождения приехали в Тринидад из тогдашней Британской Гайаны. Они использовали помещение второго этажа, чтобы продемонстрировать игру «Пика-пиов».

Креолы из территории улиц Нельсон / Дункан стрит переделали эту игру по своему разумению и переименовали ее в НКИ «*Dit qui ligne*» ('Угадай в какой строке')'. Непонятно, когда и как карточная игра ве-ве вытеснила игру «*Dit qui ligne*» (перевод наш).

Из вышеприведенной цитаты следует, что в конце XIX века НКИ *Peaka Peow* было вытеснено НКИ *Dit qui ligne*, а затем НКИ *whe-whe*. В этот период НКИ *Peaka Peow* в тринидадо-тобагском креоле переходит в разряд историзмов.

Возможно, наименование игры происходит из кантонского диалекта китайского языка, где *p 'ai* обозначает 'дощечка с надписью' + *kau* 'девять'. В австралийском варианте английского языка эта игра называется *pakapoo. pakapu* [Ramson, 1997: 460] = *Chinese wappie*.

Семантическое развитие тринидадо-тобагского заимствования НКИ *piekow* 'китайская карточная игра' от исходного китайского значения происходит путём генерализации значения и его можно продемонстрировать при помощи следующей модели:

кит. 'p'ai 'дощечка с надписью' + kau 'девять' → генерализация значения → ЯмКр НКИ *piekow* 'китайская азартная карточная игра'.

В тринидадо-тобагском креоле встречается большое количество наименований азартных карточных игр. Одна из них НКИ *we-we, whay-whay, whe-whe, whey whey* n A gambling game of Chinese origin, in which the organizer or BANKER chooses one number or mark from a set of numbers and seals it in an envelope; people then bet on what number it is, traditionally according to dreams [Winer, 2009: 952] 'Ве-ве – азартная карточная игра китайского происхождения, в которой организатор или банкир выбирает одно число или метку из набора чисел и запечатывает ее в конверте. Игроки делают ставки, чтобы угадать это число: по традиции угадывание происходит в соответствии со сновидениями'. Например:

[T]he abominable *Whe Whe* – a Chinese form of gambling... is in full operation for many weeks in the Chinese quarter of Port-of-Spain (we mean Upper Prince Street) [Winer, 2009: 7]. 'Отвратительная игра Ве-Ве – эта китайская разновидность азартной игры ... вот уже несколько недель играют всюду в китайском квартале в г. Порт-оф-Спейн (на улице Аппер Принс Стрит)'. 1909. *The paper contained seven Chinese marks known in whe whe as the "seven birds of feathers" ... each mark on the paper was sold for a penny* [Winer, 2009: 952]. 1909 г. 'На листочке было семь китайских меток, известных в игре ве-ве как «семь пернатых птиц» ... при этом каждая метка, размещенная на листке бумаги, продавалась за один пенс'.

Wey-wey 'ве-ве – это тринидадская версия игры, в которой разыгрывают ставки (*the numbers game*). Она происходит от старой китайской игры Чайнапу. Говорят, что ее привезли на остров китайские иммигранты. Игра состоит из 36 чисел, называемых

«метками», которые представляют жизнь человека и животных'. *The game is played twice or three times a day. The Banker selects his mark from the thirty-six. It cannot be one already played that day or the previous day, nor can it be the "spirit number" (a sort of cousin) to the one played. The Banker writes his chosen mark on a slip of paper which he puts in an agreed place. The Markers patrol the district and collect bets* 'В эту игру играют два или три раза в день. Банкир выбирает свою метку из 36 меток. Нельзя, чтобы эта метка была задействована в игре в предыдущий или в этот же день. Она не может быть представлена «числом-призраком» по отношению к метке, участвовавшей в игре. Банкир записывает выбранную им метку на листе бумаги, который он кладет в условное место. Собиратели меток патрулируют район и собирают ставки' [Winer, 2009:952].

4. Выводы

4.1. В исследовании были выявлены системные пути развития китайских заимствований-историзмов. Для заимствований-историзмов НКИ характерны различные способы семантической деривации – такие, как метафора, метонимия, синекдоха, сужение и расширение значения.

4.2. Способы семантической деривации заимствований-историзмов, представленных наименованиями карточных игр и образующие область общих черт в ямайском и тринидадо-тобагском креолях, включают расширение значения.

4.3. Способы семантической деривации китайских заимствований-историзмов, представленных наименованиями карточных игр, специфичные для ямайского креоля, включают синекдоху, метонимию, сужение значения.

Перспективу дальнейшего исследования представляет сопоставительный анализ семантических особенностей заимствований-инноваций и заимствований-архаизмов других креольских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпеева Л. С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В. М. Шукшина // Научно-электронный журнал «Концепт». 2019. № 7. С. 187-196.
2. Гуревич В. В. «Новое» и «старое» и их отношение к «началу» // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 56-60.
3. Калиущенко В. Д. Типологическое направление в изучении словообразования // Значение языковых единиц в сравнительном и типологическом аспектах. Донецк: ДонГУ, 1995. С. 93-109.
4. Лэй Х. Лексический и культурологический аспекты описания историзмов (на материале русского и китайского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 387-389.

5. Николаева А. М. Устаревшая лексика в якутском историческом романе В. С. Яковлева – Далана «Тыгын Дархан» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 393-401.

6. Осипова А. Д. Устаревшая лексика в русском современном языке (на материале толковых словарей) // Молодой ученый. Февраль 2020. № 7 (297). С. 280-281.

7. Шмелёв Д. Н. Архаические формы в современном русском языке // Избранные труды по русскому языку. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 531-650.

8. Chiru C.-G., Rebedea T. E. Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts. Bucharest: PUB. Romania, Sept. 2018. 6 p.

9. Colombet, M. A. Archaism as a Lexical Unit of the English Language // Molodoy uchenyy. 2019. № 10 (248). P. 150-152. Доступ: <https://moluch.ru/archive/248/56982/>. (дата обращения: 10.03.2021).

10. Tichý Ondřej. Lexical obsolescence and loss in English: 1700-2000 // Applications of Pattern-driven Methods in Corpus Linguistics. John Benjamins Publishing Co, 2018. P. 81-103.

11. Vinet Marie-Thérèse. Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec // Université de Sherbrooke Revue québécoise de linguistique. 1996. Vol. 24. Issue°2. P. 165-181.

12. Fouad Seridj. De l'intégration des emprunts français à l'anglais // Synergies Algérie. 2019. No.°19. P. 197-213.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филин Ф. П. Русский язык. Энциклопедия. Москва: Советская Энциклопедия, 1979. 432 с.

2. Cassidy F. G. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the Univesity Press, 1967. 487 p.

3. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. London, 2009. 1041 p.

REFERENCES

1. Alpeeva, L. S. (2019). Khudozhestvennyye funktsii arkhaizmov i istorizmov v proizvedeniyakh V. M. Shukshina [Artistic functions of archaisms and historisms in V. M. Shukshin's works]. In *Nauchno-elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. No. 7. Pp. 187-196. (In Russ.).

2. Gurevich, V. V. (2002). «Novoe» i «staroe» i ikh otnoshenie k «nachalu» [«The new» and «the old» and their relation to the «beginning»]. In *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa*. Moskva: Indrik. Pp. 56-60. (In Russ.).

3. Kaliuščenko, V. D. (1995) Tipologicheskoe napravlenie v izuchenii slovoobrazovaniya [Typological direction in word building analysis]. In *Znachenie yazykovykh edinits v sravnitel'nom i tipologicheskom aspektakh*. Donetsk: DonGU. Pp. 93-109. (In Russ.).

4. Lai, H. (2018). Leksicheskiy i kulturologicheskiy aspekty opisaniya istorizmov (na materiale russkogo i kitayskogo yazikov) [Lexical and cultural aspects of historisms (based on Russian and Chinese)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 1 (79). Ch. 2. Pp. 387-389. (In Russ.).

5. Nikolayeva, A. M. (2019). Ustarevshaya leksika v yakutskom istoricheskom romane V. S. Yakovleva-Dalana «Tygyn Darkhan» [Obsolescent words in the Yakut historical novel «Tygyn Darkhan» by V. S. Yakovleva-Dalan]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. No. 1 (74). Pp. 393-401. (In Russ.).

6. Osipova, A. D. (2020). Ustarevshaya leksika v russkom sovremennom yazyke (na materiale tolkovykh slovarey) [Obsolescent words in Modern Russian (based on explanatory dictionaries)]. In *Molodoy uchonyy*. No. 7 (297). Pp. 280-281. (In Russ.).

7. Shmelev, D. N. (2002). Arkhaicheskie formy v sovremennom russkom yazyke [Archaic forms in Modern Russian]. In *Izbrannye trudy po russkomu yazyku*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury. Pp. 531-650. (In Russ.).

8. Chiru, C.-G., Rebedea, T. E. (Sept. 2018). *Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts*. Bucharest: PUB. Romania.

9. Colombet, M. A. (2019). Archaism as a Lexical Unit of the English Language. In *Molodoy uchenyy*. No. 10 (248). Pp. 150-152. Available at: <https://moluch.ru/archive/248/56982/>. (accessed:10.03.2021).

10. Tichý, Ondřej. (2018). Lexical obsolescence and loss in English: 1700-2000. In *Applications of Pattern-driven Methods in Corpus Linguistics*. John Benjamins Publishing Co. Pp. 81-103.

11. Vinet, Marie-Thérèse. (1996). Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec. In *Université de Sherbrooke Revue québécoise de linguistique*. Vol. 24. Issue°2. Pp. 165-181.

12. Fouad, Seridj. (2019). De l'intégration des emprunts français à l'anglais. In *Synergies Algérie*. No.°19. Pp. 197-213.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Filin, F. P. (1979). *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moskva: Sovetskaya Entsiklopedia. (In Russ.).

2. Cassidy, F. G. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the Univesity Press.

3. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. London.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода (v.drozдов@donnu.ru),

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Drozдов Vladimir A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Translation Studies Department (v.drozдов@donnu.ru),

State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 июня 2021 г.

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Частотность слова является его важной характеристикой, она обусловлена грамматической и лексической семантикой слова, его структурными и функциональными особенностями. Сопоставительное описание 100 наиболее частотных слов позволило установить сходства и отличия самого набора слов в двух языках, сформулировать обобщения, претендующие на типологическую значимость.

Ключевые слова: частотность, выборка 100, количественная характеристика, полнзначные / служебные слова.

© 2021 V. D. Kaliuščenko

GERMAN AND RUSSIAN FREQUENCY WORDS VIEWED IN COMPARISON

The frequency is an important characteristic feature of the word. It is determined by grammatical and lexical semantics of the word, its structural and functional peculiarities. The comparative description of the 100 most frequent words made it possible to establish the similarities and differences in the very set of words in the two languages, to formulate generalizations that claim typological significance.

Key words: frequency, selection 100, quantitative characteristics, notional / function words.

1. В статье представлены результаты сопоставительного исследования 100 наиболее частотных слов немецкого и русского языков. Данные о частотности лексических единиц играют важную роль в прикладной и теоретической лингвистике, поскольку они служат эмпирической базой при создании учебной литературы по различным языкам, в частности при составлении лексических минимумов для разных уровней владения родным или иностранным языком [Засорина, 1977]. Вместе с тем данные о частотности слов используются и в лингвистических исследованиях [Калиущенко, 2016: 104-115; Kaliuščenko, 2000].

2. На основе немецких текстов создан целый ряд частотных словарей [Jones / Tschirner, 2006; Rosengren, 1972; Ruoff, 1981]. Материал немецкоязычной части работы в статье представляют 100 наиболее частотных немецких слов из списка, представленного в работе Б. Моргана [Morgan, 1928] и основывающегося на частотном словаре немецкого языка Ф. В. Кединга [Kaeding, 1897-1898]. Данный словарь представляет собой уникальный труд, осуществлённый ещё в конце XIX века Ф. В. Кедингом при участии нескольких сотен стенографисток. Сам Ф. В. Кединг не был лингвистом, основной сферой его деятельности были статистика и стенография. Именно

их прикладным целям и должен был служить создаваемый словарь, который вызвал широкий резонанс прежде всего среди лингвистов и который до сих пор остаётся лучшим частотным словарём немецкого языка. Он осуществлён путём ручной обработки большого массива текстов из газет, журналов, беллетристики, научных изданий объёмом около 11 млн. словоупотреблений.

Цель работы заключалась в анализе частеречного состава единиц выборок 100, в их лексико-семантическом анализе, определении общих и дифференциальных черт выборок 100 наиболее частотных слов в немецком и русском языках.

3. В выборку из 100 наиболее частотных лексических единиц (далее – выборка 100) немецкого языка вошли: 1) слова, относящиеся к служебным (синсемантическим) частям речи – артикли, предлоги, союзы, частицы (32 единицы); 2) полнозначные (автосемантические) части речи – глаголы, местоимения, существительные, наречия, одно прилагательное (66 единиц). Части речи определялись в работе на основе классификаций в русских грамматиках [РГ 1980; 2005] и в теоретических грамматиках немецкого языка [Duden, 1998; Eisenberg, 2006: 34-39; Engel, 1998; Grammatik der deutschen Sprache, 1997].

3.1. В немецком языке первое место по частотности занимает определённый артикль *der* и его формы, выражающие грамматические категории (род, число, падеж). Неопределённый артикль *ein* находится на пятом месте по частотности.

Высоким уровнем частотности характеризуются союзы, прежде всего союз *und* ‘и’ (2-е место). В выборку 100 наиболее частотных слов вошли семь союзов: *dass* ‘что(бы)’ (21) (здесь и далее число в скобках указывает порядковое место слова по частотности в выборке 100), *auch* ‘и, также’ (32), *als* ‘как, когда’ (35), *aber* ‘но, однако’ (45), *wenn* ‘если, когда’ (51) и др.

Третье и четвёртое место по частотности занимают предлоги *zu* ‘к’ (3) и *in* ‘в’ (4), далее следуют предлоги *von* ‘от, из’ (9), *mit* ‘с’ (13), *aus* ‘из’ (15), *auf* ‘на’, *vor* ‘перед’, *über* ‘над, через’, *durch* ‘через, сквозь’, *um* ‘вокруг’ и др. Всего выборка 100 насчитывает 18 предлогов, из них 5 с частотностью от 3 до 15 обнаруживают самый высокий ранг частотности (от 1 200 000 до 100 000 употреблений), который имеют всего 15 слов [Morgan, 1928: 1].

В выборку 100 также вошли пять частиц: *nicht* ‘не’ (11), *so* ‘так’ (16), *her* ‘сюда’ (49), *hin* ‘туда’, *doch* ‘да, же’.

3.2. Более половины слов выборки (66 единиц) представляют полнозначные части речи. Глаголы занимают ведущее место в количественном отношении (33 единицы). Наиболее частотными являются глаголы, используемые преимущественно в функции вспомогательных

при образовании сложных форм прошедшего времени (Perfekt, Plusquamperfekt) – глаголы *haben* ‘иметь’ (6), *sein* ‘быть’ (14), страдательного залога (Passiv) – *werden* ‘становиться’ (7), результата – *sein* ‘быть’ [Недялков 2017; Eisenberg, 1988: 450-456], сослагательного наклонения (форма Konditionalis) – *werden*. Частотными являются каузативные посессивные глаголы: *nehmen* ‘брать’ (18), *geben* ‘давать’ (55); модальные: *können* ‘мочь’ (39), *wollen* ‘хотеть’ (61), *müssen* ‘долженствовать’ (68), *sollen* ‘быть обязанным, долженствовать’ (82); глаголы положения в пространстве: *stehen* ‘стоять’ (30), *liegen* ‘лежать’ (64) и их каузативные корреляты *stellen* ‘ставить’, *legen* ‘класть’; глаголы движения: *gehen* ‘идти’ (57), *kommen* ‘приходить’ (60); глаголы речи: *sagen* ‘сказать’ (89), *sprechen* ‘говорить’ (93) и др.

Частотные местоимения представлены 16 единицами, в основном следующих разрядов: 1) личные: *er* ‘он’ (8), *ich* ‘я’ (10), *es* ‘оно’ (22), *wir* ‘мы’ (31), *du* ‘ты’ (56); 2) притяжательные: *sein* ‘его’ (27), *mein* ‘мой’ (43); 3) рефлексивное *sich* ‘себя’ (17); 4) указательные *dieser* ‘этот’ (20); 5) вопросительное *welch* ‘какой’; 6) неопределённо-личное *man* (44); 7) отрицательное *kein* ‘никто, ни один’ (86).

Двенадцать наречий также входят в выборку 100. Они выражают отношения: 1) количественные: *mehr* ‘больше’ (74), *viel* ‘много’ (91); 2) пространственные: *hier* ‘здесь’ (84), *weit* ‘далеко’ (78), *wo* ‘где’ (96); 3) временные: *erst* ‘сначала’ *wieder* ‘снова’.

Имена существительные представлены в выборке 100 лишь шестью единицами, из них три обозначают время: *Zeit* ‘время’ (73), *Jahr* ‘год’ (83), *Tag* ‘день’ (99), а 3 остальные – *Recht* ‘право’, *Teil* ‘часть’, *Rat* ‘совет’.

Лишь одно имя прилагательное *groß* ‘большой’ (67) вошло в выборку 100.

4. Русская выборка представляет собой список 100 наиболее частотных слов русского языка [Ляшевская, Шаров, 2009], составленный на основе Национального корпуса русского языка. Таким образом, временной разрыв между двумя источниками (словарь Кединга и НКРЯ) составляет свыше 100 лет, что, безусловно, в определённой мере сказалось на составе выборок 100 в обоих языках.

В русском языке в выборку 100 вошли 35 единиц синсемантических частей речи (союзы, предлоги, частицы) и 65 единиц автосемантических частей речи (местоимения, глаголы, существительные, прилагательные, наречия, числительные).

4.1. Первое место по частотности в выборке 100 занимает немецкий союз ‘и’ (его немецкий эквивалент *und* находится на втором месте после артикля *der* – см. выше 3.1). Остальные 9 союзов русского языка (в немецком – 6) характеризуются менее высоким рангом. Вместе с тем большинство русских союзов более частотны, чем их немецкие

эквиваленты, ср.: *a* (10), *но* (16) – *aber* (45), *что* (9) – *dass* (21). В немецкой выборке отсутствует эквивалент русского *или* (44), а также эквиваленты русских *который*, *как*.

Таблица. *Частеречная характеристика 100 наиболее частотных слов в немецком и русском языках*

Части речи	Немецкий язык		Русский язык	
	Кол-во слов	Примеры с указанием частотности*	Кол-во слов	Примеры с указанием частотности*
1. Глагол	33	<i>haben</i> (6), <i>werden</i> (7), <i>sein</i> (14), <i>nehmen</i> (18)	12	<i>быть</i> (6), <i>мочь</i> (37), <i>сказать</i> (42), <i>говорить</i> (54)
2. Предлог	18	<i>zu</i> (3), <i>in</i> (4), <i>von</i> (9), <i>mit</i> (13)	18	<i>в</i> (2), <i>на</i> (4), <i>с</i> (8), <i>по</i> (11)
3. Местоимение	16	<i>ich</i> (10), <i>sie</i> (12), <i>sich</i> (17), <i>dieser</i> (20)	22	<i>я</i> (5), <i>он</i> (7), <i>это</i> (12), <i>она</i> (13)
4. Наречие	12	<i>wie</i> (37), <i>noch</i> (50), <i>mehr</i> (74), <i>da</i> (80)	9	<i>так</i> (39), <i>ещё</i> (45), <i>уже</i> (90), <i>там</i> (80)
5. Союз	7	<i>und</i> (2), <i>dass</i> (21), <i>auch</i> (32), <i>als</i> (35)	9	<i>и</i> (1), <i>что</i> (9), <i>а</i> (10), <i>но</i> (16)
6. Частица	5	<i>nicht</i> (11), <i>her</i> (49), <i>hin</i> (72), <i>doch</i> (79)	8	<i>не</i> (3), <i>же</i> (34), <i>бы</i> (46), <i>ли</i> (93)
7. Существительное	6	<i>Recht</i> (46), <i>Teil</i> (65), <i>Zeit</i> (73), <i>Jahr</i> (83)	11	<i>год</i> (26), <i>человек</i> (39), <i>время</i> (52), <i>дело</i> (65)
8. Прилагательное	1	<i>groß</i> (67)	8	<i>такой</i> (40), <i>новый</i> (73), <i>большой</i> (97)
9. Артикль	2	<i>der</i> (1), <i>ein</i> (5)	–	–
10. Числительное	–	–	3	<i>один</i> (48), <i>первый</i> (68), <i>два</i> (70)
Всего	100		100	

*В таблице приведены наиболее частотные примеры, относящиеся к определённой части речи.

Количество предлогов в русской и немецкой выборках 100 совпадает – 18 единиц в каждой. Практически идентичен и состав единиц. Исключение представляют предлоги *durch* ‘сквозь (через)’ и *um* ‘вокруг’, отсутствующие в русской выборке.

Вместе с тем следует учитывать, что семантическое пространство указанных русских и немецких предлогов (как и многих других единиц) различно, в частности, употребительность немецкого *durch* увеличивается за счёт его использования в конструкции пассивного или активного залога для обозначения причины, средства, инструмента или лица-посредника, напр.: *Das Haus wurde durch Bomben zerstört* ‘Дом был разрушен бомбами’, *durch die Post schicken* ‘послать по почте’ и т. д. [Wahrig, 1989]. Предлог *um* повышает свою частотность благодаря тому, что кроме пространственного значения он имеет и темпоральное значение, а именно, может выразить указание точного

времени: *um zehn Uhr* ‘в десять часов’, за счёт частотного использования конструкции ‘*um + zu + Infinitiv*’ напр.: ... *um zu wissen* ... ‘... чтобы знать ...’ и т. д.

Наиболее частотными являются русские предлоги *в* (2), *на* (4), *с* (8), *по* (11), *к* (15), *из* (20).

Частицы в русской выборке 100 насчитывают 8 единиц: *не* (3), *же* (34), *только* (42), *бы* (46) и др. Их состав и семантика обнаруживают значительные расхождения в русской и немецкой выборках, совпадения касаются только частиц с отрицательным значением – *не* (3) и *nicht* (11) и ограничительным значением – *только* (42) и *nur* (52).

4.2. Выборка 100 русского языка содержит 65 однозначных слов. В количественном отношении здесь доминируют местоимения – 22 единицы (в немецком – только 16). Как и в немецком языке, здесь преобладают личные: *я* (5), *он* (7), *она* (13), *они* (17), *ты* (33), *вы* (38) и притяжательные местоимения: *наш* (59), *мой* (60), *её* (72), *их* (86). Состав местоимений в обоих языках совпадает лишь частично, в немецкой выборке 100 не отмечены соответствия русских *тот* (36) – *jener, кто* (67) – *wer, ничто* (100) – *nichts*. В немецком существуют соответствия русского *свой* (25), напротив, в русском языке нет эквивалента немецкого неопределённо-личного местоимения *man* (44).

Имена существительные в русской выборке 100 составили 11 единиц (в немецкой – 6). В обеих выборках совпали только наименования времени и его отрезков: *время* (52) – *Zeit* (73), *день* (71) – *Tag* (73), *год* (26) – *Jahr* (99). Два существительных имеют конкретное значение: *человек* (39), *рука* (74), остальные имена обозначают абстрактные понятия: *дело* (65), *жизнь* (66), *работа* (87), *слово* (94) и др.

Число глаголов в русской выборке 100 (12 единиц) почти в 3 раза уступает их количеству в немецкой (33 единицы). К наиболее частотным относятся глаголы *быть* (6), *мочь* (37), *сказать* (42), *говорить* (58). Почти все русские глаголы имеют соответствия в немецкой выборке 100: *стать* – *werden*, *хотеть* – *wollen*, *иметь* – *haben* и др. Исключение составляет глагол *знать*, которому соответствуют два немецких глагола *wissen* и *kennen*, отсутствующие в немецкой выборке 100.

Состав девяти русских наречий значительно отличается от состава немецких наречий в выборках 100. Совпадают наречия *так* (30) – *so* (16), *как* (49) – *wie* (37), *ещё* (45) – *noch* (50), *где* (79) – *wo* (96). Здесь отмечен один случай совпадения соответствий и по частотности: *там* (80) – *da* (80).

Отсутствуют в немецкой выборке соответствия русских *уже*, *даже*, *потом*, *как*, *когда*. Наоборот, в русской выборке не отмечены соответствия немецких *mehr* ‘больше’, *hier* ‘здесь’, *viel* ‘много’, *erst* ‘сначала’, *wieder* ‘снова, опять’.

В русской выборке отмечены 8 прилагательных (в немецкой одно прилагательное): *весь* (27), *такой* (40), *сам* (54), *новый* (73), *большой* (97) и др.

5. Проведенный анализ показал следующее: в число 100 наиболее частотных слов в немецком языке вошли слова, относящиеся ко всем частям речи, кроме междометий и числительных, в русском языке в выборке 100 представлены все части речи, кроме междометий.

5.1. Высокой частотностью отличаются в обеих выборках служебные слова: предлоги, союзы, частицы, в немецком языке – также артикли. Численный состав служебных слов ограничен, значительная часть их вошла в выборки 100.

5.2. Глаголы представлены наибольшим количеством единиц в немецкой выборке, в русском их число в три раза меньше, самыми частотными в немецком языке являются глаголы, функционирующие в основном не в качестве самостоятельных, а в качестве вспомогательных при образовании временных и залоговых форм смысловых глаголов (*haben, werden, sein*). В обе выборки 100 вошли большинство модальных глаголов, а также глаголы, обозначающие положение в пространстве, речь, движение, действие вообще (*tun, machen*). В русской выборке также присутствуют глаголы-эквиваленты немецким: *быть, иметь*; глаголы речи, модальные.

5.3. Местоимения составляют третью по численности часть речи в немецкой и первую в русской выборке, в неё вошли почти все личные (в русском – и притяжательные) местоимения, а также отдельные местоимения других разрядов.

5.4. В выборке отмечены 12 немецких и 9 русских наречий. Это, прежде всего, единицы, выражающие количественные и пространственные отношения, хотя сам состав единиц в обеих выборках в основном не совпадает.

5.5. Все 6 немецких имён существительных и 9 из 11 русских существительных выборки имеют абстрактные значения, три из них в обоих языках обозначают время и его отрезки.

5.6. Подавляющее большинство единиц в выборке 100 наиболее частотных слов являются: 1) односложными в немецком языке (исключение составляют 3 предлога, 2 местоимения и глаголы, представленные в списке в неопределённой форме), в русском языке – одно- или двусложными; 2) неизменяемыми на синхронном уровне, у них отсутствуют словообразовательные аффиксы.

5.7. Несмотря на то, что и в немецком, и в русском языках развито именное и глагольное словообразование при помощи аффиксов, в выборках 100 наиболее

частотных слов обоих языков практически отсутствуют производные слова с префиксами или суффиксами.

6. Гипотезы в отношении межъязыковых общений.

6.1. В число наиболее частотных слов входят:

– служебные слова (предлоги, союзы, частицы);

– модальные глаголы, глаголы речи, движения, действия вообще; глагола 'быть', 'иметь';

– некоторые абстрактные имена существительные, прежде всего наименования отрезков времени (день, время, год), а также некоторые другие, такие, как *рука, слово, дело*;

– личные и притяжательные местоимения;

– союз *и*;

– отрицательные частицы.

6.2. Если в языке есть артикли, то они являются высокочастотными.

6.3. В число наиболее частотных входят в основном одноморфемные слова.

6.4. Если в языке развито словообразование, то к числу наиболее частотных относятся в основном непроезводные слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калиушенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды / под ред. Л. Н. Ягуповой. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).
2. Недеялков В. П. Результативные конструкции в немецком языке и типология результатов: Избранные работы / отв. ред. Э. Генюшене. СПб: Нестор-История, 2017. 328 с.
3. Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Москва: Наука, 1980. Т. I. 783 с.
4. Русская грамматика: научные труды: в 2-х т. / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. 1996 с.
5. Eisenberg P. Das Wort. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2006. 520 S.
6. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1998. 888 S.
7. Grammatik der deutschen Sprache / Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. u.a. Berlin; New York: de Gruyter. Bd. 2. 1997. 735 S.
8. Kaeding F. W. Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1897-1898.
9. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten 419).
10. Morgan B. Q. German Frequency Word Book. New York: The Macmillan Company, 1928. 87 p.
11. Rosengren I. Ein Frequenzwörterbuch der deutschen Zeitungssprache. Gleerup/Lund 1972. Bd. 1. 1318 S.
12. Ruoff A. Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1981. 520 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1112 с.
2. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. Москва: Русский язык, 1977. 935 с.
3. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden. Verlag, 1998. 912 S.
4. Jones R., Tschirner E. A. Frequency Dictionary of German. Core vocabulary for learners. London and New York: Routledge, 2006. 200 p.

REFERENCES

1. Kaliuščenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoj tipologii k istoricheskoj lingvistike: Izbrannye trudy* [From linguistic typology to historic linguistics: Selectas] / pod red. L. N. Yagupova. Donetsk: DonNU. (Tipologičeskiye, sopostavitelnyye, diakhroničeskiye issledovaniya). (In Russ.).
2. Nedyalkov, V. P. (2017). *Rezultativnyye konstruksii v nemetskom yazyke i tipologiya rezultativov: Izbrannye trudy* [Resultative constructions in the German language and typology of resultatives: Selectas] / pod red. E. Geniušienė. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
3. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] / Shvedova N. Yu. (gl. red.). Moskva: Nauka, 1980. T. I. (In Russ.).
4. *Russkaya grammatika: nauchnyye trudy* [Russian grammar: scientific works]: v 2-*kh t.* / Shvedova N. Yu. (gl. red.). Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2005. (In Russ.).
5. Eisenberg, P. (2006). *Das Wort. Grundriss der deutschen Grammatik*. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler.
6. Engel, U. (1998). *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Groos.
7. *Grammatik der deutschen Sprache* / Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. u.a. Berlin; New York: de Gruyter, 1997. Bd. 2.
8. Kaeding, F. W. (1897-1898). *Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin.
9. Kaliuščenko, V. D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten 419).
10. Morgan, B. Q. (1928). *German Frequency Word Book*. New York. The Macmillan Company.
11. Rosengren, I. (1972). *Ein Frequenzwörterbuch der deutschen Zeitungssprache*. Glerup/Lund. Bd. 1.
12. Ruoff, A. (1981). *Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache*. Tübingen: Niemeyer.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Lyashevskaya, O. N., Sharov S. A. (2009). *Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency word book of the modern Russian language (based on the Russian National Corpus material)]. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
2. *Chastotnyy slovar russkogo yazyka* [Frequency word book of Russian language] / pod red. Zazorina L. N. Moskva: Russkiy yazyk, 1977. (In Russ.).
3. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden-Verlag, 1998.

4. Jones, R., Tschirner, E. A. (2006). *Frequency Dictionary of German. Core vocabulary for learners*. London and New York. Routledge.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: v.kaliushenko@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Kaliushchenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Germanic Philology Department (e-mail: v.kaliushenko@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 06 сентября 2021 г.

УДК 519.767.2:811.11:811.16:001.53

© 2021 П. К. Липанова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С КОНСТРУКЦИЕЙ «ВЫЗЫВАТЬ ВОСТОРГ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются семантические модели предложений с конструкцией «вызывать восторг» в английском, немецком и русском языках. Выражение каузирования эмоционального состояния является универсальным для трех изучаемых языков, однако проведенный анализ демонстрирует различия в частотности употребления семантических моделей, что свидетельствует о глубокой взаимосвязи семантики с национально-культурной спецификой изучаемых языков.

Ключевые слова: агент, антецедент, консеквент, каузативный глагол-связка, стимул, экспериенцер.

© 2021 P. K. Lipanova

SEMANTIC MODELS OF SENTENCES WITH CONSTRUCTION TO CAUSE EXCITEMENT IN COMPARATIVE ASPECT

The article deals with the semantic models of sentences with construction «to cause excitement» in the English, German and Russian languages. The manifestation of causation of an emotional state is universal for three languages under consideration; however, the analysis demonstrates differences in the frequency of the use of semantic models, which indicates a deep correlation between semantics and the national-cultural specifics of the studied languages.

Key words: agent, antecedent, consequent, causative linking verb, stimulus, experiencer.

1. Введение

Статья посвящена сопоставительному исследованию семантики предложений с глагольной каузативной конструкцией рус. *вызывать восторг* и её эквивалентами в английском языке *to cause excitement* и немецком языке *Begeisterung auslösen*. Каузативная ситуация представляет собой макроситуацию, состоящую из двух микроситуаций: каузирующей (антецедента) и каузируемой (консеквента), связанных между собой отношением причинения [Недялков, Сильницкий 1969: 6-7]. Семантическая модель каузативной ситуации строится по обобщенной схеме Ant – k – Con, где Ant – антецедент, k – каузативный глагол-связка, Con – консеквент.

Выражение каузирования эмоционального состояния является универсальным для трех изучаемых языков:

(1) англ. *Her performances [Ant] caused [k] excitement among people around the world [Con]. (R. Rogers) [BNC]* ‘Её выступления вызывали восторг у людей по всему миру’;

(2) нем. *Besonders freut es mich, daß unsere Rezepte [Ant] auch bei den Frauen in der Küche anhaltende Begeisterung [Con] ausgelöst haben [k] (Salzburger Nachrichten) [DRK]* ‘Мне

особенно приятно, что наши рецепты вызвали стойкий восторг среди женщин на кухне’;

(3) рус. Академия выпустила более 32 тысяч специалистов, профессиональная подготовка которых во все века [Ant] вызывала [к] восторг даже у врагов [Con] (Виктор Баранец) [НКРЯ].

Необходимость сопоставительного изучения выражения семантики эмоционального состояния в целом, и каузирования эмоционального состояния в частности, обуславливается тем, что даже на современном этапе развития лингвистики учёные продолжают расходиться во мнениях относительно универсальности эмоционального восприятия действительности, и, соответственно, языкового выражения такого восприятия в разноструктурных языках [Красавский, 2008: 28]. Моделирование семантической структуры глагольных конструкций позволяет эксплицитно представить способы выражения и соотношения их компонентов и выявить сходства и различия в семантических структурах высказываний с глагольными каузативными конструкциями [Красікова, 2006: 16].

Таким образом, **целью** данного исследования является выявление семантических моделей предложений с глагольными каузативными конструкциями англ. *to cause excitement*, нем. *Begeisterung auslösen*, рус. *вызывать восторг* и их сопоставительный анализ.

Материалом исследования послужили предложения с указанными глагольными каузативными конструкциями, отобранные из Национального корпуса английского языка [BNC] (25 предложений), Национального корпуса немецкого языка [DRK] (297 предложений) и Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (325 предложений).

2. Семантические модели предложений с глагольными каузативными конструкциями

2.1. Основные участники каузативной макроситуации

Одним из первых теорию семантических ролей выдвинул Чарльз Филлмор. Согласно его теории, набор возможных семантических ролей мог включать до 20 участников, таких как Агенс, Пациенс, Стимул, Экспериенцер и т. д. [Fillmore, 1968: 15].

Глобальному исследованию семантики посвящены труды Джона Лайонса, в которых затрагиваются не только вопросы определения границ семантических ролей участников коммуникативной ситуации, но и рассматриваются специфические особенности частных направлений семантики, таких как поведенческая семантика и логическая семантика [Lyons, 1977: 11-16].

В исследовании Дж. Лакоффа Агенс и Пациенс рассматриваются как семантические гиперроли. Несмотря на то, что конкретные компоненты толкования у разных глаголов,

предполагающих роль Пациенса, могут быть различны, общее у всех Пациенсов то, что участник подвергается воздействию и изменению [Lakoff, 1977: 54].

Большой вклад в исследование семантики в целом и каузативной семантики в частности внес Ю. Д. Апресян, который в своём монументальном труде «Лексическая семантика» выстроил систему семантических понятий [Апресян, 1995: 4], которая тесно связана с трудом И. А. Мельчука и А. К. Жолковского «Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст»», посвященным анализу глубинных и поверхностных синтаксических и семантических структур, которые закономерно перетекают одна в другую [Мельчук, 1974: 5].

Вопрос о том, можно ли приписывать семантические роли предикатным актантам, поднимается в работе В. С. Храковского «Семантика и синтаксис конструкций с предикативными актантами». При глаголах речи, мысли, памяти, знания, ощущения, представления, восприятия предикатные актанта в соответствии с классификацией Д. Ю. Апресяна выполняют роль содержания, а при глаголах эмоций и оценки – роль причины. Что касается грамматических глаголов, то они не называют конкретных ситуаций, и поэтому их предикатным актантам нельзя приписывать семантические роли [Храковский, 1981: 189].

Вслед за Ю. Д. Апресяном Р. Джакендофф дает семантическое определение большому числу вспомогательных ролей и подробно рассматривает основные роли – Агенса, Пациенса, Каузатора, Экспериенцера и других [Jackendoff, 1990: 41-50].

Исследования У. Крофта посвящены вопросу о роли семантического участника и соответствующей ему синтаксической позиции. Крофт также вводит понятие коммуникативного ранга – «места участника в иерархии степеней тематичности» [Croft, 1991: 195].

В работе Е. В. Падучевой дается описание продуктивных моделей семантической деривации, которое неизбежно затрагивает вопрос определения семантических ролей. Вслед за Ю. Д. Апресяном, Е. В. Падучева вводит такую семантическую роль как Средство, а Стимул в исследовании назван Причиной [Падучева, 2004: 54].

Изданная в 2006 году коллективная монография «Semantic Role Universals and Argument Linking» дает современный обзор подходов к определению семантических ролей и корреляции между языковой формой и ассоциативным значением [Semantic role universals, 2006: 6].

В данной работе в формировании семантических моделей участвуют следующие семантические роли и компоненты:

– агент (Ag) – одушевленный субъект, совершающий волевое действие и намеренно или ненамеренно каузирующий эмоциональное состояние [Fillmore, 1968: 27];

– стимул (Stim) – неодушевленный субъект, не совершающий волевого действия и ненамеренно каузирующий эмоциональное состояние [Fillmore, 1968: 29];

– экспериенцер (Exp) – одушевленный объект, испытующий смену эмоционального состояния [Fillmore, 1968: 47];

– компонент «каузирующее действие» (causative action – Act) – действие агента (Ag) или стимула (Stim), каузирующее эмоциональное состояние экспериенцера (Exp) [Jackendoff, 1990: 43];

– компонент «эмоциональное состояние» (emotional state – St-e), вызванное действием (Act) агента (Ag) или стимула (Stim).

Микроситуация антецедента (Ant) включает в себя семантическую роль агента или стимула и компонент «каузирующее действие»; микроситуация консеквента включает семантическую роль экспериенцера и компонент «эмоциональное состояние» [Апресян, 1998: 275].

Предикат k выражается в предложениях каузативными глаголами-связками: *to cause* в английском языке, *auslösen* в немецком языке и *вызывать* в русском языке, которые являются знаменательными глагольными нерезультативными связками, так как включают в себя только значение каузирования [Comry, 1985: 310]. Значение эмоционального состояния (St-e) в предложениях выражается эксплицитно при помощи эмотивных существительных: *excitement* в английском языке, *die Begeisterung* в немецком языке, *восторг* в русском языке [Ekman, 2018: 103].

Не всегда все участники каузативной ситуации имеют синтаксическое выражение в предложении («опущенные актаны») [Холодович, 1974: 32]. Если не все участники каузативной ситуации имеют выражение в предложении, тогда семантическая модель такого предложения будет называться семантически эллиптической [Недялков, Сильницкий, 1969: 7]:

(4) англ. *It was the first time professional ballet was seen in South Africa, and the performances [Stim] caused [k] much excitement [St-e] among locals [Exp] (J. Percival. Theatre in my blood: biography of John Cranko) [BNC] ‘Это был первый раз, когда в Южной Африке видели профессиональный балет, и выступления вызвали большой восторг среди местного населения’;*

(5) нем. *Donald Trump* [Ag] *hat in Amerikas rechtsextremer Szene* [Exp] *Begeisterung* [St-e] *ausgelöst* [k] (*Süddeutsche Zeitung*) [DRK] ‘Дональд Трамп вызвал восторг в крайне правой среде Америки’;

(6) рус. <...> *она* [Ag] *вызывала* [k] *восторг* [St-e] *у великого режиссера Фрэнка Капры и писателя Трумена Капоте* [Exp] <...> [НКРЯ].

В семантических моделях примеров (4), (5) и (6) опущен компонент «каузирующее действие» – Act∅Ex, следовательно модели этих предложений являются эллиптическими. Символ ∅Ex означает, что компонент модели существует, но не указан в предложении, и его можно восстановить из более широкого контекста [Падучева, 2004: 53].

Таблица. Семантические модели предложений с глагольными каузативными конструкциями типа глагол + существительное

№	Семантическая модель	Англ. яз.		Нем. яз.		Рус. яз.	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	(Ag – Act) – k – (St-e – Exp)	–	–	35	12	39	12
2.	(Ag – Act∅) – k – (St-e – Exp)	–	–	27	9	42	13
3.	(Ag – Act) – k – (St-e – Exp∅)	2	8	39	13	12	4
4.	(Ag – Act∅) – k – (St-e – Exp∅)	–	–	29	10	9	3
5.	(Stim – Act) – k – (St-e – Exp)	1	4	22	7	17	5
6.	(Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp)	6	24	63	21	120	37
7.	(Stim – Act) – k – (St-e – Exp∅)	4	16	18	6	6	2
8.	(Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp∅)	12	48	64	22	80	24
	<i>Всего</i>	<i>25</i>	<i>100</i>	<i>297</i>	<i>100</i>	<i>325</i>	<i>100</i>

В процессе анализа отобранного материала было выявлено 8 семантических моделей, две из которых полные, в четырех опущен один компонент, в двух опущены два компонента. Перечисленные модели имеют разную частоту употребления в исследуемых языках.

2.2. Семантические модели с агенсом (Ag)

2.2.1. Семантическая модель «антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp). Семантическая модель «антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp) представлена только в двух из трех исследуемых языков: немецком и русском.

В немецком языке было выявлено 35 предложений, описываемых данной семантической моделью (12% от общего числа проанализированных примеров на немецком языке), например:

(7) нем. *Hamburgs Ballettchef John Neumeier* (72) *hat mit seiner «Kameliendame» im Moskauer Bolschoi-Theater Begeisterung beim Publikum ausgelöst* (*Hamburger Morgenpost*)

[DRK] ‘72-летний руководитель балета из Гамбурга Джон Ноймайер вызвал восторг публики своей «Дамой с камелиями» в Большом театре Москвы’.

Семантическая модель примера (7) строится следующим образом: агенс (Ag) *Hamburgs Ballettchef John Neumeier (72)* ‘72-летний балетный руководитель из Гамбурга Джон Ноймайер’ *ausgelöst* ‘вызвал’ (каузативный глагол-связка – k) эмоциональное состояние (St-e) *Begeisterung* ‘восторг’ у экспериенцера (Exp) *Publikum* ‘публика’ своей постановкой (Act) «*Kameliendame*» ‘«Дама с камелиями»’: Ag – Act – St-e – Exp – k ⇒ (Ag – Act) – k – (St-e – Exp).

В русском языке данная семантическая модель была выявлена в 36 примерах (12% от общего числа проанализированных предложений на русском языке).

(8) рус. <...> *появление Михаэля Шумахера вызывает бурю восторга даже у местных журналистов (О. Чикирис) [НКРЯ].*

В предложении (8) агенс (Ag) *Михаэль Шумахер* совершает действие – *появление* (Act), чем *вызывает* (k) эмоцию (St-e) – *бурю восторга* у экспериенцера (Exp) – *местные журналисты*: Act – Ag – k – St-e – Exp ⇒ (Ag – Act) – k – (St-e – Exp).

Как видно из примеров (7) и (8), семантическая модель «антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp) является полной, так как все семантические роли и компоненты каузативной макроситуации имеют эксплицитное выражение на синтаксическом уровне.

2.2.2. Семантическая модель «неполный антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act∅) – k – (St-e – Exp). Семантическая модель «неполный антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act∅) – k – (St-e – Exp) представлена только в двух языках (немецком и русском) и не функционирует в английском языке.

Анализ отобранного материала на немецком языке выявил 27 предложений с данной семантической моделью (что составило 9% от общего числа примеров):

(9) нем. *Als «Akrobat» der Physik, der Chemie und der verschiedenen Ingenieurdisziplinen versucht Brinkmann seit Oktober 2004 bei Schülern Interesse zu wecken, Begeisterung auszulösen (Braunschweiger Zeitung) [DRK]* ‘Как «акробат» физики, химии и различных инженерных дисциплин, Бринкманн пытается вызвать интерес и восторг у школьников с октября 2004 года’.

Семантическая модель примера (9) строится следующим образом: агенс (Ag) *Brinkmann* ‘Бринкманн’ *versucht auszulösen* ‘пробует вызывать’ (k) эмоцию *Begeisterung* ‘восторг’ (St-e) у экспериенцера (Exp) – *Schülern* ‘школьников’. В предложении не упоминается действие, которое совершает агенс, чтобы достичь результата, то есть компонент Act (каузирующее

действие) опущен, но существует и может быть восстановлен из контекста (Act∅Ex):

$Ag - Act\emptyset Ex - k - St-e - Exp \Rightarrow (Ag - Act\emptyset Ex) - k - (St-e - Exp)$.

В русском языке было выявлено 42 предложения с данной семантической моделью (13% от общего числа проанализированных примеров на русском языке):

(10) рус. *Но показалось, что танцоры вызывали у публики все же больший восторг (Комсомольская правда, Ярослав Коробатов) [НКРЯ].*

В примере (10) агенс *танцоры* (Ag) совершал действие, указание на которое содержится в семантике самого существительного, то есть компонент «каузирующее действие» выражен имплицитно – Act∅impl, чем *вызывали* (k) *восторг* (St-e) у экспериенцера *публики* (Exp). Семантическая модель данного предложения выглядит следующим образом: $Ag - Act\emptyset impl - k - Exp - St-e \Rightarrow (Ag - Act\emptyset Ex) - k - (St-e - Exp)$.

Предложения (9) и (10) являются примерами семантических моделей с одним опущенным компонентом (каузирующее действие – Act∅), входящий в состав микроситуации антецедента.

2.2.3. Семантическая модель «антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp∅). Предложения с данной семантической моделью представлены во всех трёх исследуемых языках, но проявляют разную частотность.

Анализ англоязычного материала выявил два примера с семантической моделью «антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp∅):

(11) *His few short visits to the village caused great excitement (Michelle Magorian. Goodnight Mister Tom) [BNC] ‘Его короткие визиты в деревню вызывали огромный восторг’.*

Предложение в примере (11) строится по следующей семантической модели: агенс (Ag) *he* ‘он’ совершал конкретное действие – *visited village* ‘посещал деревню’ (Act), тем самым вызывая (*caused* – k) эмоциональный отклик – *excitement* ‘восторг’ (St-e). В предложении нет эксплицитного указания на экспериенцера, то есть нельзя с уверенностью утверждать, у кого именно в деревне визиты героя вызывали восторг, однако данная информация может быть восполнена из более широкого контекста (Exp∅Ex). Таким образом, семантическая модель предложения (11) строится по следующей схеме: $Ag - Act - k - St_e - Exp\emptyset Ex \Rightarrow (Ag - Act) - k - (St_e - Exp\emptyset Ex)$.

В немецком языке было выявлено 39 предложений с семантической моделью «антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act) – k – (St_e – Exp∅) (13% от общего числа проанализированных примеров на немецком языке):

(12) нем. *Evans hatte mit dem in Indonesien entstandenen Actionfilm "The Raid" und einer Fortsetzung Begeisterung ausgelöst <...> (Spiegel-Online) [DRK] 'Эванс вызвал восторг благодаря снятому в Индонезии боевику «Рейд» и его сиквелу <...>'*.

Семантическая модель примера (12) строится следующим образом: агент (Ag) *Evans* 'Эванс' снял в Индонезии боевик «Рейд» и продолжение к нему (*in Indonesien entstandenen Actionfilm «The Raid» und einer Fortsetzung*) – компонент «каузирующее действие» в семантической модели (Act), тем самым вызвал (*ausgelöst* – k) эмоциональную реакцию *Begeisterung* 'восторг' (St-e). При этом актанта экспериенцера выражен имплицитно, так как контекстуально понятно, что речь идет о людях, которые посмотрели фильм (ExpØimpl): Ag – Act – St-e – k – ExpØimpl ⇒ (Ag – Act) – k – (St-e – ExpØimpl).

Анализ отобранного материала выявил 12 предложений с семантической моделью «антецедент с агентом – неполный консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – ExpØ) в русском языке (4% от общего числа проанализированных примеров):

(13) рус. *Обозреватель японского журнала «Новая волна», услышав оркестр Федосеева, отметил, что его игра с первых звуков вызывает восторг (Труд-7, Ольга Малевич) [НКРЯ]*.

В примере (13) агентом (Ag) ситуации-антецедента выступает *оркестр Федосеева*, однако в придаточном предложении, которое выражает каузативную макроситуацию, точное указание на агент заменено личным местоимением *он*. Таким образом, агент в предложении (13) имеет форму *он* – *оркестр Федосеева*, действие агента (Act) – *его* (оркестра) *игра*, *вызывает* – каузативный глагол-связка (k), *восторг* – каузируемое эмоциональное состояние (St-e), экспериенцера не выражен эксплицитно, но подразумевает любого, кто услышит игру оркестра (ExpØ∀): Ag – Act – k – St-e – ExpØ∀ ⇒ (Ag – Act) – k – (St-e – ExpØ∀).

Предложения (11), (12) и (13) являются примерами семантической модели с одним опущенным компонентом (экспериенцера – ExpØ) в микроситуации консеквента, но общая семантика предложения позволяет довольно точно идентифицировать экспериенцера – жители деревни (11), публика (12), (13).

2.2.3. Семантическая модель «неполный антецедент с агентом – неполный консеквент» (Ag – ActØ) – k – (St-e – ExpØ). Семантическая модель «неполный антецедент с агентом – неполный консеквент» (Ag – ActØ) – k – (St-e – ExpØ) представлена только в двух языках (немецком и русском) и не была обнаружена в английском языке.

Анализ отобранного материала выявил 29 примеров предложений с данной семантической моделью в немецком языке (10% от общего числа примеров):

(14) нем. *Wenn die Niederländer ihr königliches Paar für einen Staatsbesuch «ausleihen», beobachten sie sehr aufmerksam, wie viel Begeisterung Willem-Alexander und Máxima auslösen (Nürnberger Nachrichten) [DRK]* ‘Когда голландцы «одалживают» свою королевскую чету для государственного визита, они очень внимательно следят за степенью восторга, который вызывают Виллем-Александр и Максима’.

В примере (14) каузативная макроситуация выражена вторым придаточным предложением. Агеном (Ag) выступает *Willem-Alexander und Máxima* ‘Виллем-Александр и Максима’, *auslösen* ‘вызывает’ – каузативный глагол-связка (k), а *Begeisterung* ‘восторг’ – эмоциональное состояние (St-e). При этом в примере нет указания на то, какое действие совершает агенс (Act \emptyset), а экспериенцер опущен, но может быть восстановлен из контекста – королевская чета вызывает восторг у граждан тех стран, которые они посещают (Exp \emptyset Ex). Семантическая модель примера (14) выглядит следующим образом: St-e – Ag – k – Act \emptyset – Exp \emptyset Ex \Rightarrow (Ag – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset Ex).

В русском языке было выявлено 9 предложений с семантической моделью «неполный антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset) (3% от общего числа проанализированных примеров на русском языке):

(15) *Наибольшие восторги вызывает украинская участница Джамала <...> (Комсомольская правда, Елена Лантева) [НКРЯ].*

Предложение (15) строится по следующей модели: агенс *украинская участница Джамала* (Ag) *вызывает* – каузативный глагол-связка (k) эмоциональное состояние *восторг* (St-e), при этом компонент «каузирующее действие» (Act \emptyset impl) и семантическая роль экспериенцера (Exp \emptyset impl) выражены в предложении имплицитно: Джамала вызывает у зрителей (Exp) конкурса восторг своим пением (Act). Таким образом, семантическая модель предложения (15) следующая: St-e – k – Ag – Act \emptyset impl – Exp \emptyset impl \Rightarrow (Ag – Act \emptyset impl) – k – (St-e – Exp \emptyset impl).

Примеры (14) и (15) являются эллиптическими, так как в их семантических моделях отсутствуют два компонента – «каузирующее действие» в антецеденте и семантическая роль экспериенцера в консеквенте.

Незначительное количество примеров употребления антецедента с агенсом в английском языке может частично объясняться экстралингвистическими особенностями английского языка: как показывают исследования (A. Wierzbicka, W. G. Parrott, R. H. Plutchik), носители английского языка, в особенности британского варианта, не склонны эксплицитно выражать свои эмоции. Для британского менталитета яркое

проявление эмоциональности неприемлемо с точки зрения социальных норм [Parrott, 2018: 56]. Эмоциональная сдержанность неизбежно ведет к сокращению лексических средств выражения эмоционального состояния, особенно такого яркого и глубоко чувства, как восторг [Wierzbicka, 1999: 211].

2.3. Семантические модели со стимулом

2.3.1. Семантическая модель «антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp). Предложения с семантической моделью «антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp) встречаются во всех трех исследуемых языках.

В английском языке встретилось одно предложение, описываемое данной моделью:

(16) англ. *The idea of being received at court for the first time since the childhood marriage, at first caused Anne much excitement (Philippa Wiat. The child bride) [BNC]* ‘Мысль о том, что ее примут при дворе впервые после детского брака, поначалу вызвала у Анны массу восторгов’.

В примере (16) неодушевленный стимул (Stim) выражен в предложении существительным *the idea* ‘мысль’, «каузирующим действием» выступает партиципная конструкция *being received at court for the first time since the childhood marriage* ‘ее примут при дворе впервые после детского брака’ (Act). У героини может быть множество мыслей, но именно эта вызывает (*caused* – k) эмоциональный отклик – *excitement* ‘восторг’ (St-e) у экспериенцера (Exp) *Anne* ‘Анна’. Семантическая модель примера (16) следующая: Stim – Act – k – Exp – St-e ⇒ (Stim – Act) – k – (St-e – Exp).

В немецком языке было выявлено 22 примера конструкций, описываемых семантической моделью «антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp) (7% от общего числа проанализированных примеров на немецком языке), например:

(17) нем. *Eigens produzierte Recaro-Sitze in hellgrauem Alcantara-Leder und Verzierungen durch Crazy Colors trugen dazu bei, dass das Comeback des BMW 2013 auf den Treffen Begeisterung auslöste (Rhein-Zeitung) [DRK]* ‘Специально изготовленные сиденья Recaro из светло-серой кожи Alcantara и украшения Crazy Colors способствовали тому, что возвращение BMW 2013 вызвало восторг на встрече’.

В примере (17) каузативную макроситуацию выражает придаточное предложение. Стимулом (Stim) выступает автомобильная компания *BMW*, а каузирующим действием (Act) – ее *das Comeback* ‘возвращение’ (эмоциональное состояние каузирует не сама компания, а именно ее возвращение на рынок с новой маркой автомобиля). Экспериенцером (Exp) в примере (17) выступает существительное *Treffen* ‘встреча’, под которым подразумеваются люди, присутствующие на этой встрече (метонимический перенос

«место → люди, которые находятся в этом месте»). Семантическая модель примера (17) выглядит следующим образом: Act – Stim – Exp – St-e – k ⇒ (Stim – Act) – k – (St-e – Exp).

В русском языке было выявлено 17 предложений с семантической моделью «антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp) (5% от общего числа проанализированных примеров на русском языке):

(18) рус. *И на мероприятиях «Черешневого леса» воссоздаются приятные детали прошлых эпох, вызывающие у меня восторг <...> (Известия, Ольга Завьялова) [НКРЯ].*

В предложении (18) стимулом выступают *приятные детали прошлых эпох* (Stim), которые *на мероприятиях «Черешневого леса» воссоздаются* (каузирующее действие – Act), а экспериенцером является автор *у меня* (Exp): Act – Stim – k – Exp – St-e ⇒ (Stim – Act) – k – (St-e – Exp).

Предложения (16), (17) и (18) являются примерами полных семантических моделей, так как в них присутствуют все основные семантические компоненты: стимул, каузирующее действие, эмоциональное состояние и экспериенцер.

2.3.2. Семантическая модель «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp). Семантическая модель «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp) была обнаружена во всех трех исследуемых языках.

Анализ отобранного материала выявил 6 предложений с данной семантической моделью в английском языке (24% от общего числа примеров):

(19) англ. *The find is causing excitement across the Atlantic (Daily Telegraph) [BNC]* ‘Находка вызывает восторг по всей Атлантике’.

В примере (19) стимул выражен неодушевленным существительным *the find* ‘находка’, а каузирующее действие (Act∅Ex) отпущено (в предложении нет указания на то, почему находка вызывает восторг), но может быть восстановлено из контекста. Экспериенцер выражен именем собственным *the Atlantic* ‘Атлантика’ и подразумевает граждан тех стран, которые омываются акваторией Атлантического океана (метонимический перенос «страна → граждане страны»). Таким образом, пример (19) имеет следующую семантическую модель: Stim – Act∅Ex – k – St-e – Exp ⇒ (Stim – Act∅Ex) – k – (St-e – Exp).

В немецком языке было выявлено 63 примера предложений с семантической моделью «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp) (21% от общего числа примеров на немецком языке):

(20) нем. *Der Plan des Preisbrechers wird unter Autobesitzern wohl Begeisterung auslösen (Kleine Zeitung) [DRK]* ‘План снижения цен, вероятно, вызовет восторг среди автовладельцев’.

В примере (20) стимул (Stim) *der Plan des Preisbrechers* ‘план снижения цен’ вызывает эмоциональный отклик у экспериенцера (Exp) *Autobesitzern* ‘автовладельцы’, при этом в предложении нет информации относительно действий, совершенных над стимулом, то есть опущен компонент «каузирующее действие» (Act∅). Таким образом, семантическая модель предложения (20) стоит так: Stim – Act∅ – Exp – St-e – k ⇒ (Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp).

В русском языке было выявлено 120 примеров предложений с семантической моделью «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp) (37% от общего числа примеров на русском языке):

(21) рус. *Они [руины] вызывают особый восторг у маленьких туристов (lenta.ru, Вероника Гудкова) [НКРЯ]*.

В примере (21) стимулом выступает личное местоимение *они*, под которым подразумеваются руины древнего города (Stim), экспериенцер – *маленькие туристы* (Exp), а компонент «каузирующее действие» опущен (Act∅), так как никакой дополнительной информации о стимуле в предложении нет: Stim – Act∅ – k – St-e – Exp ⇒ (Stim – Act∅) – k – (St-e – Exp).

Предложения (19), (20) и (21) являются примерами семантических моделей, в которых отсутствует только один компонент – каузирующее действие (Act) в микроситуации антецедента.

2.3.3. Семантическая модель «антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp∅). Семантическая модель «антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp∅) встречается во всех трех исследуемых языках.

Анализ англоязычного материала выявил 4 предложения с данной семантической моделью (16% от общего числа примеров на английском языке):

(22) англ. *Recently, this full-length terracotta Madonna 127 cm high, was sent for conservation and the discovery that it was by the great sculptor Jacopo della Quercia was made, which has caused all the more excitement because it was completely unexpected (The Art Newspaper) [BNC]* ‘Недавно эта терракотовая Мадонна в полный рост высотой 127 см была отправлена на консервацию, и было сделано открытие, что она принадлежит великому скульптору Якопо делла Кверчия, что вызвало еще больший восторг, потому что это было совершенно неожиданно’.

В примере (22) стимулом (Stim) выступает *the discovery* ‘открытие’, а каузирующим действием (Act) – уточнение, какое именно открытие было совершено (скульптура *it was by the great sculptor Jacopo della Quercia* ‘принадлежит великому скульптору Якопо делла Кверчия’). Именно это открытие (а не какое-то другое, связанное со скульптурой) вызвало (*caused* – k) эмоциональную реакцию – *excitement* ‘восторг’. В предложении нет указания на то, у кого именно было каузировано эмоциональное состояние, но имплицитно понятно, что речь идет об учёных и людях, которые занимаются изучением произведений искусства (ExpØimpl): $s_{stim} - Act - k - St-e - Exp\emptyset impl \Rightarrow (Stim - Act) - k - (St-e - Exp\emptyset impl)$.

Анализ отобранного материала на немецком языке выявил 18 предложений с семантической моделью «антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – ExpØ) (6% от общего числа проанализированных предложений на немецком языке):

(23) нем. *Erstaunlich ist, daß der Retrofuturismus, wo er in Restaurant-, Hotel- und Autodesign auftaucht, meist eine überkandidelte, dem Gegenstand völlig unangemessene Begeisterung auslöst* <...> (*Spiegel-Online*) [DRK] ‘Удивительно, что ретрофутуризм, проявляющийся в дизайне ресторанов, отелей и автомобилей, обычно вызывает чрезмерный, совершенно неуместный восторг по отношению к объекту <...>’.

В примере (23) стимул (Stim) выражен существительным *der Retrofuturismus* ‘ретрофутуризм’, который *in Restaurant-, Hotel- und Autodesign auftauchen* ‘проявляется в дизайне ресторанов, отелей и автомобилей’ (каузирующее действие – Act), при этом в предложении отсутствует эксплицитное выражение экспериенцера, который, вероятно, относится ко всем людям в целом, а не к какой-то конкретной группе людей (ExpØ∇): $Stim - Act - St-e - k - Exp\emptyset\forall \Rightarrow (Stim - Act) - k - (St-e - Exp\emptyset\forall)$.

Анализ отобранного материала на русском языке выявил 6 примеров с семантической моделью «антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – ExpØ) (2% от общего числа проанализированных примеров на русском языке):

(24) рус. *Любовь, которая преодолевает все препятствия, вызывает уважение, зависть, восторг* (*Труд-7, Сергей Кудряшев*) [НКРЯ].

В примере (24) стимул выражен существительным *любовь*, а придаточное предложение *которая преодолевает все препятствия* является каузирующим действием (Act). Экспериенцер в примере (24) опущен, но относится ко всем людям в целом (ExpØ∇), что представляет семантическую модель предложения в следующем виде: $Stim - Act - k - St-e - Exp\emptyset\forall \Rightarrow (Stim - Act) - k - (St-e - Exp\emptyset\forall)$.

Предложения (22), (23) и (24) являются примерами семантической модели с одним опущенным компонентом (экспериенцер – $\text{Exp}\emptyset$) в микроситуации консеквента, который бывает выражен имплицитно (учёные в примере (22)) или относится ко всем людям в целом (примеры (23), (24)).

2.3.4. Семантическая модель «неполный antecedent со стимулом – неполный консеквент» ($\text{Stim} - \text{Act}\emptyset - k - (\text{St-e} - \text{Exp}\emptyset)$). Семантическая модель «неполный antecedent со стимулом – неполный консеквент» ($\text{Stim} - \text{Act}\emptyset - k - (\text{St-e} - \text{Exp}\emptyset)$) была выявлена во всех трех исследуемых языках.

Анализ англоязычного материала выявил 12 предложений с данной семантической моделью (48% от общего числа примеров на английском языке):

(25) англ. *This caused great excitement (Barry Turner. And the policeman smiled) [BNC]* ‘Это вызвало бурю восторга’.

В примере (25) эксплицитно выражены только три компонента из пяти: стимул выражен указательным местоимением *this* ‘это’ (Stim); каузативный глагол-связка – *caused* ‘вызвало’ (k); эмоциональное состояние – *excitement* ‘восторг’ (St-e). Компоненты «каузирующее действие» ($\text{Act}\emptyset\text{Ex}$) и семантическая роль экспериенцера ($\text{Exp}\emptyset\text{Ex}$) опущены, так как в предложении нет указаний на действие стимула и на лицо или группу лиц, которые испытали смену эмоционального состояния, но могут быть восстановлены из контекста. Семантическая модель примера (25) выглядит следующим образом: $\text{Stim} - \text{Act}\emptyset\text{Ex} - k - \text{St-e} - \text{Exp}\emptyset\text{Ex} \Rightarrow (\text{Stim} - \text{Act}\emptyset\text{Ex}) - k - (\text{St-e} - \text{Exp}\emptyset\text{Ex})$.

Анализ отобранного материала на немецком языке выявил 64 предложения с семантической моделью «неполный antecedent со стимулом – неполный консеквент» ($\text{Stim} - \text{Act}\emptyset - k - (\text{St-e} - \text{Exp}\emptyset)$) (22% от общего числа примеров на немецком языке):

(26) нем. *Da der Umzug auch heuer wieder große Begeisterung auslöste, soll er in den kommenden Jahren ein fixer Bestandteil des Faschingstreibens in Reutte sein (Tiroler Tageszeitung) [DRK]* ‘Поскольку этот шаг снова вызвал большой восторг в этом году, он должен стать неотъемлемой частью карнавала в Ройтте в ближайшие годы’.

В примере (26) каузативная макроситуация выражена придаточным предложением причины, в котором существительное *der Umzug* ‘шаг’ выражает стимул (Stim), компонент «каузирующее действие» опущен, но может быть восстановлен из контекста ($\text{Act}\emptyset\text{Ex}$), глагол *auslöste* ‘вызвал’ в прошедшем времени выражает каузативную связку (k), а существительное *Begeisterung* ‘восторг’ – эмоциональное состояние (St-e) экспериенцера, который в предложении выражен имплицитно и подразумевает людей, посетивших карнавал

$(Exp\emptyset Impl): Stim - Act\emptyset Ex - St-e - k - Exp\emptyset Impl \Rightarrow (Stim - Act\emptyset Ex) - k - (St-e - Exp\emptyset Impl)$.

Анализ отобранного материала на русском языке выявил 80 предложений с семантической моделью «неполный антецедент со стимулом – неполный консеквент» $(Stim - Act\emptyset) - k - (St-e - Exp\emptyset)$ (24% от общего числа примеров на русском языке):

(27) рус. *На самом приятном участке маршрута — извилистых горных дорогах — управление электрокаром тоже вызывает сплошной восторг* (*lenta.ru, Полина Девр*) [НКРЯ].

В примере (27) опущены два компонента – каузирующее действие ($Act\emptyset$) и экспериенцер ($Exp\emptyset Impl$), который выражен имплицитно и подразумевает того человека, который управляет электрокаром. Стимул в примере (27) выражен словосочетанием *управление электрокаром* ($Stim$), глагол *вызывает* выступает в качестве каузативного глагола-связки (k), а существительное *восторг* – компонентом эмоционального состояния ($St-e$): $Stim - Act\emptyset - k - St-e - Exp\emptyset Impl \Rightarrow (Stim - Act\emptyset) - k - (St-e - Exp\emptyset Impl)$.

Предложения (25), (26) и (27) являются примерами семантических моделей, в которых отсутствуют два компонента – каузирующее действие в антецеденте и экспериенцер в консеквенте. При этом компонент «каузирующее состояние» может не иметь имплицитного выражения (пример (27)), а экспериенцер может быть восстановлен из контекста (25) или выражен имплицитно (26), (27).

3. Выводы

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

3.1. В исследованном материале, в который вошли предложения с глагольной каузативной конструкцией рус. *вызывать восторг* и ее эквивалентами в английском языке *to cause excitement* и немецком языке *Begeisterung auslösen*, отмечены 8 типов семантических моделей (см. табл.).

В семантические модели входят семантические роли агенса (Ag), стимула ($Stim$) и экспериенцера (Exp), а также компоненты «каузирующее действие» (Act) и «эмоциональное состояние» ($St-e$). Указанные семантические роли и компоненты формируют каузативную макроситуацию, состоящую из двух микроситуаций: антецедента (в который входят агент (Ag) или стимул ($Stim$) и компонент «каузирующее действие» (Act)) и консеквента (в который входят экспериенцер (Exp) и компонент «эмоциональное состояние» ($St-e$)). Антецедент и консеквент объединены глагольной каузативной связкой (k).

Такие семантические роли, как агент (Ag) / стимул ($Stim$) и компонент «эмоциональное состояние» ($St-e$) являются ключевыми и наряду с каузативным глаголом-связкой (k)

формируют каузативную макроситуацию. В связи с этим данные компоненты всегда присутствуют в предложениях с указанной глагольной каузативной конструкцией.

3.2. Две модели из 8 приведенных являются полными, то есть в них присутствуют все указанные компоненты: модель номер 1 «антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp) и модель номер 5 «антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp) (см. табл.).

Оставшиеся шесть моделей считаются эллиптическими, так как в них могут отсутствовать компонент «каузирующее действие (Act \emptyset)» или семантическая роль экспериенцера (Exp \emptyset). Отсутствовать могут также оба компонента.

В моделях номер 2 «неполный антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp) и номер 6 «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp) опускается такой компонент, как «каузирующее действие» (Act \emptyset). В моделях номер 3 «антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp \emptyset) и номер 7 «антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act) – k – (St-e – Exp \emptyset) опускается семантическая роль экспериенцера (Exp \emptyset). В моделях номер 4 «неполный антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset) и номер 8 «неполный антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset) опускаются два компонента: «каузирующее действие» (Act \emptyset) и экспериенцер (Exp \emptyset).

3.3. Опущенные компоненты могут иметь имплицитное выражение в рамках предложения или восстанавливаться из контекста:

– компонент «каузирующее действие» выражен имплицитно – см. примеры (10), (15);

– семантическая роль экспериенцера выражена имплицитно – см. примеры (12), (13), (15), (22), (23), (24), (26), (27);

– компонент «каузирующее действие» может быть восстановлен из контекста – см. примеры (9), (19), (25), (26);

– семантическая роль экспериенцера может быть восстановлена из контекста – см. примеры (11), (14), (25).

3.4. В английском и немецком языках модель номер 8 «неполный антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset) является самой продуктивной (см. подпункт 2.3.4.). Второй по продуктивности семантической моделью в английском и немецком языках является модель номер 6 «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp) (см. подпункт 2.3.2.).

В русском языке наиболее продуктивной семантической моделью является модель номер 6 «неполный антецедент со стимулом – консеквент» (Stim – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp), а модель номер 8 «неполный антецедент со стимулом – неполный консеквент» (Stim – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset) находится на втором месте по продуктивности.

Таким образом, можно утверждать, что модели номер 6 и номер 8 являются наиболее продуктивными во всех трёх языках.

3.5. В английском языке не отмечены следующие семантические модели: номер 1 «антецедент с агенсом – консеквент» (Ag – Act) – k – (St-e – Exp), номер 2 (Ag – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp) «неполный антецедент с агенсом – консеквент» и номер 4 «неполный антецедент с агенсом – неполный консеквент» (Ag – Act \emptyset) – k – (St-e – Exp \emptyset). Это, а также большое различие в количестве примеров на английском языке по сравнению с немецким и русским языками может частично объясняться низкой продуктивностью конструкции *to cause excitement*, так как она выражает сильную эмоцию (восторг), а носители английского языка (особенно британцы) традиционно не склонны эксплицитно выражать свои чувства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. I. Лексическая семантика. 472 с.
2. Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского / отв. ред. Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 273-281.
3. Красікова М. Б. Діатези віддієслівних іменників у сучасній англійській мові: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Донецьк, 2006. 220 с.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Москва: Гнозис, 2008. 373 с.
5. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». Москва: Наука, 1974. Ч. 1. Семантика, синтаксис. 315 с.
6. Недеялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. 311 с.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
8. Холодович А. А. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Москва: Наука, 1974. 383 с.
9. Храковский В. С. Семантика и синтаксис конструкций с предикативными актантами. Ленинград: Наука. 1981. 232 с.
10. Croft W. Dimensional models of event structure and verbal semantics // *Theoretical Linguistics*. 2012. 38(3-4). P. 195-203.

11. Comry B. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // *Language Typology and Linguistic Description*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Vol. III, Grammatical categories and the lexicon. P. 309-348.
12. Ekman P. *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. Oxford: Oxford University Press. 2018. 560 p.
13. Fillmore Ch. J. The case for case // *Universals in Linguistic Theory*. N. Y., 1968. P. 1-90.
14. Jackendoff R. S. *Semantic Structures*. Cambridge etc.: MIT Press, 1990. 322 p.
15. Lakoff G. *Linguistic gestalts* // *Papers from the 13th Regional Meeting Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1977. P. 350-368.
16. Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge University Press. 1977. 359 p.
17. *Semantic role universals and argument linking: theoretical, typological, and psycholinguistic perspectives* / ed. by Ina Bornkessel ... [et al.]. Berlin, New York. 2006. 373 p.
18. Plutchik R. H. Emotions and their nature // *American Scientist*. 2001. Vol. 89. No. 4. P. 344-350.
19. Parrott W. G. *Emotions in Social Psychology: Essential Readings*. Psychology Press. 2018. 378 p.
20. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge University Press, 1999. 361 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new/>. (дата обращения 26.08.2021). [НКРЯ].
2. British National Corpus. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (дата обращения: 12.08.2021). [BNC].
3. Das Deutsche Referenzkorpus. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (дата обращения: 07.08.2021). [DRK].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury», Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. T. I. Leksicheskaya semantika. (In Russ.).
2. Apresyan, Yu. D. (1998). *Kauzativy ili konversivy?* [Causative or Reflexive?]. In *Tipologiya. Grammatika. Semantika: K 65-letiyu Viktora Samuilovicha Khrakovskogo* / otv. red. N. A. Kozintseva, A. K. Ogloblin. Sankt-Peterburg: Nauka. Pp. 273-281. (In Russ.).
3. Krasikova, M. B. (2006). *Diatezy viddieslivnykh imennykh u suchasniy angliyskiy movi* [Diathesis of verbal nouns in modern English]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Donetsk. (In Ukr.).
4. Krasavskiy, N. A. (2008). *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
5. Melchuk, I. A. (1974). *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ⇔ Tekst»*. [Experience in the theory of linguistic models «Meaning ⇔ Text»]. Moskva: Nauka. Ch. 1. Semantika, sintaksis. (In Russ.).
6. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskij kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
7. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in words semantics]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
8. Kholodovich, A. A. (1974). *Tipologiya passivnykh konstruksiy. Diatezy i zalogi* [Typology of passive structures. Diathesis and Voices]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Khrakovskiy, V. S. (1981). *Semantika i sintaksis konstruksii s predikativnymi aktantami* [Semantics and syntax of constructs with predicative actants]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

10. Croft, W. (2012). Dimensional models of event structure and verbal semantics. In *Theoretical Linguistics*. 38(3-4). Pp. 195-203.
11. Comry, B. (1985). Causative verb formation and other verb-deriving morphology. In *Language Typology and Linguistic Description*. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. III, Grammatical categories and the lexicon. Pp. 309-348.
12. Ekman, P. (2018). *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. Oxford: Oxford University Press.
13. Fillmore, Ch. J. (1968). The case for case. In *Universals in Linguistic Theory*. N. Y. Pp. 1-90.
14. Jackendoff, R. S. (1990). *Semntic Structures*. Cambridge etc.: MIT Press.
15. Lakoff, G. (1977). Linguistic gestalts. In *Papers from the 13th Regional Meeting Chicago Linguistic Society*. Chicago. Pp. 350-368.
16. Lyons, J. (1977). *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge University Press.
17. *Semantic role universals and argument linking: theoretical, typological, and psycholinguistic perspectives* / ed. by Ina Bornkessel ... [et al.]. Berlin, New York, 2006.
18. Plutchik, R. H. (2001). Emotions and their nature. In *American Scientist*. Vol. 89. No. 4. Pp. 344-350.
19. Parrott, W. G. (2018). *Emotions in Social Psychology: Essential Readings*. Psychology Press.
20. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge University Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/>. (accessed: 26.08.2021). (In Russ.)
2. *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (accessed: 12.08.2021).
3. *Das Deutsche Referenzkorpus – DRK*. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 07.08.2021).

Липанова Полина Константиновна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: lipanova.polina@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Lipanova Polina K. – Post Graduate student of Germanic Philology Department (e-mail: lipanova.polina@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 30 августа 2021 г.

МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX-XXI ВВ.

Статья посвящена описанию методики лингвистического исследования особенностей американского политического дискурса XX–XXI ст. на материале публичных выступлений американских президентов. Национальный политический дискурс рассматривается как целенаправленная межличностная речевая деятельность в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов ее организации и динамики функционирования на разных исторических этапах. Разрабатывается новый комплексный подход к изучению данного вида дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с позиций лингвокогнитивного и коммуникативного подходов в контексте исторической эпохи как особой специфической идеологически и национально-исторически обусловленной ментальности, которая служит передаче знания от одного поколения к другому.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический язык, политическая коммуникация, дискурсообразующий концепт, национально-маркированный концепт, концептуальная метафора, коммуникативные стратегии и тактики.*

© 2021 I. V. Fatyanova

METHOD OF LINGUISTIC ANALYSIS PROCEDURE OF LINGUO-COGNITIVE AND COMMUNICATIVE FEATURES OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF XX-XXI-ST CENTURIES

The article addresses a comprehensive study of the American political discourse of the XX-XXI-st centuries based on public speeches of the American presidents. The national political discourse is considered as a purposeful interpersonal speech activity in the aggregate of linguistic and extralinguistic factors of its organization and dynamics of functioning at different historical stages. A new comprehensive approach to the study of the American political discourse is being developed within the framework of the cognitive-discursive paradigm from the standpoint of linguo-cognitive and communicative approaches in the context of the historical era as a specific ideologically and nationally-historically determined mentality that serves to transfer knowledge from one generation to another.

Key words: *political discourse, political language, political communication, key concept, key national concept, conceptual metaphor, communicative strategies and tactics.*

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена описанию методики комплексного исследования американского политического дискурса XX–XXI ст. на материале публичных выступлений президентов США.

К настоящему времени опубликован ряд фундаментальных трудов по теории дискурса, среди которых следует отметить работы российских и зарубежных ученых:

Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, М. Л. Макарова, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова, Дж. Браун и Дж. Юл, Р. Водак, Т. ван Дейка, Г. Кресса, Р. Ходжа, Д. Шифрина, Н. Фэрклоу и др. Различным аспектам политического дискурса (далее – ПД) посвящено большое количество публикаций [Бессонова, Госсар, 2019; Гайкова, 2003; Герасимов, Ильин, 2002; Дейк, 2000; Демьянков, 2002; Карасик, 2002; Шейгал, 2004]. В частности, опубликован ряд научных трудов, в которых обобщается вклад разных идейных течений, школ и отдельных ученых в разработку общей теории ПД и изучение конкретных его видов. Среди работ, сфокусированных на исследовании данной проблематики, следует отметить публикации В. Н. Базылева, М. В. Гавриловой, В. И. Герасимова, В. З. Демьянкова, М. В. Ильина, Е. И. Шейгал, Т. ван Дейка, П. Чилтона, К. Шаффнер.

В контексте выбора релевантной методики и методов исследования интерес представляют труды А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, И. М. Кобозевой, Ю. Н. Караулова, А. П. Чудинова, посвященные тематическому анализу ПД. Ученые уделяют особое внимание исследованию метафор и стереотипов, лежащих в основе определенных политических убеждений. Еще одну группу исследований составляют работы, направленные на изучение персонального дискурса политиков. Значительное количество современных исследований ПД посвящено выявлению его манипулятивных свойств, реализуемых с помощью использования определенных коммуникативных стратегий и тактик. Вопросам выявления речевых стратегий, реализуемых в ПД, занимаются Ю. М. Иванова, О. С. Иссерс, Е. В. Горина, Э. А. Лазарева, О. Н. Паршина, Н. Н. Трошина.

Актуальность темы исследования определяется рядом факторов, влияющих на современное развитие и функционирование лингвистической науки. Во-первых, исследование выполняется в русле доминирующей когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Такой подход предполагает комплексный анализ эволюции американского политического дискурса (далее АПД) в XX–XXI вв. как системы в единстве ее когнитивного и коммуникативно-функционального аспектов. Во-вторых, актуальность обусловлена возросшим интересом общества к политике в исследуемый период, потребностью осмысления ее воздействия на массовую аудиторию, недостаточной изученностью функционирования данного вида национального дискурса и механизмов формирования политического сознания американского лингвосоциума. В-третьих, необходимость изучения политических технологий США актуализирует изучение стратегий и тактик, реализующих дискурсообразующие и национально-маркированные концепты в различные исторические эпохи. В-четвертых, диахронический подход к анализу языкового

материала, основанный на сопоставлении данных разных исторических эпох, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т.к. позволяет проследить эволюцию национального мировоззрения и мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику каждого этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, политики и культуры. Такой взгляд в более широком смысле решает перспективную научную проблему когнитивной дискурсологии и политической лингвистики – раскрытия когнитивно-прагматических свойств АПД в диахронии.

Объектом исследования является АПД, представленный выступлениями американских президентов в XX–XXI ст., предметом исследования – особенности вербализации концептуального пространства и коммуникативной организации АПД, что позволяет выявить объективируемые в американском варианте английского языка общие и дифференциальные черты национального мировосприятия и мировоззрения американского лингвосоциума в XX–XXI вв. Цель исследования – установить и описать основные лингвокогнитивные и коммуникативные особенности организации, функционирования и эволюции АПД в XX–XXI ст. Материал исследования составили тексты официальных стенограмм публичных выступлений американских президентов в XX–XXI вв. (662 официальные речи). Общий объем выборки составляет более 20 тыс. страниц.

2. Теоретические основы исследования лингвокогнитивных и коммуникативных особенностей американского политического дискурса

Для понимания и успешного описания механизмов политической коммуникации (далее – ПК) политическая лингвистика (далее – ПЛ), сформировавшаяся на пересечении разных областей гуманитарных наук, привлекает достижения когнитивной лингвистики, дискурсологии, функциональной риторики, стилистики, социолингвистики, лингвопрагматики, лингвистики текста. В данной сфере на сегодняшний момент отсутствует единая теоретическая база, терминология и методика исследования, что вызывает необходимость формирования терминологического и понятийного минимума, который может обеспечить систематическую передачу исследуемого материала и взаимопонимание между его исследователями. В набор базисных понятий и терминов, которые охватывают главные проблемы ПЛ, можно включить следующие: 1) лингвоментальная или языковая картина политического мира, являющаяся сложным единением таких ментальных единиц, как ментальные поля (ментальные сферы), политические концепты, антиценности и ценности, стереотипы в ПД [Новикова, 2016: 111]; 2) ПК и связанные с ней ПД, тактики и стратегии в ПК, жанры политической речи, политическая фразеология и лексика,

политическая сфера и ее уровни, политический текст, политическая речь и политический язык [Чудинов, 2008: 9].

Вслед за Т. ван Дейком в определении границ ПД исходим из его узкого понимания, включая только институциональные формы общения [Dijk, 1997]. Таким образом, АПД – это речевой акт, сопровождающий политическое действие в политической обстановке.

Развивая идею сложной структурированности политической жанристики Б. С. Каримовой [Каримова, 2006], вслед за Е. И. Шейгал, понимаем ПД как конгломерат определенных жанров. К центральным жанрам относим публичную речь президента, которая соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть [Шейгал, 2004]. Исходя из специфических черт АПД и особенностей его функционирования в XX–XXI ст., считаем целесообразным применение комплексного анализа для его изучения, основанного на сочетании различных методов и подходов научного исследования. В основе исследования лежат общенаучные принципы системного и исторического анализа, а также институционального и структурно-функционального подходов. Основным методом исследования является когнитивный дискурс-анализ. Методика, реализованная в данной работе, представляет собой синтез существующих методик анализа ПД, отобранных согласно цели и задачам исследования.

Являясь основным методом когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, дискурсивный анализ предполагает анализ обстоятельств осуществления речевого взаимодействия, поскольку контекстуальное окружение влияет на выбор лингвистических средств. Когнитивный подход [Баранов, 1990; 1997; Кубрякова, 2001; 2002a, Wierzbicka, 1999] не только связывает форму речевого произведения с такими универсальными познавательными процессами, как порождение речи, интерпретация сообщения, семантический вывод с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора, но в определенной мере ставит вербальное оформление сообщения в зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний. Эту особенность когнитивного подхода используют для выявления представлений политика о структуре политической ситуации, о целях политической деятельности, о ценностной ориентации политика и т. п. Другим преимуществом когнитивного подхода является возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного речевого взаимодействия различных политических сил США, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных и

негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также строить предсказывающие модели в политологии [Паршин, 1986; Сергеев, 1987].

Понимание риторики как науки об эффективности речевых коммуникаций общества, способах и правилах построения целесообразного общения, стиля жизни общества позволит выяснить приемы целесообразной и убеждающей речи, характерной для профессиональной деятельности американских политиков на срезе различных исторических эпох. Связь когнитивного и риторического аспектов изучения ПД проявляется в том, что ясность и выразительность речи связана с коммуникативной функцией понимания. Риторические приемы являются не только средством украшения речи, но и способом выражения мысли.

Поскольку объектом нашего исследования является АПД в XX–XXI ст., рассматриваемый в институциональном контексте, считаем необходимым выявить специфику политических речей президентов США на разных исторических этапах в сопоставлении со сложившимися правилами публичных выступлений главы государства США, формирующими АПД, в диахроническом и синхронном аспектах, а также в сравнении с речевой традицией американской политической риторики. Обращение к выступлениям американских президентов обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного общения, в становлении и функционировании АПД на стыке времен. Кроме того, именно глава государства во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса, тем самым оказывая влияние на развитие ПД.

Принимая во внимание тот факт, что АПД – это явление сложное и многомерное, применена комплексная методика его исследования. Привлечение релевантных признаков смежных наук позволило глубже исследовать и в полной мере раскрыть сущность, специфику и эволюцию АПД в XX–XXI ст.

3. Методика исследования лингвокогнитивных и коммуникативных особенностей американского политического дискурса

Исследование функционирования АПД в XX–XXI ст. проводится в четыре этапа:

3.1. Подготовительный этап предполагает систематизацию теоретических достижений предшественников, детализацию методов и приемов исследования ПК, выбор терминосистемы исследования эволюции АПД в XX–XXI вв. Неотъемлимым шагом данного этапа является выбор методики исследования.

3.2. Первый этап включает формирование корпуса языкового материала. Методика формирования эмпирического корпуса в данной работе предполагает отбор

политических текстов публичных выступлений президентов США, принадлежащих к ритуальным, ориентационным и агональным жанрам ПД [Каримова, 2006; Шейгал, 2004]. Данный этап предусматривает использование метода контекстуального анализа и количественного анализа. Материалом исследования служат тексты официальных стенограмм публичных выступлений президентов США, представленные на сайте – Millercenter.org: Presidential speeches.

Для рассмотрения были отобраны тексты публичных выступлений президентов: Т. Рузвельта [(14.09.1901-04.03.1909): 23 т.], У. Тафта [(04.03.1909-04.03.1913): 12 т.], В. Вильсона [(04.03.1913-04.03.1921): 33 т.], У. Гардинга [(04.03.1921-02.08.1923): 16 т.], К. Кулиджа [(02.08.1923-04.03.1929): 12 т.], Г. Гувера [(04.03.1929-04.03.1933): 30 т.], Ф. Рузвельта [(04.03.1933-12.04.1945): 50 т.], Г. Трумэна [(12.04.1945-20.01.1953): 19 т.], Д. Эйзенхауэра [(20.01.1953-20.01.1961): 6 т.], Дж. Кеннеди [(20.01.1961-22.11.1963): 44 т.], Л. Джонсона [(22.11.1963-20.01.1969): 70 т.], Р. Никсона [(20.01.1969-09.08.1974): 28 т.], Дж. Форда [(09.08.1974-20.01.1977): 17 т.], Дж. Картера [(20.01.1977-20.01.1981): 22 т.], Р. Рейгана [(20.01.1981-20.01.1989): 61 т.], Дж. Г. У. Буша («Джордж Буш-старший») [(20.01.1989-20.01.1993): 27 т.], Б. Клинтона [(20.01.1993-20.01.2001): 39 т.], Дж. У. Буша («Джордж Буш-младший») [(20.01.2001-20.01.2009): 49 т.], Б. Обамы [(20.01.2009-20.01.2017): 56 т.], Д. Трампа [(20.01.2017-20.01.2021): 48 т.]. Из них проанализированы 662 речи, относящиеся к ритуальным жанрам ПД (80 текстов), в том числе инаугурационная речь президента (28), традиционное обращение (12), юбилейная речь (27), прощальная речь (9), речь-оправдание / покаяние (4); ориентационным жанрам (469 текстов), включая 1) послание президента о положении дел в стране (151); 2) послание президента о положении дел в мире (151); 3) послание президента другим странам (24); 4) выступление президента на различных уровнях конференции (5); 5) отчетный доклад (87); 6) программная речь (13), пресс-конференция (38); агональным жанрам ПД (113 текстов), содержащих 1) речь о принятии выдвижения от партии / предвыборное выступление (26); 2) предвыборные дебаты (14); 3) сообщение о созыве специальной сессии Конгресса (2), послание / обращение к Конгрессу (25), обращение к Генеральной Ассамблее ООН (15), обращение к Конгрессу с просьбой объявления войны (3).

Следует заметить, что в XX в. президентами США были представлены 509 публичных выступлений, относящихся к ритуальным (66), ориентационным (360) и агональным (83) жанрам ПД, включая инаугурационное обращение президента (23), традиционное обращение (12), юбилейная речь (21), прощальная речь (7), речь-оправдание / покаяние (3), послание

президента о положении дел в стране (103), послание президента о положении дел в мире (131), послание президента другим странам (13), выступление президента на различных уровнях конференции (12), отчетный доклад (70), программная речь (11), пресс-конференция (30), речь о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление) (22), предвыборные дебаты (26), сообщение о созыве специальной сессии Конгресса (2), послание / обращение к Конгрессу (20), обращение к Генеральной Ассамблее ООН (10), обращение к Конгрессу с просьбой об объявлении войны (3).

Жанровая классификация президентских речей по периодам представлена в таблице.

Таблица. *Жанровая классификация речей в АПД в XX–XXI вв.*

Жанры	Выступления президентов США	Век		Всего
		XX	XXI	
Ритуальные жанры	Инаугурационная речь	23	5	28
	Традиционное обращение	12	–	12
	Юбилейная речь	21	6	27
	Прощальная речь	7	2	9
	Речь-оправдание / покаяние	3	1	4
<i>Всего</i>		66	14	80
Ориентационные жанры	Послание Президента о положении дел в стране	103	48	151
	Послание Президента о положении дел в мире	131	20	151
	Послание Президента другим странам	13	11	24
	Выступление Президента на различных уровнях конференции	2	3	5
	Отчетный доклад	70	17	87
	Программная речь	11	2	13
	Пресс-конференция	30	8	38
<i>Всего</i>		360	109	469
Агональные жанры	Речь о принятии выдвижения от партии (Предвыборное выступление)	22	4	26
	Предвыборные дебаты	26	16	42
	Сообщение о созыве специальной сессии Конгресса	2	–	2
	Послание / обращение Конгрессу	20	5	25
	Обращение к Генеральной Ассамблее ООН	10	5	15
	Обращение к Конгрессу с просьбой объявления войны	3	–	3
<i>Всего</i>		83	30	113
ВСЕГО:		509	153	662

Проанализированы публичные речи президентов США: 509 выступлений, представленных в XX в., относящихся к ритуальным жанрам (66), а именно: 23 инаугурационных выступления, 12 традиционных обращений, 21 юбилейная речь, 7 прощальных речей, 3 речи оправдания / покаяния; ориентационным (360), представленным в 103 посланиях президента о положении дел в стране, 131 посланию о положении дел в мире, 13 посланиях президента другим странам, 2 выступлениях на различных уровнях конференций, 70 отчетных докладов, 11 программных речах, 30 пресс-конференциях и агональным жанрам ПД (83), среди которых 22 выступления о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление), предвыборные дебаты (26), 2 сообщения о созыве специальной сессии Конгресса, 20 посланий / обращений к Конгрессу, 10 обращений к Генеральной Ассамблее ООН, 3 обращения к Конгрессу с просьбой об объявлении войны и 153 текста XXI в., из них ритуальные (14): 5 текстов инаугурационных обращений президента, 6 юбилейных речей, 2 прощальные речи и 1 текст, представляющий речь-оправдание / покаяние; ориентационные (109), включая послание президента о положении дел в стране (48), послание президента о положении дел в мире (20), послание президента другим странам (11), выступление президента на различных уровнях конференций (3), отчетный доклад (17), программная речь (2), пресс-конференция (8), и агональные (30), в том числе речь о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление) (4), предвыборные дебаты (16), послание / обращение к Конгрессу (5), обращение к Генеральной Ассамблее ООН (5) (см. табл.).

Таким образом, проанализированы 662 публичных выступления, относящихся к ритуальным (80), ориентационным (469) и агональным (113) жанрам ПД.

3.3. Второй этап. Считаем, что изучение АПД невозможно без осмысления концептосферы политического дискурса. Концепту отводится особое место в политическом сознании. Концепты ретранслируют ценности и идеи, к которым обращается президент в своих публичных выступлениях. Исследование концептов политической картины мира способствует пониманию сущности проводимой государством политики, результаты деятельности представителей которой во многом определяют статус, благосостояние и уровень жизни граждан.

Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты становятся актуальными в ключевых знаках дискурса и составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса [Шейгал, 2004: 24].

В связи с многогранностью объекта исследования, представляющего собой ментальный образ политического пространства, сформированного когнитивным сознанием человека, эволюция которого связана с развитием и изменениями в духовной и материальной культуре и вербализованной лексико-семантической парадигмой языковых единиц, изменяющейся под воздействием интралингвистических и экстралингвистических факторов, необходимо рассмотреть структуру дискурсообразующего и национально-маркированного концепта, представленную совокупностью конституирующих его дифференциальных и классификационных признаков, трансформирующихся в диахронии, т. е. происходящие изменения набора признаков и их значимости относительно друг друга, что отражается в языке и может быть прослежено на примере анализа семантики языковых репрезентантов концепта.

В рамках настоящего исследования концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики рассматривается с лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения [Бабушкин, 1996; Кубрякова, 2002б; Попова, Стернин, 2007; Карасик 2002; Маслова 2004; Степанов 2004; Vyessonova, 2021]: под концептом понимаем сложную, динамическую, структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение. Концепт рассматривается как явление динамическое в силу ряда факторов: социальных изменений, переоценки морально-этических ценностей и др. Динамичность концепта заключается в появлении новых значимых признаков, которые обогащают структуру концепта, либо исчезновение ранее существовавших признаков, что также ведет к изменениям в его структуре. Концепт обладает сложной структурой, что неоднократно отмечено в ряде работ лингвистов [Бессонова, 2019; Воркачев, 2001; Карасик, 2002; Маслова, 2004; Никитин, 2003; Попова, 2007; Степанов, 2004; Стернин, 2002]. Структура концепта обусловлена структурой действительного мира и отражает результат культурной жизни разных эпох.

Анализ лексических единиц в рамках когнитивной парадигмы понимается как выражение концепта, предполагает процедуру выделения концептуальных признаков, до некоторой степени схожую с процедурой компонентного анализа, при этом конечной целью такого исследования становится описание процессов концептуализации и категоризации окружающего мира действительности. Диахронический подход к языковым фактам заключается в их последовательном анализе на каждом выделяемом синхронном этапе.

Методологическую основу работы составляет функциональная парадигма, обосновывающая когнитивно-дискурсивный подход к изучению концепта как состояния

ментальных и психических ресурсов сознания индивида в процессе речемыслительной деятельности на продуцирование / интерпретацию дискурса и интегрирующая отдельные достижения школ когнитивной лингвистики, в частности трактовка когнитивного анализа как логического продолжения семантического [Кубрякова, 2002б], разграничение понятийной, образной и ценностной информации в структуре концепта [Карасик, 2002; Слышкин, 2004], фреймовое представление структуры значения единицы языка / концепта [Fillmore, 1982; Жаботинская, 2003], а также теорию концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980; 1987; 2003; Kovecses, 2002 и др.].

Теоретико-методологическая база исследования обуславливает использование методов как традиционной функционально-семантической парадигмы (дефинитивного, компонентного анализа, методики лексической трансформации – для инвентаризации, структурно-семантической и идеографической классификации средств вербализации концептов; этимологического анализа – для установления этимонов имени концепта; контекстологического анализа – для выявления дискурсивных реализаций средств вербализации концепта; количественного анализа – для обоснования выбора имени концепта), так и когнитивно-дискурсивной парадигмы (методики фреймового моделирования – для построения фреймовой модели концепта; инструментария теории концептуальной метафоры – для установки коррелятов конвенциональных метафор, формирующих образно-ценностный компонент концепта; методики прагматически-когнитивной интерпретации значения – для выяснения оценочных коннотаций, составляющих основу ценностного содержания концепта).

Исследование публичных выступлений американских президентов позволило выделить контексты, в которых актуализируются ключевые концепты американского политического дискурса на разных исторических этапах. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что основу (ядро) семантического пространства американского политического дискурса в XX–XXI вв. составляют несколько концептов, среди которых базовыми дискурсообразующими являются концепты POLITICS (ПОЛИТИКА), STATE (ГОСУДАРСТВО), PEOPLE (НАРОД) и POWER (ВЛАСТЬ). Кроме того, выделяются национально-маркированные концепты: AMERICA, в значительной степени представленный концептуальными элементами *'American promise'*, *'American spirit'*, *'American dream'*, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, FREEDOM, DEMOCRACY, EQUALITY, NATIONALISM / PATRIOTISM, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM.

Анализируя дискурсообразующие и национально-маркированные концепты, сопоставляя их семантический объем и выявляя основные особенности их вербализации, присущие американцам США на разных исторических этапах, разрабатывается фреймовая модель для отображения их смысловой структуры и проводится описание их семантической структуры, определяются универсальные и специфические черты в характере структурирования концептуального пространства АПД и особенности вербализации данных концептов на разных исторических этапах.

Для описания способов вербализации дискурсообразующих и национально-маркированных концептов в АПД XX–XXI ст. выявляются и анализируются значимые когнитивные дифференциальные и классификационные признаки концептов в диахронии на материале публичных выступлений президентов. Работа выполняется в рамках когнитивного подхода к исследованию семантики слов (семантико-когнитивный подход к языку), к интерпретации семантических компонентов языковых единиц, объективирующих когнитивные дифференциальные и классификационные признаки дискурсообразующих и национально-маркированных концептов.

Диахронический подход к анализу языкового материала, основанный на сопоставлении данных разных эпох, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т.к. позволяет проследить эволюцию национального мировидения и воплощающих его языковых средств, дает возможность установить специфику исторического этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, культуры и политики.

3.4. На третьем этапе проводится анализ интенциональной направленности АПД. Частое использование концептуальных метафор в речи президента страны дает основание утверждать, что концептуальная метафора является самым продуктивным прагматическим средством в исследуемом дискурсе. Выделяются наиболее типичные концептуальные метафоры, используемые адресантом с целью оказания влияния, проводится анализ основных факторов (экстралингвистических и лингвистических), влияющих на возникновение и эволюцию метафорических моделей, демонстрируется зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса. Изучение идиостиля президента, в том числе эволюции его метафорического инструментария, доминирующего на каждом этапе его политической карьеры, выявление причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политического деятеля позволяет установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на аудиторию в каждый конкретный

период, т. е. дает возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика. Применяется лингвистический и количественно-качественный методы анализа, на которых основывается изучение политического дискурса.

3.5. На четвертом этапе проводится анализ коммуникативных особенностей АПД в XX–XXI ст. Выбор в качестве источника анализа речевого жанра публичного выступления президента обусловлен тем, что именно эта жанровая разновидность ПД направлена на предоставление развернутой информации от адресанта, является той многогранной и подвижной формой, в которой в большей степени апробируются все те новые языковые явления, характерные для определенного времени. Следует отметить, что особое внимание в этом жанре уделяется такому изложению материала, который обладает значительной убеждающей силой.

Используется функциональный метод, позволяющий осуществить концептуально-интерпретационный анализ текста для определения коммуникативных стратегий и тактик в АПД XX–XXI ст. Описательный метод позволяет систематизировать разноуровневые языковые единицы реализации выделенных стратегий и тактик и дает возможность комплексного представления полученных результатов. Контекстологический анализ применяется с целью определения синтаксической и лексической детерминированности употребленного набора языковых способов в анализируемых типах политических текстов. Применение контекстуально-семантического анализа дает возможность для исследования семантико-содержательных характеристик лексических единиц, выделенных в политических выступлениях президентов США в XX–XXI ст. Определено, что в формировании указанного типа дискурса главной коммуникативной интенцией выступает интенция оказания влияния. Исследуя коммуникативные ситуации, которые актуализируют названную интенцию, приходим к выводу, что для достижения определенной коммуникативной цели используются коммуникативные стратегии, которые выступают фактором создания АПД. В ходе анализа было выявлено, что основными стратегиями в АПД является коммуникативное давление и коммуникативное манипулирование. Эти виды коммуникативных стратегий реализуются с помощью коммуникативных тактик коммуникантов указанного типа дискурса. На этом этапе выделяются и сопоставляются общие и отличительные черты стратегий и тактик в АПД XX–XXI ст., особенности их вербализации. Применяются сравнительно-сопоставительный и описательный методы, которые позволяют описать отличительные

особенности публичных выступлений президентов США, определить лингвистические и социокультурные аспекты АПД в XX–XXI ст.

4. Выводы

АПД как целостное образование выступает в виде определенного, т. е. построенного по определенному образцу комплексного речевого действия. Включение исторической перспективы в анализ данного вида дискурса отражает динамическую природу, обусловленную функционированием этого образования в определенном обществе и его спецификой прагматического контекста устно-повествовательного речевого жанра.

Выделение в АПД институционального детерминирует значимость функционирования личности во власти. Под языковой личностью понимается человек, способный создавать и воспринимать тексты, которые отличаются разной степенью структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности, при определенной целевой направленности.

Интенция борьбы за власть или ее удержание – это специфическая характеристика АПД, которая постоянно присутствует во всех его жанрах. В АПД язык рассматривается как средство осуществления социальной власти, как средство формирования, а не выражения мировоззрения. Идеологическая направленность высказывания заключается в том, что политический деятель актуализирует в тексте свою систему ценностей, оценок информации, которые он излагает или в ряде случаев «навязывает» получателю текста.

Интертекстуальность АПД заключается в признании факта существования нескольких реальных авторов, ответственных за конкретное высказывание (политические деятели, политическая группировка или партия от которой выступает копирайтер или спичрайтер, редактор и т. д.). Однако, интертекстуальность как характеристика АПД, а значит, и публичного выступления президента не исключает возможность исследования речевого поведения политика и диагностирование на основе его личностных характеристик.

АПД определяем, как завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку / вовлечение в политический процесс, сочетающее дистриктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств. Данный вид дискурса основывается на демократических принципах, но с правилами жестко институциональной иерархии.

АПД XX–XXI ст. характеризуется детально продуманным в языковом оформлении описанием социально и политически важного события с целью влияния на адресата, в роли которого выступает социум.

Организация АПД имеет аксиологическую природу. Наиболее важные ценностные понятия осуществляют значительное влияние на когнитивную систему реципиента. Языковое оформление универсальных ценностей наряду с национально-маркированными, находят свое выражение в дискурсообразующих и национально-маркированных концептах в АПД XX–XXI вв., которые изменяются в зависимости от развития социально-экономических и политических условий и событий в стране.

В АПД социальность языка проявляется в языковом оформлении социально-значимых событий и особенностей адресантно-адресатной конфигурации. Развитие и функционирование этого дискурса происходит вследствие влияния на него СМИ.

Экстралингвистический компонент АПД, наряду с когнитивной и коммуникативной деятельностью, включает ценности коммуниканта. Коммуникация в АПД характеризуется использованием специфических ценностных понятий и активизацией особых оценочных структур, объясняется особым типом ментальности, который отражает названный тип дискурса.

Важнейшей характеристикой АПД является его этнокультурная специфика, представляемая культурными смыслами – коммуникативным поведением и ценностным отношением «коллективной языковой личности» к фрагментам политической реальности.

Таким образом, современный подход к изучению эволюции АПД в XX–XXI ст. предполагает поэтапную работу над комплексным анализом АПД, которая структурирует исследование, делает его логичным, позволяет не только анализировать особенности становления, формирования и развития АПД в XX–XXI ст., но и формулировать новые теоретические положения, касающиеся проблем выявления специфики языковой реализации дискурсивного содержания в зависимости от культурной принадлежности дискурса и изучения вопросов, связанных с общими и национально-специфическими характеристиками данного типа дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 104 с.
2. Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык как социальное познание. Москва, 1990. С. 166-167.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 11-21.
4. Бессонова О. Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия – неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 12-20.

5. Бессонова О. Л., Госсар Ю. Л. Реализация категории оценки в англоязычном политическом дискурсе // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. Вып. 23. С. 253-259.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 69-81.
7. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2003. 19 с.
8. Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. № 3. С. 68-75.
9. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК имени И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. 308 с.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32-43.
11. Жаботинская С. А. Теория номинации: когнитивный ракурс // Вестник МГУ. Лексика в разных типах дискурса. Москва: МГЛУ, 2003. Вып. 478. С. 145-164.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477с.
13. Каримова Б.С. Жанровое пространство политического дискурса // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. Алматы, 2006. № 2 (92). С. 37-41.
14. Кубрякова Е. С. Понятия «дискурс» и «анализ дискурса» в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность. Москва: ИНИОН РАН, 2001. С. 3-15.
15. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002а. Т. 61. № 1. С. 13-25.
16. Кубрякова Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports. Tambov: Tambov University Press, 2002b. Issue 2. С. 2-13.
17. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистеме, 2004. 256 с.
18. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ, 2003. 277 с.
19. Новикова А.М. Содержание языковой картины политического мира // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. С. 111-113.
20. Паршин П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Москва, 1986. С. 400-409.
21. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
22. Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, 1987. С. 20-31.
23. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена. 2004. 340 с.
24. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический проект, 2004. 991 с.
25. Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002. 190 с.
26. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. 3-е изд., испр.. Москва: Флинта: Наука, 2008. 256 с.
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.

28. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries* [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.

29. Dijk T. A., van The study of discourse // *Discourse studies: A multi-disciplinary introduction: in 2 vol.* / ed. by T. A. van Dijk. L., etc. Sage, 1997. Vol. 1: Discourse as structure and process. P. 1-34.

30. Fillmore Ch. J. Frame Semantics // *The Linguistics Society of Korea. Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. P. 111-137.

31. Kovecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.

32. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

33. Lakoff G. *Cognitive Semantics*. Bloomington, Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

34. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. 502 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Hoover Herbert Clark. Inaugural Address, 4 March 1929. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1929-inaugural-address> (дата обращения: 01.09.2021).

2. Obama Barack. Address to Congress on the American Jobs Act, 8 September 2011. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-2011-address-congress-american-jobs-act> (дата обращения: 01.09.2021).

3. Roosevelt Franklin Delano. Joint Statement with Churchill and Stalin on the Yalta Conference, 11 February 1945. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-11-1945-joint-statement-churchill-and-stalin-ymalta> (дата обращения: 01.09.2021).

4. Roosevelt Theodore. First Annual Message, 3 December 1901. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message> (дата обращения: 08.08.2021).

5. Trump Donald. 9/11 Memorial Speech, 11 September 2020. Доступ: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript> (дата обращения: 01.09.2021).

REFERENCES

1. Babushkin, A. P. (1996). *Типы контseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in lexico-phraseological semantics of the language]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 1996. (In Russ.).

2. Baranov, A. N. (1990). Politicheskaya argumentatsiya i tsennostnyye struktury obshchestvennogo soznaniya [Political argumentation and value structures of public consciousness]. In *Yazyk kak sotsialnoe poznanie*. Moskva, 1990. Pp. 166-167. (In Russ.).

3. Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O. (1997). Postulaty kognitivnoy semantiki [Cognitive semantics postulates]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 1997. T. 56. No. 1. Pp. 11-21. (In Russ.).

4. Bessonova, O. L. (2019). Kontsepty, oboznachayushchie emotsii udovol'stviya – neudovol'stviya, v strukture otsenochnogo tezaurusa angliyskogo yazyka [Concepts of emotions

of pleasure – displeasure in the English evaluative thesaurus]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2019. Pp. 12-20. (In Russ.).

5. Bessonova, O. L., Gossar, Yu. L. (2019). Realizatsiya kategorii otsenki v angloyazychnom politicheskom diskurse [Category of evaluation in English political discourse]. In *Lingvistika XXI veka: traditsii i innovatsii: sbornik nauchnykh statei k 30-letnemu yubileyu Sankt-Peterburgskogo instituta inostrannykh yazykov*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGEU. Vyp. 23. Pp. 253-259. (In Russ.).

6. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Cultural linguistics, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. In *Filologicheskie nauki*. 2001. No. 1. Pp. 69-81. (In Russ.).

7. Gaykova, O. V. (2003). *Predvybornyy diskurs kak zhanr politicheskoy kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Election Discourse as a Genre of Political Communication (based on English)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).

8. Gerasimov, V. I., Ilin, M. V. (2002). Politicheskyy diskurs-analiz [Political discourse analysis]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3. Pp. 68-75. (In Russ.).

9. Deik, T. A., van. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene. (In Russ.).

10. Demyankov, V. Z. (2002). Politicheskyy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. In *Politicheskaya nauka. Politicheskyy diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya*. No. 3. Pp. 32-43. (In Russ.).

11. Zhabotinskaya, S. A. (2003). Teoriya nominatsii: kognitivnyy rakurs [Nomination theory: a cognitive perspective]. In *Vestnik MGU. Leksika v raznykh tipakh diskursa*. Moskva: MGLU. Vyp. 478. Pp. 145-164. (In Russ.).

12. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

13. Karimova, B. S. (2006). Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa [Genre space of political discourse]. In *Vestnik KazNU im. al-Farabi. Seriya filologicheskaya*. Almaty. No. 2 (92). Pp. 37-41. (In Russ.).

14. Kubryakova, E. S. (2001). Ponyatiya «diskurs» i «analiz diskursa» v sovremennoy lingvistike [The concepts of «discourse» and «discourse analysis» in modern linguistics]. In *Diskurs, rech, rechevaya deyatel'nost*. Moskva: INION RAN. Pp. 3-15. (In Russ.).

15. Kubryakova, E. S. (2002a). Kognitivnaya lingvistika i problemy kompozitsionnoy semantiki v sfere slovoobrazovaniya [Cognitive linguistics and problems of compositional semantics in the field of word formation]. In *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. T. 61. No. 1. Pp. 13-25. (In Russ.).

16. Kubryakova, E. S. (2002b). O sovremennom ponimanii termina «kontsept» v lingvistike i kulturologii [On the modern understanding of the term «concept» in linguistics and cultural studies]. In *Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports*. Tambov: Tambov University Press. Issue 2. Pp. 2-13. (In Russ.).

17. Maslova, V. A. (2004). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSisteme. (In Russ.).

18. Nikitin, M. V. (2003). *Osnovaniya kognitivnoy semantiki* [Foundations of cognitive semantics]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU. (In Russ.).

19. Novikova, A. M. (2016). Soderzhanie yazykovoy kartiny politicheskogo mira [The content of a language picture of the political world]. In *Perevod I sopolstavitel'naya lingvistika*. Pp. 111-113. (In Russ.).

20. Parshin, P. B. (1986). Lingvisticheskie metody v kontseptualnoy rekonstruktsii [Linguistic Methods in Conceptual Reconstruction]. In *Sistemnye issledovaniya*. Moskva. Pp. 400-409. (In Russ.).

21. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moskva: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
22. Sergeev, V. M. (1987). Kognitivnye metody v sotsialnykh issledovaniyakh [Cognitive Methods in Social Research]. In *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeistviya*. Moskva. Pp. 20-31. (In Russ.).
23. Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and meta-concepts]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
24. Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).
25. Sternin, I. A. (2002). *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh. (In Russ.).
26. Chudinov, A. P. (2008). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics. 3-e izd., ispr. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
27. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moskva. (In Russ.).
28. Byessonova, O. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries* [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, Pp. 259-284.
29. Dijk, T. A., van. (1997). The study of discourse. In *Discourse studies: A multi-disciplinary introduction: in 2 vol.* / Ed. by T.A. van Dijk. L., etc. Sage. Vol. 1: Discourse as structurer and process. Pp. 1-34.
30. Fillmore, Ch. J. (1982). Frame Semantics. In *The Linguistics Society of Korea. Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin Publishing Co. Pp. 111-137.
31. Kovecses, Z. (2002). *Metaphor. A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
32. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
33. Lakoff, G. (1987). *Cognitive Semantics*. Bloomington, Chicago: University of Chicago Press.
34. Wierzbicka, A. (1999). *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Hoover *Herbert Clark*. Inaugural Address, 4 March 1929. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1929-inaugural-address>. (accessed: 01.09.2021).
2. Obama *Barack*. Address to Congress on the American Jobs Act, 8 September 2011. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-2011-address-congress-american-jobs-act>. (accessed: 01.09.2021).
3. Roosevelt *Franklin Delano*. Joint Statement with Churchill and Stalin on the Yalta Conference, 11 February 1945. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-11-1945-joint-statement-churchill-and-stalin-yalta>. (accessed: 01.09.2021).
4. Roosevelt *Theodore*. First Annual Message, 3 December 1901. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message>. (accessed: 08.08.2021).

5. *Trump Donald*. 9/11 Memorial Speech, 11 September 2020. Available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript> (accessed: 01.09.2021).

Фатьянова Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии (e-mail: irafatianova@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Fatyanova Irene V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: irafatianova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 26 августа 2021 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), междустрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 17 Выпуск 3 (53) 2021

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 04.10.2021 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 18,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 21нояб186.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.